

Часть первая
Исторические факты

Глава I Текстология Нового Завета

В данной главе в текстологическом исследовании новозаветного корпуса мы будем говорить не о духовном, не о том, что можно почувствовать за *буквами* Писания, но исключительно о Писании как о феномене конкретной культуры, как о средстве и форме, как о творении, прошедшем через человеческие руки.

К настоящему времени, в основном благодаря археологическим изысканиям, стали известны 4 тысячи полных древних списков Нового Завета и более 25 тысяч его фрагментов. Считается, что самые древние тексты Евангелия могут быть датированы лишь началом II в. н.э. Самый ранний из них, а именно отрывок Евангелия от Иоанна, представляет собою пергаментный клочок размером 6,4 на 8,9 см и содержит лишь несколько стихов. Каково было содержание всего протоевангелия, по такому фрагменту судить невозможно. Следующий по времени текст, относимый его издателем к нач. III в. н.э., – папирус II из библиотеки Бодмера, содержащий фрагменты Евангелия от Иоанна 1.1-6.2, 6.35-14.15 и 14.21¹. Интересно отметить, что этот, казалось бы, самый ранний наиболее полный образец Евангелия носит следы неоднократной обработки. Как отмечает проф. Б.М.Мецгер, данный папирус уже

является смешанным. В нем переплетаются элементы александрийского и западного типов (текстовки. –А.В.). Примечательно, что эта рукопись насчитывает около 440 исправлений, сделанных между строк, над стертыми местами и на полях. Большинство из них, по всей видимости, является исправлением писцом собственных же ошибок, допущенных по небрежности. Часть же исправлений указывает на наличие другой рукописи, по которой проводилась правка текста. Несколько отрывков содержат уникальные чтения, которые отсутствуют во всех других рукописях"².

440 исправлений самого раннего из полных евангельских текстов, да еще и написанного небрежно – впечатляет!

Следующим, датируемым издателями 175 – 225 гг., является кодекс, содержащий евангелия от Луки (Иллюстрация 1) и от Иоанна. Из первоначальных 144 страниц отсутствуют 42 страницы³. И только Синайский кодекс⁴ (Иллюстрация 2), написанный в IV в., как отмечает Б.М.Мецгер, по традиции занимает «первое ме-

---

[1] См.: Мецгер Б.М. Текстология Нового Завета. М., ББИ, 1996. С.36-37.

[2] Там же. С.37-38.

[3] О загадочности появления этих рукописей у Бодмера см.: Владимиров А. Кумран и Христос. М., 2002. С.21.

сто в списке новозаветных рукописей», т.е. служит главным свидетельством о тексте Евангелия. Данный текст принадлежит к новой эпохе – эпохе победившего христианства – времени константиновой церкви¹. Здесь в еще большей мере прослеживается корректорская линия.

"Тип текста, – отмечает Мецгер, – представленный в Синайском кодексе, в целом принадлежит александрийской группе², но также содержит определенный пласт разночтений из западной группы... (Здесь) несколько писцов проделали работу корректора... Позднее (возможно, в VI или VII в.) группа корректоров, работая в Кесарии, внесла в тексты Нового и Ветхого Заветов большое количество исправлений. По этим чтениям... можно судить о том, что текст (Синайского кодекса) пытались править по другому образцу. Согласно сведениям, приведенным в колофоне... этот образец считался «очень ранней рукописью, которую исправлял бл. мученик Памфилий (Кесарийский, ум. 309 г.)»³.

Другими словами, мы сегодня имеем евангельские тексты лишь в той редакции, которая дошла до нас после времен активной текстологической деятельности конца II века или даже после деятельности отцов константиновой государственной церкви (после 325 г.). Кстати, большинство христиан более тысячелетия не имело никакого понятия о текстологических расхождениях Священного Писания, поскольку сей факт тщательно церковью скрывался. Говорилось о *Священном Писании*, однако, где изначальный оригинал этого Священного Писания или хотя бы его общепризнанная во всех церквях и во всех христианских странахкопия, – никто не знал.

Первая подборка разночтений применительно к небольшому количеству новозаветных текстов была осуществлена лишь в 1550 г. в

---

[1] В феврале 313 г. римские императоры Константин и Лициний встретились в Милане и договорились о совместной религиозной политике. 15 июня появился так называемый «Миланский эдикт», согласно которому прекращались гонения на христиан и возвращалось ранее конфискованное у христиан имущество. Константин предоставил Церкви значительные привилегии, лично участвовал и по сути руководил её деятельностью (включая определение основ вероучения), хотя христианином так и не стал (существует спорное мнение относительно его крещения на смертном одре Евсевием Никомидийским). Со времени Константина христианство становится государственной религией, и мы его называем «константиновым христианством».

[2] Специалисты классифицируют тексты Нового Завета по месту их происхождения на несколько крупных групп. Одной из них является *александрийская*, связанная с городом Александрия и текстологической школой, основанной Оригеном. - *А.В.*

[3] См.: Мецгер Б.М. Текстология Нового Завета. М., ББИ, 1996. С.43-44.

многоязычном издании Библии, осуществленном Стефаном ¹. Такая работа оказалась возможной благодаря свободомыслию протестантства и появлению технологии книгопечатания.

Спорные фрагменты Писания пытались восстановить по цитатам Писания в трудах раннехристианских авторов. Однако было признано, что судить о содержании новозаветных текстов по ним также совершенно невозможно, поскольку уже в те времена существовали различные редакции текста и своими цитатами из Писания искомые авторы только демонстрировали свою приверженность к соответствующей традиции. Кроме того, тексты данных авторов в свою очередь подвергались правке более поздних переписчиков на предмет соответствия поздним канонизированным версиям Нового Завета. Б.М.Мецгер обращает внимание на то, что «прежде чем с уверенностью оперировать патристическими сведениями, (современный. – А.В.) переводчик обязан проверить (не было ли поздних правок. – А.В.)... Тексты трактатов Отцов Церкви, так же как новозаветные рукописи, претерпевали изменения в процессе переписывания. Писец всегда стремился ассимилировать цитаты из Священного Писания к форме текста, обычной для поздних рукописей Нового Завета, – текста, который писец, возможно, знал наизусть... Особенно показателен в этом отношении Ориген, поскольку он редко дважды цитирует (один и тот же. – А.В.) отрывок, используя одни и те же слова» ². Считается, что Ориген либо же его переписчики в данном случае «страдали памятью». Подобное вряд ли приложимо к Оригену, однако есть и другое объяснение разночтений. В комментарии на Евангелие от Матфея Ориген (ум. 254 г.) сетует на то, что в его время

"отличие рукописей (евангелий. – А.В.) друг от друга колоссально как из-за небрежности писцов, так и из-за непростительной халатности тех, кто имел отношение к этим текстам; они либо не брали на себя труд проверять переписанное, либо в процессе проверки сокращали или дополняли текст как им заблагорассудится" (Comm. in matt. XV.14) ³.

Известно, что папа Дамас из-за разночтений в евангелиях обратился к Иерониму (342 – 420) с просьбой начать работу по исправлению текстов латинских евангелий ⁴. О доктринальном характере

---

[1] Мецгер Б.М. Текстология Нового Завета. М., ББИ, 1996. С.104.

[2] Там же. С.86-87.

[3] Ориген. Комментарий на Евангелие от Матфея. Цит. по: Мецгер Б.М. Текстология Нового Завета. М., ББИ, 1996. С.147.

[4] Мецгер Б.М. Там же. С.148.

его вмешательств в новозаветный корпус Писаний свидетельствует, например, его письмо к Минервию и Александру, где он пишет о различиях в текстах Послания Павла (1 Кор 15.51). Фразу «не все мы умрем, но все изменимся», по его мнению, следует читать: «мы все умрем, но не все изменимся». То есть Иероним затушевывает проблематичный для епископальной (догматической) церкви гностический характер высказывания ап. Павла о том, что после смерти (и воскресения) люди приобретают не физические (смертные) тела, но духовные (бессмертные). Ведь Павел учил прежде всего о *духовном теле*:

"Есть тело душевное, есть тело и духовное: Но то скажу вам, братия, что плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия, и тление не наследует нетления" (1 Кор 15.44-50).

Высказывание Павла об изменении после смерти валентиане активно использовали против вульгарного представления церковных ортодоксов о «воскресении во плоти». Против них идеолог церковной ортодоксии Епифаний в своем объемном труде по низвержению ересей выдвигал соображения, заставляющие вообще усомниться в его понимании христианства:

"Они (гностики) отрицают воскресение мертвых, высказывая вещи загадочные и смешные, будто не это тело восстает, а какое-то другое, называемое ими духовным" (Епифаний. Панарион, 31.7.6).

Исчезновение самых ранних текстов евангелий, хотя бы конца I века, может быть объяснено и чисто техническими причинами. Известны гонения на ранних христиан и уничтожение по распоряжению римских императоров христианских рукописей. Сохранившиеся рукописи из-за их частого чтения и передачи из рук в руки быстро затирались, замасливались и изнашивались. Текстологи отмечают, что к концу I – началу II столетия в христианской среде свитки сменились кодексами, то есть книгами из сшитых листов, что было несравненно удобнее¹. В результате если новозаветные писания и существовали на свитках до конца I в., то впоследствии все они были заменены на кодексы, а прежние свитки – исчезли. Кстати, появление книг только во втором веке и то, что в синагогах для чтения до сих пор употребляются исключительно свитки, позволило знатокам еврейской традиции заявить, например, о заведомо поздней вставке следующего фраг-

---

[1] Мецгер Б.М. Канон Нового Завета: Возникновение, развитие, значение. М., ББИ, 1998. С.110.

мента Евангелия: «Ему подали книгу пророка Исаии; и Он, раскрыв книгу, нашел место, где было написано...» (Лк 4.17). Критики справедливо утверждают, что не могли во времена евангельского Иисуса подать ему «книгу» и «раскрыть её на нужной странице», ибо таковых тогда еще не существовало. Данная фраза могла появиться не ранее II века.

Необходимо заметить, что проблема обнаружения самых ранних новозаветных текстов осложнена, в частности, тем, что очень многие пергаменты со временем использовались вторично: первоначальный текст затирали и смывали, поверхность пергамента сглаживали, а затем полученный чистый пергамент вновь использовали для письма. Такую рукопись называли «*палимпсестом*» (что означает «вновь соскобленный»). Несмотря на осуждение Собором in Trullo (692 г.) практики использования пергамента, на котором прежде были записаны тексты Священного Писания, для других целей, однако, как отмечает Б.М.Мецгер, «несмотря на этот запрет и угрозу отлучения от Церкви на год за подобные деяния, эта практика, скорее всего, продолжалась, поскольку из 250 сохранившихся на сегодняшний день унциальных¹ рукописей Нового Завета 52 представляют собой палимпсесты»², то есть написаны на месте более древних текстов.

Поскольку с течением времени число обращенных в христианство людей возрастало, рукописей требовалось все больше. «Следствием этого, – замечает Мецгер, – явилось то, что скорость переписывания в отдельных случаях сказывалась на аккуратности выполнения этой работы. Кроме того, стремление донести новозаветный текст до тех, кто не читал по-гречески (например, для латинян. – А.В.), неоднократно приводило (по свидетельству Августина) к тому, что

"любой, кто приобретал греческую рукопись и мнил себя знатоком греческого и латыни, осмеливался делать свой собственный перевод" (De doctr. Chr. II.11.16)³.

Такие отклонения относят к техническим (непреднамеренным) ошибкам, хотя наверняка если переписью занимался теолог, то неизбежными были неосознанные или умышленные изменения докт-

---

[1] Унциальное письмо (от лат. *uncia* - «двенадцатая часть» чего-либо) - книжный вариант письма, характеризующийся изысканным и более отчетливым исполнением букв. Вероятно, наименование дано из-за букв, которые занимали в рукописи приблизительно двенадцатую часть стандартной строчки.

[2] Мецгер Б.М. Текстология Нового Завета. М., ББИ, 1996. С.10.

[3] Там же. С.12.

ринального характера. Например, на полях Ватиканского кодекса в Послании ап. Павла Евреям (1.3) сохранилось возмущенное замечание, вызванное заменой одного слова другим:

"Глупец и негодяй, ты что, не мог оставить старое и не изменять его!"¹

Другой отец церкви, Иероним, выражал недовольство теми переписчиками, которые

"пишут не то, что видят, а то, что они думают; и тогда, когда они пытаются исправлять ошибки других, они только демонстрируют свои собственные"².

Андрей Кесарийский в своем комментарии на Апокалипсис (около 600 г.) проклинает тех «litterati» (литераторов), которые считали, что аттический стиль и строгое логическое мышление более достойны уважения и восхищения, чем своеобразие новозаветного языка (простонародного койне). Современному читателю, знакомому с сакральным значением в мистических текстах не то что *слов*, но даже *букв*, такое поверхностное исправление для «красоты» покажется нелепым. Напомним, что греческие буквы имеют свои числовые значения, и греческие слова иногда могут быть расшифрованы с использованием методов, подобных *гемастрии* каббалистов. Так, например, имена *Μιτρα* и *Αβραξας*, означающие Высочайшего Бога, в греческой транскрипции имеют по буквам числовое значение 365 – число дней солнечного года³, т.е. эти имена означают *Духовное Солнце*.

Созомен, константинопольский юрист, живший в V в. и написавший «Церковную историю», сообщает, что на соборе кипрских епископов около 350 г. некий Трифилдий из Ледры, культурный и красноречивый человек, в речи к собору цитируя текст «Встань, возьми постель свою и ходи», заменил стоящее в (Евангелии от Иоанна 5.8) разговорное слово «крабатос» (означающее – соломенный тюфяк, соломенная циновка) изысканным аттическим

словом . В этот момент епископ Спиридон вскочил со своего места и возмущенно сказал ему перед всем собором: «Так ты, значит,

---

[1] Цит. по: Мецгер Б.М. Текстология Нового Завета. М., ББИ, 1996. С.191.

[2] Там же. С.191.

[3]

До знакомства греков с числовой системой римлян и так называемыми *арабскими* цифрами (усвоенными арабами от индусов в период завоевания Индии) греки использовали буквы алфавита (см.: Статья «Числовая система»/Словарь античности. М., 1989, с.638.).

лучше Того (т.е. Христа), Кто произнес слово "краббатос", раз постеснялся сказать это слово?»¹. Фрагмент Евангелия звучит в традиционном переводе следующим образом:

"Иисус говорит ему: встань, возьми *постель* твою и ходи. И он тотчас выздоровел, и взял *постель* свою и пошел. Было же это в день субботний. Посему Иудеи говорили исцеленному: сегодня суббота; не должно тебе брать *постели*. Он отвечал им: Кто меня исцелил, Тот мне сказал: возьми *постель* твою и ходи. Его спросили: кто Тот Человек, Который сказал тебе: возьми *постель* твою и ходи?..."

И стали Иудеи гнать Иисуса и искали убить Его за то, что Он делал такие дела в субботу. Иисус же говорил им: Отец Мой доныне делает, и Я делаю" (Ин 5.8-12; 16-17).

Неужели пять раз названное здесь слово *постель* (краббатос) ничего более не значило, кроме атрибута быта? Ведь Евангелие от Иоанна считается наиболее мистическим и наиболее духовным среди всех евангелий. Ориген видел в данном фрагменте иносказание. Толкуя фразу в «Песне песней Соломона»: «Невеста... говорит (Жениху-Христу): "Прекрасен Ты, Брат мой, и красив; ложе наше в тени"»², Ориген писал: "Ищу ложе, где покоятся Жених с Невестой: и, если не ошибаюсь, это (Их место. – А.В.) человеческое тело. Ибо евангельский расслабленный, «положенный на постели» и по повелению Спасителя «ушедший в дом свой, взял постель», до исцеления лежал на немощном сопряжении членов своих... Ведь не для того Сын Божий сошел с небес на землю, чтобы отдавать приказания о постелях и восставшему от болезни не разрешать уйти без постели, говоря: «Возьми постель твою и иди в дом твой». И ты (человек, уверовавший во Христа. – А.В.), исцеленный Спасителем, «возьми постель твою и иди в дом твой»"³.

Если, например, сравнить «краббатос» ( ) и «Абракас» ( ) (Всевышний), то заметно их звуковое подобие (по практически одинаковому набору звуков), но почти обратное произношение. Аналогично можно отметить противоположение духа (Духовного Солнца, Христа) – *телу*. Иными словами, для более глубокого уяснения притч Евангелия необходимы кроме искренней

---

[1] Созомен. Церковная история, i.11.

[2] Ориген. Гомилии на Песнь Песней. (по переводу Иеронима) / Пер. с лат. Н.Холмогоровой // Сб.: Патристика. Новые переводы, статьи. Н.-Новгород, «Альфа и Омега», 2001. С.68.

[3] Там же. С.68-69.

веры еще и некоторые дополнительные знания или правильнее сказать, определенная *культура* работы с иносказаниями.

В этой связи преподаваемый многими историками церкви как забавный анекдот, этот случай с кроватью показывает только вершину огромного айсберга, невидимая часть которого представляла поистине неистощимое «текстологическое творчество» церковных переписчиков.

Известны значительные отступления латинских версий новозаветного Писания от греческих (прежде всего – Кодекса Безы, датируемого V или VI в. ¹). Так, например, описанное в Деяниях (15.20) решение «Апостольского собора» в александрийском тексте содержит четыре запрета, а в «западном» – три, но зато добавлено другое правило ². В результате текст, носящий характер пищевых запрещений (воздержаний от всего, что связано с языческим культом), на фоне дополненного «западной» редакцией правила исключительно морального содержания («не делайте другим того, что не хотите себе»), затушевывает чисто ритуальные иудаистские требования, представляя их христианским нравственным отторжением от языческой «безнравственности». «Западный» текст добавляет иногда весьма колоритные детали: так, в Деяниях (8.24) сообщается, что Симон Маг, попросив помолиться за него, непрерывно плакал; в Деяниях (12.10), указано, что Петр и ангел выходят из ворот, спускаясь по семи ступенькам; в Деяниях (16.30) сказано, что стражник, прежде чем вывести Павла и Силу, запирает остальных заключенных. Некоторые из вставленных деталей указывают на хорошее знакомство с местными палестинскими особенностями ³. Пропуски в «западном» тексте по сравнению с александрийским получили в науке название «западные неинтерполяции». Они встречаются чаще всего в евангелиях, особенно в евангелиях от Матфея и от Луки (наиболее знаменитые примеры: Мф 27.49; Лк 22.19b-20, 62, 62; 24.3, 6, 9, 36, 40, 51, 52) ⁴. «Западная» традиция опускает упоминание о Вознесении в Евангелии от Луки (Лк 4.51), где опущен конец стиха («и начал возноситься на небо»). И.Левинская в этой связи замечает, что «изменения в обоих текстах (в "Деяниях" и в Евангелии от Луки) могут быть проявлением одной и той же тенденции: убрать описание Вознесения Иисуса на небо и

---

[1] См.: Мецгер Б.М. Текстология Нового Завета. М., ББИ, 1996. С.47.

[2] Левинская И.А. Деяния Апостолов на фоне еврейской диаспоры. СПб., 2000. С.36.

[3] Там же. С.36.

[4] Там же. С.36-37.

заменить его рассказом об удалении его из поля зрения учеников¹. В таком случае можно предположить, что редактор "западного" текста был движим соображениями доктринального порядка и устранил из текста, насколько это было возможно, упоминания о телесном вознесении Иисуса... : (здесь) тело Иисуса облако скрывает прежде, чем он возносится на небо, и, таким образом, апостолы самого вознесения видеть не могут»².

Как указывает в своем текстологическом исследовании И.Левинская, одним из объяснений текстуальных расхождений может быть то, что

"«западный» текст (причем не только Деяний) является результатом свободного обращения писцов с имеющимся в их распоряжении текстом. Писцы сглаживали, правили текст и делали вставки. Истории об апостольском веке продолжали широко бытовать во II в. и служили тем источником, из которого черпали переписчики свои интерполяции. См.: Westcott-Hort, II, 122-126; W.H.P. Hatch, *The «Western» Text of the Gospels* (Evanston, 1937); F.G.Kenyon, «The Western Text in the Gospels and Acts», *Proceedings of the British Academy*, XXIV (1939), 287-315" ³.

Но сами «западники» были иного мнения о своих текстах. Б.М.Мецгер пишет, что, например, «Амвросиастр, римский комментатор Павловых Посланий, живший в IV в., был уверен, что в тех местах, где греческие рукописи отличаются по какому-нибудь важному пункту от латинских, которыми он привык пользоваться, за поврежденное чтение ответственные греки "с их самонадеянным легкомыслием"»⁴.

Среди других догматических исправлений можно отметить, например, такие. У Матфея и Марка Иисус говорит о Судном дне, что «о дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только один Отец» (Мф 24.36; Мк 13.32), т.е. не знает и Иисус, что показалось некоторым переписчикам недопустимым, и они спасли ситуацию, просто опустив некоторые слова, оставив «о дне же том и часе не знает, ни Ангелы небесные, но только один Отец»⁵. В Лк 2.41 и 43 вместо слов «Его родители» некоторые ру-

---

[1] Epp E.J., "Ascention in Textual Tradition of Luke-Acts", *New Testament Textual Criticism, Its Significance for Exegesis*, eds. E.J.Epp, G.D.Fee (Oxford, 1981). P.143.

[2] Левинская И.А. Деяния Апостолов на фоне еврейской диаспоры. СПб., 2000. С.73-74; 85.

[3] Там же. С.38.

[4] Мецгер Б.М. Текстология Нового Завета. М., ББИ, 1996. С.196-197.

[5] Там же. С.197.

кописи содержат слова «Иосиф и Мария», тем самым защищая доктрину о том, что Иосиф не был, или, вернее, не Иосиф был «родителем» Иисуса. Так, в Лк 2.33 и 48 некоторые свидетели изменяют указание на отца Иисуса, просто подставляя имя Иосиф (2.33) или опуская упоминание о нем (2.48).

Выше мы в основном рассматривали текстологические несоответствия в евангельских текстах. Но с посланиями апостолов и Деяниями дело обстоит аналогичным образом. З.Косидовский, например, писал:

«Филологические исследования показали, что из четырнадцати посланий Павла лишь часть можно считать подлинными. Некоторые исследователи считают подлинными всего четыре послания. Эту точку зрения сформулировал в середине минувшего столетия известный профессор богословия в Тюбингене Фердинанд Баур, пришедший после филологического анализа текстов к выводу, что Павел был автором только посланий к Коринфянам, Галатам и к Филимону. Этот вывод, с одной лишь поправкой, подтвердили современные библеисты из города Эдинбурга: профессор богословия Макгрегор и его сотрудник Мортон. В своих лингвистических исследованиях они воспользовались компьютером и на основе математических вычислений неопровержимо установили, что единство языка и стиля связывает пять посланий: к Римлянам, к Коринфянам (оба послания), к Галатам и к Филимону. Не подлежит сомнению, что они написаны одним человеком. А поскольку на основании ряда признаков, на которых мы здесь не будем останавливаться, считается доказанным, что автором двух посланий (Первое послание к Коринфянам и Послание к Галатам) является св. Павел, то приходится признать его также и автором трех остальных. Что до остальных посланий, приписываемых Павлу, то уже ясно, что они принадлежат неизвестным авторам, которые по обычаю того времени назвались именем апостола, чтобы придать большую значимость своим доводам. Послания к Тимофею и к Титу, например, относятся к первой половине второго века: в них отражена такая обстановка в христианских общинах, которая была просто невозможна при жизни Павла. Там идет речь о борьбе с ересями, возникшими, когда Павла уже давно не было в живых...

"Деяния апостолов", – продолжает Косидовский, – это единственный дошедший до нас первоисточник по истории христианства до третьего века, освещающий чрезвычайно важное тридцатилетие – период от распятия Иисуса до появления в Риме св. Павла в 61 – 63 годах... Прежде всего встал вопрос об авторе этого произведения и времени его создания. Считается несомненным, что "Дея-

ния апостолов" являются продолжением Евангелия от Луки и составляют вместе с этим Евангелием единую композицию одного и того же автора, разделенную на два тома, соответствующие тогдашним двум свиткам...

Согласно церковной традиции, автором обеих книг является Лука, секретарь и врач св. Павла. В соответствующей главе мы уже привели ряд доводов, опровергающих авторство Луки. Не будем их повторять, напомним лишь вывод: вряд ли удастся когда-либо в точности установить личность автора Евангелия от Луки, а следовательно, и "Деяний апостолов". Вопрос о времени создания "Деяний апостолов" оказался проще, хотя и здесь не обошлось без трудностей. В тексте сочинения нет ни одного намека на разрушение Иерусалима, и некоторые библеисты нашли это обстоятельство достаточным для того, чтобы заключить, что "Деяния апостолов" были написаны до 70 года. Однако они при этом упустили из виду, что "Деяния апостолов" – вторая часть Евангелия от Луки, что это, в сущности, одно сочинение, принадлежащее перу одного автора. Между тем в тексте Евангелия, как мы уже знаем, имеются упоминания о разрушении Иерусалима и даже о репрессиях, каким подвергал последователей Христа император Домициан, царствовавший в 81 – 96 годах. А поскольку "Деяния апостолов" были написаны позже или, по крайней мере, в одно время с Евангелием, то их следует отнести примерно к 90 году...»¹

Важно помнить, что современная текстология анализирует лишь те тексты, которые дошли до наших времен и которые были написаны в основном во времена Иринея Лионского и после него. Обнаруживаемые среди них отличия не столь значительны, чтобы объяснить, как оказались забыты кумраниты и Учитель Праведности и почему сроки жизни Христа были смещены более чем на столетие. Для нас рассмотрение текстологических отклонений этих поздних рукописей представляет интерес только в связи с демонстрацией невозможности использования новозаветных текстов в качестве непротиворечивого источника биографической, исторической и доктринальной информации. Исправления, сам их характер показывают внесение правок в исходные тексты или даже склеивание фрагментов различных писаний в один доктринально выверенный текст. Однако объяснение столь кардинального смещения исторических сроков евангельской драмы (со 120 г. до н.э. до 1 г. н.э.)

---

[1] Косидовский З. Библейские сказания; Сказания евангелистов. М., 1991. С.344-345.

следует искать не столько в деятельности поздних переписчиков и корректоров, сколько в выяснении того, что вообще представляют собой Священные истории о Богах и Пророках (весьма напоминающие друг друга). Евангелие среди них не является исключением (см. главу II.1 в книге «Кумран и Христос»). Ранние прототипы синоптических евангелий могли еще сохранять связь и с кумранскими свитками, и с подлинной историей Иисуса Христа. Но написанные эзотерически¹, они были доступны лишь посвященным. Отцами же церкви они в части иносказания были воспроизведены в искаженном виде (речь идет, конечно, о мистериальной, а не об этической стороне христианского Учения). О возможном первоисточнике синоптических евангелий писала Е.П.Блаватская. Приведем обширную цитату из её «Разоблаченной Изиды» вместе со всеми ссылками внутри цитаты: «Иероним² нашел достоверное и подлинное Евангелие, написанное по-еврейски Матфеем, апостолом-мытарем; он нашел его в библиотеке, собранной в Кесареи мучеником Памфилием. &scit;"Я получил разрешение от назареев, которые в Берое, в Сирии, пользуются этим (Евангелием), на его перевод, – пишет Иероним к концу IV века³. – В *Евангелии*, которое *назарей избииониты* употребляют, – говорит он, – которое недавно я переводил с еврейского на греческий и которое многими людьми называется *подлинным* «Евангелием от Матфея», и т.д."⁴&scitc;

О том, что апостолы получали "сокровенное учение" (помимо общедоступного учения. – А.В.) от Иисуса и что он сам преподавал таковое, очевидно из дальнейших слов Иеронима, который признался в этом в момент неосторожности. В письмах к епископам Хроматию и Хилеодору он жалуется, что ему

---

[1] *Эзотерическое*, букв. «глубокое», – тайное знание, в отличие от *экзотерического*, т.е. внешнего, поверхностного знания.

[2] Иероним (Евсевий Софроний, 347 – 419) – один из учителей церкви.

[3] Иероним: «De Virus», иллюст., гл. 3. «Замечательно, что несмотря на то, что все отцы церкви говорят, что Матфей писал *на еврейском языке*, сами же они пользуются греческим текстом, как подлинным апостолическим писанием, без упоминания, какое отношение еврейское Евангелие от Матфея имеет к нашему греческому! Оно имело много *особого рода добавлений*, которые отсутствуют в нашем Евангелии». (Olshausen, «Nachweis der Echtheit der sammtlichen Schriften des Neuen Test.», p. 32; Dunlap, «Sod, the Son of the Man», p. 44.). – Е.П.Б.

[4] Иероним: «Commen. to Matthew», II.XII.13. Иероним добавляет, что оно было написано на халдейском языке, но еврейскими буквами. – Е.П.Б.

"...достался тяжелый труд с тех пор, как ваши преподобия приказали мне перевести то, что *сам св. Матфей, апостол и евангелист, не желал открыто писать*". Ибо, если бы оно не было *сокровенным*, он (Матфей) добавил бы к этому *Евангелию*, что то, что он выдал, было его; но он составил эту книгу запечатанной еврейскими буквами, которые он *даже расположил таким образом*, чтобы этой книгой, написанной еврейскими буквами и *его собственной рукой*, могли бы владеть *наиболее религиозные люди*; которые также, с течением времени, получили ее от своих предшественников. Но самую эту книгу они никогда никому не давали переписывать, а ее *текст* передавали одни так, другие – иначе ¹.

И далее он на этой же странице добавляет:

И случилось, что эта книга, опубликованная одним последователем Манихея ², по имени Селевк, который также фальшиво написал «Деяния апостолов», выявила материал не для назидания, но для разрушения; и что эта книга была одобрена на (разбойничьем. – А.В.) синоде, к которому уши церкви правильно отказались прислушиваться ³.

Иероним сам допускает, что написанная "*рукой Матфея*" книга, подлинность которой он свидетельствует, несмотря на то, что он переводил ее дважды, была тем не менее почти непонятна для него, ибо она была сокровенной или – *тайной*. Тем не менее Иероним хладнокровно относит все комментарии на нее, кроме своих собственных, к *еретическим*.

Более того, Иероним знал, что *это подлинное* "Евангелие от Матфея" излагало единственное истинное учение Христа и что

---

[1] St.Jerome. P.445; Dunlap. Sod, the Son of the Man. P.46. - *Е.П.Б.*

[2] Последователь *Мани*. Мани (216 - ок. 277), проповедник, основатель религиозного учения манихейства, получившего распространение в Персии и Средней Азии. - *А.В.*

[3] Этим объясняется также отвержение сочинений Иустина Мученика, признававшего только это «еврейское Евангелие», как, видимо, поступал и Татиан, его ученик. Насколько поздно *божественность* Христа была полностью установлена, мы можем судить по тому простому факту, что даже в четвертом веке Евсевий не осуждал эту книгу как подложную, но только относил ее к таким, как «Апокалипсис» Иоанна; и Креднер («Zur Gesch. Des Kan», p. 120) указывает на Никифора, внесшего ее вместе с «Откровением» (Апокалипсисом) в свою «Стихометрию» среди Антилегомен. Эбиониты, *истинные* первые христиане, отвергая все остальные апостолические писания, признавали только это Евангелие (Ириней. Против ересей, I.26), и они, как сообщает Елифангий, вместе с назаряями непоколебимо верили, что Иисус был только человек, «от человеческого семени». – *Е.П.Б.*

это был труд евангелиста, который был другом и товарищем Иисуса. Он знал, что если из этих двух евангелий – еврейского, о котором идет речь, и греческого, вошедшего в наше нынешнее Священное Писание (евангелия от Матфея, Марка и Луки. – *А.В.*), – одно было поддельным и, следовательно, еретическим, то это было не Евангелие назареев; однако, зная все это, Иероним проявляет большую, чем когда-либо, ярость в преследовании "еретиков". Почему? Потому что принятие его (т.е. Евангелия от Евреев) было равносильно вынесению смертного приговора основанной церкви. Уж слишком хорошо было известно, что "Евангелие от Евреев" было единственным Евангелием, признаваемым в течение четырех веков еврейскими христианами, назарееями и эбионитами. И никто из последних не признавал *божественности* Христа (в том смысле, что Иисус – Бог. – *А.В.*).

Если комментарии Иеронима к книгам пророков, его знаменитая "Вульгата" и многочисленные полемические трактаты также достоверны, как эта версия "Евангелия от Матфея", тогда перед нами, действительно, божественное Откровение»¹,

- с иронией заключает Блаватская.

И.С.Свенцицкая отмечает, что «...тщательный стилистический и лингвистический анализ канонических евангелий привел большинство современных исследователей к выводу, что в целом евангелия не представляют собой перевода с арамейского, что они изначально написаны на греческом языке. В то же время нельзя отбрасывать сведения, содержащиеся в источниках, о существовании арамейских сочинений (в частности, арамейской версии Евангелия от Матфея, которую Папий /сер. II в./ считал первоначальной). Если отказаться от теории, высказанной протестантскими богословами, что новозаветные евангелия, при всей их противоречивости (во всяком случае, первые три, наиболее схожие между собой: Мф, Мк, Лк), восходят к единому арамейскому первоисточнику или, может быть, к двум, то наиболее вероятным представляется предположение о параллельной записи устной традиции на арамейском и на греческом языках... Это предположение позволяет объяснить наличие разных версий евангелий, приписываемых одному и тому же автору...»; ...«Ириной писал, что эбиониты (– кумраниты. – *А.В.*) пользуются только одним Евангелием – от Матфея. Это Евангелие, судя по пересказу его содержания, не совпадало с каноническим. В нем отсутствовала генеалогия Иисуса, учение о непорочном зачатии. Для

---

[1] Блаватская Е.П. Разоблаченная Изида. М-Мн.: Сфера - Лотаць. Т.2. 2000. С.179-180.

эбионитов Иисус был сыном Иосифа и Марии, бедным человеком. Он отличался справедливостью, благоразумием и мудростью. При крещении на него сошел Святой Дух, который при распятии покинул его (Ириней. Против ересей, I.26)»¹.

Самым первым известным списком почитаемых, то есть «канонических», церковных книг является фрагмент, составленный в Риме около 200 г. и обнаруженный в 1740 году. По имени нашедшего его исследователя он получил название «Канон Муратори». В этом фрагменте нет начала, т.е. не известно, какие точно евангелия входили в канон. Составитель списка лишь указывает, что они «согласны между собой». Канон включает «Деяния всех апостолов в одной книге» (т.е. новозаветные «Деяния апостолов»). Включены тринадцать посланий Павла (без Послания к Евреям); из канонических соборных посланий отсутствуют послания Петра, Послание Иакова, Третье послание Иоанна. По поводу апокалипсисов составитель пишет: «Из откровений мы признаем только Иоанна и Петра, которое некоторые из наших не хотят читать в церкви. Но Герма написал "Пастыря (Гермы)" уже в наши дни в Риме, когда епископом был его брат Пий. Поэтому его нужно читать, но не публично в церкви, не среди (писаний) апостолов, не среди пророков». Примечательно отсутствие в каноне Послания Иакова. Это Послание некоторые современные ученые считают наименее «христианским» и наиболее «загадочным» из новозаветной литературы. Оно было создано, по всей вероятности, в среде иудеохристиан и адресуется «двенадцати коленам в рассеянии» (1.1). В нем содержатся резкие выпады против богатства, защищается требование соблюдения иудейского Закона («дел»). Собрание христиан в этом послании названо синагогой (в синодальном переводе дано слово «Собрание» – 2.1). Иудео-христианская направленность этого послания и привела к тому, что в «Каноне Муратори» его нет. С некоторой осторожностью относится составитель канона ко Второму посланию Павла к Коринфянам и Второму посланию к Фессалоникийцам, в списке оговаривается, что эти послания – повторные (т.е., возможно, являются повторением первых посланий); послания Павла к Тимофею, Послание к Титу и Послание к Филимону включены, как там сказано, из любви к Павлу; таким образом, можно думать, что составитель (составители?) «Канона Муратори» происходил из среды ортодоксальных² христиан, по-

---

[1] Свенцицкая И.С. Тайные писания первых христиан. М., 1980. С.99-100; 123-124.

читателей Павла, но даже при той любви к нему, о которой упомянуто в списке, он с колебанием относился ко многим «посланиям Павла» как источникам вероучения. Исторически ныне принятый канон новозаветных книг формировался церковью на протяжении нескольких столетий и включал разные тексты, в том числе и ныне отвергнутые.

Необходимо отметить достаточно распространенное ошибочное представление о закрытости текстов Писания для исправлений с момента провозглашения канона. Парадоксальность ситуации заключается в том, что, несмотря на признание со времен Маркиона корпуса так называемых «канонических книг Писания²», можно было, не изменяя его состав, существенно изменить содержание входящих в него текстов. Ириной Лионский, Климент Александрийский, Тертуллиан, Евсевий и многие другие отцы церкви и раннехристианские апологеты обвиняли гностиков и прочих своих противников в умышленном искажении Священного Писания. Однако исследования показывают, что так называемые «еретики» могли в свою очередь выдвинуть против церковных апологетов аналогичные обвинения. Об одной вопиющей поздней вставке Б.М.Мецгер замечает, что «когда разночтения (в текстах. – А.В.) касались значимых моментов вероучения, Отцы обычно утверждали, что еретики изменили точный вид текста... (Но) теперь мы знаем, что последние 12 стихов Евангелия от Марка (16.9-20) отсутствуют в древнейших греческих, латинских, сирийских, коптских и армянских рукописях, а в других помечены специальными символами, указывающими на их сомнительность или недостоверность³. Евсевий и Иероним, хорошо знавшие о таких расхождениях, специально размышляли о том, какую форму текста следует предпочесть. (Но) стоит отметить, что никто из отцов не называл одну форму канонической, а другую – нет. Этого мало; признание того, что канон в целом закрыт, не повело к рабской консервации текстов ка-

---

[2] Первоначально послания ап. Павла к (Священному) «Писанию» не относились.

[3] «Практически все авторы текстологических исследований и критических комментариев на Евангелие от Марка согласны в том, что последние 12 стихов не могут рассматриваться как написанные Марком» (Мецгер Б.М. Текстология Нового Завета. М., ББИ, 1996. С.225).

нонических книг... Понятие "канонический" оказалось достаточно широким, чтобы вобрать в себя все варианты текстов (как и вариативные пересказы в ранних версиях)... Короче говоря, вопрос о каноничности имеет отношение к документу как целому, а не к данной конкретной его версии»¹, т.е. не к тексту, который вместе с содержащимся в нем смыслом на протяжении первых веков постоянно изменялся вслед за становлением церковной догмы.

---

[1] Мецгер Б.М. Канон Нового Завета: Возникновение, развитие, значение. М., ББИ, 1998. С.262-264.

Глава II Апостольские мужи

Общепринято, что «во главе церковных историков стоит знаменитый Евсевий Кесарийский»¹. Известная сегодня история Ранней церкви во многом является лишь повторением написанного Евсевием. С него, собственно, и начинается церковная историография. Но объективность Евсевия многими учеными ставилась под сомнение. А.Г.Дунаев в предисловии к публикации текста св. Иустина соглашается с мнением А.Гарнака, что «Евсевий об обстоятельствах мученической кончины Иустина ничего не знал и хотел скрыть свое незнание под покровом искусственных соображений»². И далее: «Принимая дошедшее до него от церковных писателей (Ириней, Тертуллиан) известие, что Иустин скончался мученически, он заключил, что, наверное, циник Кресцент был виновником смерти Иустина. Требовались исторические доказательства, но доказательств у него (Евсевия) не было... (Поэтому) именно в несколько искаженном (умышленно. – А.Д.) виде он приводит свидетельство Татиана, ученика Иустинова...»³.

Другой издатель раннехристианских текстов, А.В.Вдовиченко, об одном из сочинений Евсевия (об Аполлонии Тианском⁴) пишет, что его «способ ведения спора по отношению к оппонентам не вполне корректен. Евсевий как будто считает, что чуть ли не все средства хороши для исполнения его полемической задачи. Помимо подбора – с понятной тенденциозностью – событийного материала, Евсевий насыщает свою работу ироническими замечаниями... приводит эпизоды, зачастую лишённые контекстов...; иногда произвольно комментирует текст Филострата и уже стоит на грани, за которой начинается переименование и даже перевертывание препарируемого текста... На фоне других христианских полемических сочинений его работа – в отношении "разборчивости в средствах" – обладает несомненно "ярко выраженной индивидуальностью"»⁵.

---

[1] Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.2. М., 2000. С.138.

[2] Дунаев А.Г. Предисловие // Сочинения древних христианских апологетов / Составление, общая редакция, перевод с древнегреческого, введения, комментарии А.Г.Дунаева. СПб., 1999. С.346.

[3] Там же. С.346.

[4] Евсевий Памфил. Против Похвального слова, написанного Филостратом в честь Аполлония, по поводу сделанного Иероклом сопоставления между Аполлонием и Иисусом Христом // Раннехристианские апологеты II - IV вв. М., 2000.

[5] Вдовиченко А.В. Евсевий Кесарийский против Иерокла // Раннехристианские апологеты II-IV вв.: Переводы и исследования. М., 2000. С.154.

Евсевию как историку В.В.Болотов, по сути, вынес негативный вердикт. Так, он писал: «Евсевий не принадлежал к числу великих исторических гениев... Это был... мыслитель заурядный... Указывают на то, что Евсевий умалчивает, например, о казнях, которые производил Константин над членами своей фамилии, ничего не сообщает о несчастной судьбе Криспа¹, старшего сына Константина»; «Его (Евсевия) история в некоторых отношениях не удовлетворяет не только требованиям, предъявляемым настоящим историкам, но даже и тем, которые предъявлялись его современникам»; «по своему содержанию история Евсевия богословская... Евсевий не относится к таким историкам, которые вполне объективны»; «В последних книгах истории особенно проявляется многословие Евсевия, которое составляет его недостаток... Вообще слог его сочинений весьма темен и запутан»².

Правильнее было бы назвать Евсевия прежде всего *апологетом церкви*, а потом уже историком. В нашей книге «Кумран и Христос» о Евсевии мы писали:

"Евсевий Кесарийский (Памфил) (ок. 260 – ок. 340), отец церковной истории. Родился в Палестине, учился в Кесарии. Его учитель, пресвитер Памфил, передал ему свое преклонение перед Оригеном. Участвуя в управлении кесарийским училищем, Евсевий во время гонения Диоклетиана сохранил наличность кесарийской библиотеки и обогатил ее новыми коллекциями рукописей, приобретенных во время вынужденного удаления из Кесарии и путешествий по Сирии, Египту и Фиваиде. Около 313 Евсевий был избран епископом Кесарийским. Со времени водворения в 323 Константина Великого на Востоке Евсевий оказыва-

---

[1] Историк Зосим сообщает, что «когда он (Константин) прибыл в Рим (в 326 г., причем за год перед этим, в 325 г., на Первом Вселенском Соборе *при определяющем* участии Константина принимались вероучительные основы христианства. – А.В.)... он умертвил своего сына Криспа Цезаря, заподозрив его в близких сношениях с Фаустой, мачехой (второй женой Константина). Когда же Елена, мать Константина, пораженная таким несчастьем, впала в безутешную скорбь по убитому юноше, Константин... приказав натопить чрезмерно баню, посадил туда Фаусту и вынес её оттуда мертвой». Данный факт ни в коей мере не порочит христианство как веру, но только демонстрирует, каким образом поколениями церковных историков создавался миф о непогрешимости и святости отдельных отцов и организаторов *исторической* церкви. – А.В.

[2] Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.2. М., 2000. С.139-140; 151; 152; 153. При цитировании мы изъяли традиционные для церковного историка комплименты в адрес отца церковной истории.

ет сильное влияние на императора и сохраняет это влияние до смерти. Этому способствовало его умение хвалить покровителей и замалчивать их ложные шаги, готовность вовремя произвести нажим и на свои взгляды, и на чужие документы. Евсевий является историографом эпохи Константина Великого; но именно благодаря его искусству располагать свет и тени мы до сих пор не знаем много важного о жизни императора и о процессе превращения христианства из религии гонимой в государственную. О том и другом вместо портрета он оставил нам икону. Когда начались арианские волнения, Евсевий не сумел или не захотел занять определенной догматической позиции. Как почитателя Оригена его, естественно, клонило в сторону субординационизма и арианства; но когда на соборе 325 дело дошло до голосования формулы императора: (единосущный), он не устоял перед искушением угодить венценосному Епископу (Константину). После собора, с возникновением антиникейской реакции, Евсевий становится видным ее деятелем. В 330 он присутствует на соборе, осудившем Евстафия Антиохийского, в 335 г. – на соборе Тирском, осудившем Афанасия Великого (один из почитаемых столпов христианства). Но в представлении о Евсевии все заслоняется его заслугами как церковного писателя. Так как большая часть документов и сочинений, которыми он пользовался, теперь исчезла, то без Евсевия о первых трех веках христианства мы знали бы очень мало. Его «Жизнь Константина» служит предметом горячих споров. Многие исследователи обвиняют его в фальсификации документов. Авторитетный современный богослов и историк церкви протопресв. Иоанн Мейендорф характеризует Евсевия как «придворного епископа» при императоре Константине¹. Еще в большей мере, чем «Жизнь Константина», вызывает сомнения в правдивости его «Церковная история»².

Интересно отметить, что церковь, вероятно, не особо нуждалась в исторических изысканиях, поскольку, как отмечает В.В.Болотов, продолжателями дела Евсевия на поприще историографии стали лица, жившие сто лет спустя после Евсевия³, т.е. уже в V в. Но даже и их труды оказались мало чтимы, и многие не со-

---

[1] Мейендорф И. Единство империи и разделение христиан // Сб.: Мейендорф И. История церкви и восточно-христианская мистика. М., 2000. С.35.

[2] Владимиров А. Кумран и Христос. М., 2002. С.126-127.

[3] Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.2. М., 2000. С.158.

хранились¹. Характерной чертой всех названных последующих церковных историков является то, что в большинстве своем они исследовали христианство лишь со времен Константина (IV в. и далее). Если же они касались Иисуса Христа и апостолов, то не с точки зрения исторического исследования, а лишь богословски, т.е. для утверждения специфической устоявшейся догмы.

Иными словами, богословская *история Ранней церкви* отличается заметной особенностью. Любое историческое сообщение здесь о событиях, затрагивающих Иисуса и апостолов, является выражением принятой религиозной догмы. При таком подходе весьма трудно установить, что же в такой истории первоначально – фактическое событие, освященное затем догматом, или, наоборот, догмат, породивший событие? Наше исследование истории апостолов и Ранней церкви подвигает признать последнее – доминирование догмата в ущерб фактам.

Немецкий философ, просветитель, естествоиспытатель и протестантский пастор Иоганн Готфрид Гердер в XVIII в. справедливо писал об эволюции церковно-христианских представлений, о феномене постепенного превращения вымысла в «историю»:

"Священные книги христианства, сложившиеся отчасти из сохранившихся, написанных по частным поводам посланий, отчасти из устных рассказов, со временем стали мерою (канон) веры, а потом и знаменем всех воюющих сторон, и были использованы во зло всеми, какими только возможно было, способами. Или любая сторона доказывала на основании их всё, что было ей угодно, или же не останавливались даже и перед искажением текстов, нагло и бесстыдно приписывая апостолам всякие лжеевангелия, послания и откровения. *Благочестивый обман* в делах такого рода хуже всякого клятвопреступления, потому что обмануты бывают целые необозримые поколения, бескрайние времена, но вскоре обман перестали и за грех считать, а видели в нем скорее заслугу – к «вящей славе Господней» и во спасение душ. Вот откуда пошло множество подложных сочинений апостолов и отцов церкви, вот откуда бессчетные чудеса, мученики, дарственные грамоты, установления и указы, недостоверные, непроверенные, которые словно тать в ночи

---

[1] Первым написавшим исторический труд о церкви после Евсевия был арианский историк Филосторгий (ок. 425 г.). Выполненные им 12 книг ввиду принадлежности автора к арианству попали в ряд еретических и не сохранились. Следующий за ним был пресвитер иерусалимский Исихия, труды которого также не сохранились. Ближайшим к ним по времени историком, труды которого дошли до нас, был Сократ Схоластик, написавший «Церковную историю» в 7 книгах, которые обнимали период с 305 по 439 г. (см.: Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.2. М., 2000, с.158-159).

крадутся через все века древней и средней истории... Как только был усвоен негодный принцип, – ради пользы церкви, оказывается, можно совершать подлог, выдумывать ложь, сочинять и фантазировать, – так вере, вере исторически правдивой, был нанесен ущерб; потерялось правило, которым прежде руководствовались человеческие языки и перья и которым направлялась память и воображение людей, – теперь, вместо греческой и пунической верности, можно было, с еще большим правом, говорить *охристианской легковёрности*. Тем неприятнее бросается все это в глаза, что эпоха христианства прямо примыкает к эпохе наилучших историков Греции и Рима, – теперь, в христианскую эру, на долгие века и совершенно неожиданно, почти полностью утрачивается подлинная история. История опускается, превращается в хронику епископов, церковей, монахов, – ведь и писали уже не для самых достойных людей, не для мира и государства, а для церкви или даже для ордена, для монастыря, для своих единомышленников; привыкнув к проповеди, к тому, что народ во всем верит епископу, что бы тот ни говорил, и писать стали так, что весь мир принимали за один народ верующих, за христианскую паству" ¹.

Далее мы беремся доказать, что мостом, связывающим евангельские события и реальную историю церкви, выступает единственный автор – Иринеи Лионский, он же одновременно – создатель догматического христианства. Будет интересно познакомиться с его схемой рождения христианства, изложенной буквально в нескольких сжатых параграфах. Из нее отчетливо видна канва мифа, искусственное возведение столпов. От себя мы добавили подзаголовки (выделены курсивом), а также включили добавления Тертуллиана ².

Иринеи Лионский. Против ересей. (Фрагменты из Книги III.) ³

*Истоками христианской Веры являются:
устное Предание и Писание апостолов, получивших
совершенное знание от Св. Духа.*

I.1. Об устройении нашего спасения мы узнали не чрез кого другого, а чрез тех, чрез которых дошло к нам Евангелие, которое они тогда проповедовали (устно), потом же, по воле Божией, пре-

---

[1] Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С.484.

[2] Более полную версию см. в Приложении 4.

[3] Отдельные слова в трактате, выделенные курсивом, являются нашим уточнением перевода или смысловой коррекцией ошибок древнего переписчика. - А.В.

дали нам в Писаниях, как будущее основание и столп нашей Веры... После того как Господь наш воскрес из мертвых, и они облечены были свыше силою нисходящего Св. Духа, исполнились всеми (дарами Его) и получили совершенное знание, – они вышли в концы земли, благовествуя о благах, (дарованных) нам от Бога, и возвещая небесный мир людям, которые и все вместе и каждый порознь имеют Евангелие Божие...¹

*У еретиков нет истины и приоритета
в знании перед церквами, основанными апостолами*

III.1. Все, желающие видеть истину, могут во всякой церкви узнать предание апостолов, открытое во всем мире; и мы можем перечислить епископов, поставленных апостолами в церквах, и преемников их до нас, которые ничего не учили и не знали такого, что эти (гностики) бредят. Ибо если бы апостолы знали сокровенные таинства, которые они сообщали совершенным отдельно и тайно от прочих, то предали бы их в особенности тем, кому поручали самые церкви...

*Римская церковь является главным держателем
христианской истины и апостольской преемственности*

III.2. Но поелику было бы весьма длинно в такой книге, как эта, перечислять преемства (предстоятелей) всех церквей, то я приведу предание, которое имеет от апостолов величайшая, древнейшая и всем известная церковь, основанная и устроенная в Риме двумя славнейшими апостолами Петром и Павлом, и возвещенную людям веру, которая чрез преемства [римских] епископов дошла до нас, и посрамлю всех тех, кто всячески незаконным образом составляет *церкви* или по худому самоугождению, или по тщеславию, или по слепоте и превратным мнениям. Ибо, по необходимости, с этою [Римскою] церковью, по ее преимущественной важности (греч. «естественной необходимости»), согласуется всякая церковь, т.е. повсюду [в христианском мире согласуются с ней] верующие,

---

[1] Тертуллиан целиком воспроизводит установленную Иринеем формулу: «...Он (Христос) приказал идти и учить народы, крестя их в Отца, и Сына и Духа Святого. Тут же апостолы (по нисхождению на них Святого Духа. – А.В.)... обрели обещанную им силу Духа Святого для чудодействия и проповеди; прежде всего они свидетельствовали веру и основали церкви в Иудее, а затем отправились по миру, возвещая то же учение той же веры народам; равным образом они в каждом городе учреждали церкви, от которых получили отросток веры и семена учения прочие церкви, да и постоянно получают новые церкви: посему они и сами причисляются к апостольским как побеги апостольских церквей...» (Тертуллиан. Против еретиков, 20).

так как в ней апостольское предание всегда сохранялось [прочими] верующими повсюду.

III.3. Блаженные апостолы (Петр и Павел), основав и устроив [Римскую] церковь, вручили служение епископства Лину. Об этом Лине Павел упоминает в посланиях к Тимофею. Ему преемствует Анаклит; после него на третьем месте от апостолов получает епископство Климент [Римский], видевший блаженных апостолов и обращавшийся с ними, еще имевший проповедь апостолов в ушах своих и предание их пред глазами своими; впрочем, он не один, но многие еще оставались тогда [в Риме], которые получили наставление от апостолов. При этом Клименте, когда произошло немалое разномыслие между братьями в Коринфе, церковь Римская написала к коринфянам *весьма дельное послание*, увещевая их к миру и восстанавливая их веру, и возвещая недавно принятое [здесь в Риме] от апостолов предание... В таком порядке и в таком преемстве церковное предание от апостолов и проповедь истины дошли [через римских епископов] до нас. И это служит самым полным доказательством, что одна и та же животворная Вера сохранялась в [Римской] церкви от апостолов доныне и передана в истинном виде.

*Тертуллиан об апостольском учреждении
как главном критерии истинности Веры*

"Отсюда мы выводим [первое] возражение [еретикам]: если Господь Иисус Христос послал апостолов проповедовать, нельзя признавать других проповедников, кроме назначенных Христом... Сын, как представляется, не открыл никому, кроме апостолов, и послал их на проповедь того именно, что Он им открыл. А то, что они проповедовали (именно то, что открыл им Христос), нужно (возражу и здесь) доказывать не иначе, как через те же церкви, которые сами апостолы основали, когда проповедовали, как говорится, и живым словом и впоследствии через послания. Если это так, тогда ясно, что всякое учение, единодушное с этими апостольскими церквами, прародительницами и основательницами веры, нужно считать истинным; в нем, без сомнения, содержится то, что церкви получили от апостолов, апостолы – от Христа, а Христос – от Бога. Все же прочие учения нужно считать ложью, ибо они противны истине церковной, апостольской, Христовой и Божией. Стало быть, нам остается доказать, что это наше учение (Правило его мы привели выше) следует причислить к преданию апостольскому, а все прочие тем самым коренятся во лжи. Мы имеем общение с церквами апостольскими, ибо у нас нет различия в учении: таково свидетельство истины" (Тертуллиан. Против еретиков, 21).

"Впрочем, если какие-нибудь [ереси] осмелятся отнести себя ко времени апостольскому, дабы выдать себя тем самым за апостольское предание (поскольку они существовали при апостолах), то мы можем ответить: но тогда пусть покажут основания своих церквей, раскроют череду своих епископов, идущую от начала через преемство, и так, чтобы первый имел наставником и предшественником своим кого-либо из апостолов либо мужей апостольских (но такого, который пребывал с апостолами постоянно). Ибо апостольские церкви таким именно образом доказывают свое положение. Например, церковь Смирнская называет своим епископом Поликарпа, поставленного Иоанном, а Римская – называет таковым Климента, назначенного Петром" (Тертуллиан. Против еретиков, 32).

*Иринея о доказательстве одинаковости
Веры и Предания во всех апостольских церквях*

III.4. И Поликарп, который не только был наставлен апостолами и обращался со многими из видевших нашего Господа, но и апостолами был поставлен в епископа Смирнской церкви в Азии... – он всегда учил тому, что узнал от апостолов, что передает и Церковь, и что одно только истинно. Об этом свидетельствуют все церкви азийские 1, равно как и те, которые были преемниками Поликарпу до настоящего времени, – такой человек (Поликарп) гораздо более достовернейший и надежнейший свидетель истины, чем Валентин, Маркион и прочие еретики. Он, прибыв в Рим при Аниките, многих обратил от вышепоименованных еретиков к церкви Божией...

***

Перед нами по сути всё, что известно о «церковной преемственности». Схема эта необычайно проста: Иисус Христос передал веру апостолам и прежде всего любимому ученику, возлежавшему на его груди, – как считается, ап. Иоанну; Иоанн – Поликарпу Смирнскому; Поликарп Смирнский – Иринею Лионскому. Ап. Петр и ап. Павел передали епископам Римской церкви. А епископы Римской церкви и Иринея Лионский поведали прочему христианскому миру, кто овцы, а кто волки, какова истинная вера, а какова ересь, где подлинные тексты Писания, а где поддельные. Прочие церковные авторы, писавшие после Иринея Лионского, опирались лишь на вышесказанное, домысливая, присоединяя или дописывая недостающие детали.

Апостольские мужи

Вот цепочка авторов, создателей данной истории церкви:

<i>Иринея Лионский</i> ¹	ок. 130 – 200
<i>Тертуллиан</i> ²	ок. 160 – после 220
<i>Евсевий Кесарийский (Памфил)</i>	ок. 260 – ок. 340
<i>Иероним</i> ³	347 – 419

Главным информатором среди них, как мы видим, является Иринея Лионский. Прочие создавали, что называется, *вариации* на уже заданную им тему. В.В.Болотов пишет: «Борьба с еретиками, особенно гностиками, могла с успехом разрешиться лишь на почве предания, сохраняемого в церкви от времен апостольских. Идеальное (т.е. мыслимое как идеал. – А.В.) единство церкви следовало перевести в реальное, указать конкретных носителей этого апостольского преемства. Послания Игнатия, сочинения Иринея и Тертуллиана дают такую постановку этому вопросу»⁴. Но, заметим мы, знакомство с текстами Игнатия, Иринея и Тертуллиана, положенными за основание «церковного предания», обнаруживает, что Иринея оказывается единственным источником «связи времен», тогда как историконесущие имена в посланиях-письмах апостольских мужей: *Игнатия, Поликарпа и Климента Римского*, весьма смахивают на позднюю приписку. Т.е. в любом отношении «апостольское предание», связываемое с названными лицами, оказывается весьма проблематичным. О чем можно твердо судить, так только о *личном мнении Иринея Лионского*, не подтвержденном ни одним автором-современником.

---

[1] Исторические памятники не дают определенных указаний ни о месте, ни о времени рождения епископа Лионского. Более вероятно мнение, что он родился во второй четверти II века, около 130 г. (Тильмон относит время его рождения к 120 году; Массюет, которому следуют Мелер, Бервнгер и Штирен, – к 140 году. Гарвей назначает 130 год).

[2] *Тертуллиан* (160 – 220) был пресвитером церкви в Карфагене.

[3] *Иероним* (Hieronymus) Евсевий Софроний, прозванный Блаженным (347 – 419), – отец церкви, переводчик Библии на латинский язык (Vulgata). Он родился в Далмации, изучал в Риме риторику и философию. Около 374 года отправился на Восток, где в Сирии и Палестине изучал богословие и еврейский язык. В 382 – 385 годах Иероним пребывал в Риме, где по поручению Дамаса начал исправление имеющихся тогда латинских переводов новозаветных произведений. В 385 году Иероним возвратился в Палестину и в 389 году основал монастырь в Вифлееме. К XIII веку сложилась легенда, согласно которой Дамас сделал Иеронима кардиналом. Первоначально поклонник Оригена, Иероним впоследствии выступил злостным его ниспровергателем и клеветником.

[4] Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.484.

Даже если поверить всему сказанному Иринеем (см. выше фрагменты из его сочинения), то можно удивиться столь хлипкому мосту, соединяющему учение Христа с догматами победившей константиновой церкви. В сообщенное Иринеем предлагается поверить, потому как он себя назвал *учеником ученика апостола*. Но даже если бы это было правдой, то само по себе ученичество еще не гарантирует ни истинности, ни дальнорзости ученика. Отпавших из своих рядов христианство знает тысячи. Иуда был учеником самого Иисуса Христа, тем не менее он – предал. Даже эбионитов, среди которых, как считается, проживали родственники и ученики Иисуса Христа, церковь объявила еретиками. Но если допустить, что во всей Церкви в течение первых полутора веков была одна и та же *вера*, то не слишком ли мало свидетелей всему этому: Иринея, Поликарп и Климент, причем существование двух последних в приписанном им амплуа еще требует доказательства.

Какие же доказательства исторического характера приводятся Иринеем в подтверждение его тезисов? С учетом важности вопроса можно сказать, что никаких доказательств Иринея не представил. Ведь прошло вроде бы не так много времени, всего сто лет, после описанной «Деяниями» жизни апостолов, но ни Иринея, ни дословно копирующий его Тертуллиан, ни иные современные им авторы не знают об иных живых свидетелях апостольского времени, кроме Поликарпа, Климента и отрицаемого Евсевием Папия. Весь круг околоапостольских персонажей ограничивается тремя-четырьмя тематически слабосвязанными упоминаниями в письмах, будто бы написанных тем же самым кругом из трех лиц, словно кроме них во всем древнем христианстве, на территории всей Римской империи никого более не существовало. Любого исследователя такое положение вещей вынуждает усомниться в достоверности описанных образов, почувствовать в таком описании не более чем апологетику.

Сам факт яростного противостояния Иринея гностикам и обвинение их в отсутствии «апостольской преемственности» (и намеки на наличие таковой у него самого), чудовищные искажения им вероучений гностиков, говорят о пристрастности и не критичности Иринея Лионского. Разве можно в таком случае доверять сообщению Иринея о том, что Поликарп, живший еще в середине II в., видел самих апостолов? С прочими персонажами еще хуже – ни Климента, ни Игнатия, ни Папия не видел ни Иринея, ни кто бы то ни было из окружения Иринея. Связь названных «апостольских мужей» с Посланиями «Климента», «Игнатия» и Смирнской церкви не подтверждена пока что ни одним иным, за исключением Иринея,

древним автором. Да и у Иринея не так много исторических связей, поскольку главная систематизация произведена Евсевием спустя полтора века, но Евсевий скорее апологет, нежели историк.

Любопытно отметить, что Тертуллиан предлагает еретикам самим назвать аналогичных свидетелей (учеников апостолов, наследниками которых могли бы себя считать гностики), будучи в полной уверенности, что таковых не найдется. Надо думать, что в конце II в. в христианской среде было хорошо известно, что живых преемников апостолов давно не существует. Отсюда весьма невнятное сообщение Иринея о будто бы его собственной «преемственности». Но и здесь Иринея, собственно, на многое и не претендовал, поскольку сам он говорит, что он лишь «видел в (своей) ранней молодости» Поликарпа. Только спустя несколько веков Евсевий, Иероним и пр. из данного заявления сотворили миф об ученичестве Иринея у Поликарпа.

Другими словами, произошло удивительное явление: апостолов, согласно Писанию, было сначала 12, затем 70 (или даже 500), но за один век их вроде бы успешной миссионерской деятельности все живые свидетели и их ученики, видевшие также апостолов, словно испарились. Если память священников, как уверяет церковь, сохранила все особенности культа и ритуала, а также сложные формулы молитв и толкования метафизических истин, доставшихся от апостолов, т.е. память была крепка, то как можно было при этом позабыть имена отцов-основателей, тем более **существовавших совсем недавно**? В этой связи если мы верим в существование апостолов, то есть в тех, благодаря кому распространилось христианство, то возникает закономерный вопрос: *а жили ли христовы апостолы в указанное евангелиями и «Деяниями» время?* Не случилась ли апостольская история намного ранее?

Толанд, рассуждая об одном знаменитом роялистском подлоге XIX в., писал:

"Начав серьезно размышлять о том, как всё это могло произойти в нашем обществе в эпоху высокой учености и образованности, когда обе (враждующие. – *А.В.*) партии так зорко наблюдали за действиями противника, я перестал удивляться тому, что многие произведения, неправильно приписываемые Христу (письмо Авгару и пр. – *А.В.*), апостолам и иным великим людям, появлялись в эпоху первоначального христианства, когда так было важно, чтобы этим произведениям поверили, когда обман был общим явлением, не возбуждавшим ни в ком протеста, когда и взаимное общение людей было не так развито, как теперь, и когда вся земля окутана была мглой суеверия. Наоборот, я начинаю ду-

мать, что и до сих пор не обнаружена еще подложность многих книг вследствие отдаленности эпохи, смерти заинтересованных лиц и гибели памятников, которые могли бы обнаружить истину; необходимо помнить также и то, что слабейшие партии подвергались большей опасности, когда им удавалось раскрыть хотя бы и вполне очевидные козни своих противников, и что господствующая партия неизменно сжигала и иным способом истребляла книги, которые ей не нравились" ¹.

"Именно ближайшие столетия до и после Рождества Христова, – вторит Толанду другой немецкий исследователь, Д.Штраус ², – представляют собой настоящую эпоху расцвета подлогов, и именно древнейшие христиане, притом не только люди необразованные, но и ученые отцы церкви, отличались наибольшим легковерием в деле признания явно подтасованных писем" ³.

Даже Иероним, когда на него самого посыпались от братии обвинения в подделках перевода, в письме от 396 г. не преминул с горечью отметить своеобразную нечистоплотность духовенства его времени: «Что защищают законы общества, что соблюдают враги, что свято среди войн и мечей – то в пренебрежении у монахов и священослужителей Христовых» (Письмо LVII к Паммахию, 3) ⁴.

Чтобы быть вполне уверенным в истинности первоисточника, необходимо условиться относительно того, что следует понимать под «свидетельством», устанавливающим принадлежность данного произведения соответствующему имени, даже если мы и признаем реальность существования как самого искомого труда, так и некоего лица, объявленного его автором. Д.Штраус пишет, что при сомнениях относительно того или иного авторства «мы вспоминаем, что нередко труды выходят в свет под псевдонимом и что анонимные сочинения часто приписываются лицам, которые их не писали... Если после смерти автора выходит книга, помеченная его именем, но не ему принадлежащая, то он уже не может протестовать, а будут ли протестовать другие – это зависит от случайности... Если к нам по традиции дошло какое-нибудь древнее сочинение, помеченное определенным именем, то сущность дела от этого не меняется. Подлин-

---

[1] Цит. по: Штраус Д. Жизнь Иисуса/ Пер. с нем. // Сб.: Жизнь Иисуса. Харьков, 2000. С.69-70.

[2] Д.Штраус – профессиональный немецкий теолог. В 1835 – 1836 гг. опубликовал свой главный труд «Жизнь Иисуса», оказавший заметное влияние на современников.

[3] Там же. С.70.

[4] Иероним. Письмо LVII к Паммахию о наилучшем переводе // В сб.: Патристика. Новые переводы, статьи. Н.-Новгород, 2001. С.101

ность такого сочинения будет удостоверена лишь тогда, когда в (установленных. – А.В.) подлинных записках самого автора или его современников (притом таких, которые действительно могли иметь требуемые сведения) прямо заявлено, что книга написана данным лицом... Только в том случае, если близкий автору современник приведет цитату из сочинений другого лица, о котором идет речь... свидетельство приобретает ту степень благонадежности, какая вообще мыслима в подобных обстоятельствах. Нельзя считать надежным свидетельством заявление какого-нибудь современного или позднейшего писателя о том, что данный автор написал книгу под таким-то заглавием и такого-то содержания, если он не приведет цитату, которую можно было бы найти в указанном сочинении. (*Далее Штраус приводит известные примеры подлогов II в. до н.э. – III в. н.э.*)... (Например,) так как в деле измышления сивиллиных прорицаний кроме евреев участвовали также христиане, то в споре с первыми последние скоро увидели себя вынужденными подделать греческий перевод Ветхого Завета (Септуагинту. – А.В.), дабы заручиться доказательными цитатами против евреев. Путем всевозможных вставок и приписок им удалось внести Крест Христов в Псалмы, повесть о сошествии Христа в ад – в книгу Иеремии, и когда евреи стали возражать, что в их текстах цитируемых мест не имеется и что христиане, вероятно, сами выдумали их, то отцы церкви с большой наглостью или наивностью стали обвинять евреев в том, что они обманным образом выбросили эти места из своих текстов Библии. Весьма ярким примером легкости, с которой в те времена выдавалось и признавалось за достоверное решительно всё, что только служило целям христианской пропаганды, может служить "Послание Христа к царю Эдесскому Авгару", которое Евсевий извлек будто бы из Эдесского архива... и этот-то Евсевий, отец истории христианской церкви, является одним из главных авторитетов, на показаниях которых утверждается уверенность наша в подлинности евангелий»¹.

Итак, какие же свидетельства имеет церковная история в подтверждение жизни апостолов в общепринятое время – т.е. в I в. н.э.? Исторических лиц, о которых утверждается, что они видели апостолов, кроме названных Поликарпа Смирнского и Климента Римского, просто нет. *Папий Иеропольский*², которого

---

[1] Штраус Д. Жизнь Иисуса/ Пер. с нем. // Сб.: Жизнь Иисуса. Харьков, 2000. С.66-72.

[2] *Папий* – некий Аристон, пришедший из Иерусалима в Малую Азию в начале II в. и прозванный *Папием из Иерополя*, «учеником Господа».

Иринея называет «учеником Иоанна Богослова» (Иринея. Против ересей, V.33.4), у Евсевия представлен только как *знакомый* с теми, кто *видел* апостолов (ЦИ.III.39)¹. Комментаторы сей феномен столь значимого расхождения у отцов церкви объясняют различным отношением Иринея и Евсевия к хилиазму²: Папий, по Иринею, был сторонником хилиазма и показан как слушатель апостолов (т.е. будто бы наученный этому у апостолов); а Евсевий как оригенист был против доктрины хилиазма, поэтому Папий у него непосредственно апостолов не знал. Другими словами, история представляется в свете, выгодном тем или иным направлениям поздней теологии.

Еще раз отметим, что мы вовсе не отвергаем исторического существования тех или иных апостольских мужей. Проблема заключается в другом. Слухи о неких знаменитых среди христиан лицах, подробности их жизни и письма, которые приписали этим лицам, на самом деле могли быть между собою никак не связанными. Допустим, существовали и Поликарп, и Климент, и даже Папий. Но сам Евсевий, в тех случаях, когда ему приходилось объяснять явные исторические неувязки у своих предшественников, объяснял их в одних случаях элементарной схожестью имен, а в других (в случае с письмами) – отсутствием подписей на этих посланиях, из-за чего у апологетов, по мнению Евсевия, возникало желание ради поднятия авторитета писем присудить им общеизвестные имена. В этой связи Иринея, Евсевий, или кто бы то ни был еще, могли вполне, воспользовавшись тем или иным громким именем, присовокупить к нему собственную, как им могло казаться, «правдоподобную историю», сделать его «другом» своей церкви и навязать ему мысли и тексты, которые были, возможно, рождены совсем другими авторами, но были подходящими для пропагандируемой сейчас

---

[1] Евсевий (ЦИ.III.39) сообщает о Папии следующее: «Папию приписывают пять сочинений под заглавием "Истолкование Господних изречений". О них как о единственных его произведениях упоминает и Иринея, говоря так: "Папий, слушавший Иоанна, друг Поликарпа, из древних христиан, засвидетельствовал это письменно в четвертой своей книге, ибо им сочинено пять книг". Так сказано у Иринея. Сам же Папий в предисловии к своему сочинению отнюдь не выдает себя за человека, лично видевшего и слышавшего святых апостолов, а говорит, что «с верой ознакомили его люди, апостолам известные».

[2] «Хилиазм – учение о том, что Господь, пришедши на землю пред кончиною мира, будет, видимо, царствовать здесь тысячу лет. Учение это, основывающееся на ложно толкуемых словах Апокалипсиса (гл. 20), держалось в христианской церкви от II до V века» (Статья «Хилиазм». // Дьяченко прот. Г. Полный Церковно-славянский словарь, с.785).

догмы. Оба основания: имя апостольского мужа и текст Послания могли и вправду существовать, однако все остальное – их склейка и сопроводительная история, могли представлять собой полный вымысел. В конце концов Иринея и Евсевия можно понять: если из новозаветного Писания следовало, что апостолы жили в I в. н.э., то должен же был хоть кто-то, знавший апостолов в это время, жить, а тем более, должны же были эти апостолы учредить какие-либо церкви – не сами же церкви возникли. Если было известно, что некий старец, скажем Поликарп, жил в «апостольское время», то почему бы ему было не «встретиться» с апостолами? Поликарп уже давно умер, и кто мог теперь опровергнуть мифическое обучение Поликарпа у апостола Иоанна, измышленное Иринеем, тем более, что *Иоаннов* было, по признанию ряда церковных авторов (того же Евсевия¹), двое – один автор Апокалипсиса, а другой – автор Евангелия от Иоанна? Казалось бы, мелочь, предположение. Но от этой мелочи доктрина, излагаемая Иринеем (являвшимся будто бы учеником этого Поликарпа, т.е. ученика «любимого ученика» самого Господа), превращалась в изложение христианства, как оно будто бы было дано самим Христом! Если этой истории, сочиненной Иринеем и Евсевием, верили выдающиеся богословы и мыслители в течение тысячелетий, то тем более в нее могли поверить легковверные христиане времён Евсевия. Как мы отметили ранее, сам Иринея в своё время особо на этих «свидетельствах» не настаивал: при отсутствии рядом с его легендой каких-либо доказательств ему бы из противоположного лагеря все равно не поверили, а «свои» и так готовы были верить во что угодно. Он сосредоточил главные усилия совсем на другом, не на историческом, а на логическом опровержении еретических доктрин и отстаивании собственной оригинальной версии христианства, о чем мы еще скажем.

---

[1] 1 Евсевий сообщает: «Следует обратить внимание, что Папий упоминает двух людей с именем Иоанна: одного, упомянутого им раньше вместе с Петром, Иаковом, Матфеем и прочими апостолами, он, несомненно, считает евангелистом Иоанном; другого Иоанна помещает в числе людей, стоявших рядом с апостолами, ставит впереди него Аристиона, прямо называя его пресвитером. Правдивость этого сообщения подтверждается тем, что в Азии называли двух людей с этим именем, а в Эфесе и ныне есть две гробницы, и каждая зовется Иоанновой. На это необходимо обратить внимание: если не считать автором Откровения, известного под именем Иоаннова, первого Иоанна, то, значит, все эти видения были второму» (Евсевий. ЦИ. III.39.5-6.)

Апостольские мужи (согласно церковной истории ¹)

30-97 гг.	Климент Римский
50-107 гг.	Игнатий (Антиохийский)
69-155 гг.	Поликарп Смирнский
70-140 гг.	Папий (Иеропольский)

В предыдущей главе мы рассматривали текстологию новозаветных произведений и установили существование значительного разнообразия в канонических текстах. Наиболее древние рукописи Евангелия, содержащие объемные фрагменты, датируются не ранее III в., то есть написаны даже после Иринея Лионского. Что же касается прочих христианских рукописей, из которых черпаются сообщения об апостольских мужах, то надо отметить, что они вообще относятся к эпохе победившего христианства и в большинстве случаев датируются VIII – XI вв., т.е. являются весьма поздними копиями исчезнувших оригиналов. Если отвлечься от текстологических трудностей (поздних вставок, склеек произведений совершенно разных авторов, полной переинтерполяции произведений и т.д.), то история апостольских мужей, т.е. лиц, вроде бы *видевших*, или, по крайней мере, *живших* во времена апостолов, в интерпретации, близкой церковной, будет выглядеть следующим образом.

---

[1] Датировка приблизительная.

1. Поликарп Смирнский

Ириней сообщает о *Поликарпе*, как об ученике ап. Иоанна. Ириней пишет, что «Поликарп, который не только был наставлен апостолами и обращался со многими из видевших нашего Господа, но и апостолами был поставлен в епископа Смирнской церкви в Азии» (Против ересей, III.3.4.). Евсевий, прочтя это у Иринея, не ссылаясь более ни на кого, приводит в «Истории Церкви» те же самые сведения и называет Поликарпа «собеседником апостолов» (ЦИ.III.36:1). Никаких иных независимых сведений об этом муже, будто бы общавшемся с апостолами, более не существует.

Тертуллиан, явно следуя трудам Иринея¹, сообщает о том, что апостол Иоанн сам поставил Поликарпа епископом Смирнской церкви (Тертуллиан. Против еретиков, 32). Другой апологет Римской церкви, Иероним, это подтверждает (Catal. Script. eccles.17). Совершенно очевидно, что взято всё это также у Иринея.

Иринея заявляет, что Поликарп «писал... то к целым церквам для их укрепления, то к некоторым братьям, преподавая им наставление и увещание». Но из всех названных посланий до нас дошло только одно – послание к Филиппийцам, и опять же в изложении Иринея. Иринея пишет «что из него желающие и пекущиеся о своем спасении могут узнать и характер веры (Поликарпа), и его проповедь истины» (Евсев. ЦИ.IV.14). Евсевий приводит из него несколько отрывков и замечает притом, что это послание еще обращается между христианами (ЦИ.III.36). По словам Иеронима, оно в его время читалось в азийских церквах при богослужении (Catal. script, eccl. c. 17). Но опять же, корень всех этих «свидетельств» один – Иринея².

Кроме *послания к Филиппийцам* дошли в древнем латинском переводе несколько будто бы «ответов» Поликарпа с пояснениями (толкованиями) изречений Иисуса Христа. Они найдены в собрании толкований отцов, которое было составлено Виктором Капуанским на латинском языке около 480 г. Подлинность их у многих историков вызывает сомнения. Есть упоминание о книге Поликарпа «Учение», но это, вероятно, одно и то же, что и указанные «ответы».

Евсевий приводит текст окружного *Послания Смирнской церкви к христианам других церквей*, из которого мы узнаем, что Поликарп закончил жизнь мучеником (ЦИ.IV.15). Может быть, так оно и было (хотя текст Послания – явная подделка), но только не с человеком, который непосредственно обучался у Иоанна Богослова, а

---

[1] Сличение некоторых трудов Иринея и Тертуллиана, например, «Пяти книг против ересей» Иринея с трактатом Тертуллиана против Валентина, ясно убеждает, что Тертуллиан писал свои сочинения, имея пред глазами латинский перевод творения Иринея.

[2] Послание Поликарпа к филиппийцам содержится в *Послании Смирнской церкви к церкви Филомелийской*, которое, в свою очередь, прошло через руки Иринея. В конце этого послания имеется приписка: «Сие со списка Иринея, ученика Поликарпа, переписал Гай, знавший Иринея...». В другой рукописи данного послания («Московской») в конце приписано: «...Еще рассказывается в сочинениях Иринея, что в тот [самый] день и час, когда Поликарп мученически скончался в Смирне, Иринея, находясь в Риме, услышал глас, исходивший словно из трубы: "Поликарп мученически скончался!" И так, как уже было сказано, из этих сочинений Иринея переписал Гай, а с копии Гая – Исократ в Коринфе».

с неким Поликарпом, который в лучшем случае знал ученика во втором или третьем поколении после апостола Иоанна. Так называемая «апостольская» приближенность Поликарпа может оказаться не признаком его непосредственной связи с апостолами, а просто принадлежностью к апостольской школе, к какому-нибудь другому Иоанну. Таким образом, можно вполне обоснованно заявлять, что Евсевий и прочие церковные историки причастность Поликарпа к веку апостолов *приняли на веру от Иринея Лионского*.

Из послания Поликарпа мы узнаем о другой важной связке церковной мифологемы – *Игнатии*. Игнатий, не известный Иринею Лионскому, тем не менее, по утверждениям поздних церковных историков, становится еще одним «свидетелем» (помимо Иринея), будто бы знавшим Поликарпа.

2. Игнатий Антиохийский

Главы из т.н. «послания Поликарпа к Филиппийцам», упоминающие Игнатия

IX. Умоляю всех вас повиноваться слову правды и оказывать всякое терпение, как вы видели это своими очами не только в блаженном *Игнатии*, Зосиме и Руфе, но и в других из нас, и в самом Павле, и прочих апостолах. Будьте уверены, что все они не вотще подвизались, но в вере и правде, и пребывают в подобающем им месте у Господа, с Которым и страдали. Ибо они не нынешний век возлюбили, но Того, Кто за нас умер и для нас был воскрешен Богом.

XIII. Писали мне вы и *Игнатий*, что, если кто *от нас* отправится в Сирию, доставил бы он туда и письма от вас. Это я исполню, когда найду благоприятный случай, – или сам, или чрез того, кого отправлю, чтоб он был послом вместе и с вашей стороны. Послания *Игнатия*, присланные им к нам, и другие, сколько их есть у нас, мы отправили к вам, согласно вашему требованию: они приложены при этом самом послании *нашем*. Вы можете получить из них великую пользу. Ибо они содержат в себе веру, терпение и всякое назидание в Господе нашем. Что вы узнаете верного о самом *Игнатии* и его спутниках, – сообщите нам.

Что же рассказывают об Игнатии церковные историки? Ириней еще ничего об Игнатии не знает ¹. Иероним в V в. сообщает,

---

[1] Ириней Лионский не упоминает Игнатия по имени, но, как считается, будто бы цитирует одно место из его послания к Римлянам (Ириней. Против ересей, V.28.4).

что Игнатий был, как и Поликарп, учеником ап. Иоанна Богослова и будто бы после смерти Игнатия Поликарп стал главою христиан всей Азии. Откуда всё это взял Иероним? Никому не известно. Налицо поздний вымысел об авторе так называемых «посланий Игнатия». Любопытно, что некие доброхоты присочинили в одном из «посланий» начало легенды, прозрачно намекающей на Иринея Лионского. В письме, будто бы направленном Игнатием Поликарпу (когда Поликарп, кажется, ничего еще не знает об Игнатии¹), по ходу дела сообщается о некоем посланце, которого рекомендуется направить для проповеди слова Божьего (аллюзия на единственно известного в церкви «посланца» Поликарпа – Иринея Лионского). Другими словами – грубая поздняя подделка, изобилующая поздней богословской терминологией.

Фрагмент из послания Игнатия Поликарпу

VII. Так как мне (Игнатию) стало известным, что Церковь антиохийская в Сирии, по молитвам вашим, наслаждается миром, то и я, в Божьей беспечальности, стал благодуще, только бы придти мне к Богу чрез страдание, дабы в воскресении явиться мне вашим учеником. Тебе, богоблаженнейший *Поликарп*, надобно созвать боголепнейший совет и избрать кого-нибудь особенно вам любезного и усердного человека, который мог бы назваться Божьим посланцем: ему поручить, чтобы, отправившись в Сирию, он прославил там неослабную любовь вашу к славе Божьей. Христианин не имеет над собою власти; он принадлежит Богу. А это дело Божье и ваше, когда вы исполните его. Ибо я уверен в благодати Божьей, что мы готовы на всякое доброе дело Божье. Посему-то, зная ваше согласие с истиною, я и предложил вам наставление в кратком послании.

Евсевий упоминает семь посланий Игнатия: к Ефесянам, к Магнезийцам, к Траллийцам, к Римлянам, к Филадельфийцам, к Смирнтянам и к Поликарпу (ЦИ. III.36.4). Но в рукописном подлиннике это собрание семи посланий до нас не дошло. С другой стороны, достаточно рано в христианском обществе стали распространяться различные коллекции посланий св. Игнатия в большем числе, чем эти семь. Из последующей критической работы над их текстами даже богословы пришли к заключению, что не все выдаваемые за подлинные редакции посланий действительно аутентичны.

---

[1] Критики отмечают, что у Поликарпа весьма противоречиво говорится об Игнатии (IX.1 и XIII.2). Если в одном случае Поликарп говорит об Игнатии как о мученике, то в другом он просит о нем разъяснений, не зная будто бы о кончине Игнатия (*Делафос*).

Для нас сейчас, собственно, не важно содержание этих посланий, но интересна «связь» между Поликарпом и Игнатием. Можно предположить, что при остром дефиците свидетелей апостольского времени и призрачности образа Поликарпа, при «обнаружении» в III – IV вв. нового героя – Игнатия появилась настоятельная потребность «познакомить» их между собой.

Про Игнатия рассказывается, что он мученически погиб. Вполне возможно, что некий достойный Игнатий действительно пострадал во II веке. Но только письма или фрагменты посланий, написанных будто бы «Игнатием» в нач. II в., никак не могли появиться ранее кон. II, ибо только в конце и даже в начале III в. стала актуальной тема епископства¹. В результате, упоминание Поликарпа в названных письмах выдает себя как заведомая подделка.

---

[1] В.В.Болотов отмечает значительное несообразие проповедуемой в посланиях Игнатия иерархичности церкви с тем уровнем, который был известен в то время (50 – 107 гг. – А.В.) и даже 50 лет спустя: «послание Игнатия представляет епископский сан в самых определенных чертах... в чем... видят доказательство более позднего происхождения игнатиевых писем... (Заметна) проходящая всюду (у Игнатия) строгая определенность выражений, твердое разграничение епископа, как одного, от пресвитеров, как подчиненных ему многих. Нигде названия "епископ" и "пресвитер" не употребляются как взаимно заменимые. В этом смысле терминология Игнатия довольно сильно разнится не только от Климента (Римского), но и от позднейших писателей. Например, в послании Поликарпа нигде граница между епископами и пресвитерами не проводится ясно. У Иустина мы знаем лишь о предстоятеле; у Гермы также не находят места, где бы епископ выделялся из круга подчиненных ему пресвитеров. Даже Иринея (Лионский), во время которого различие между епископами и пресвитерами, бесспорно, уже выяснилось, все еще, говоря о временах минувших, употребляет выражения «епископ» и «пресвитер» смешанно...» (*Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001, с.480-481*). Таким образом, со всей очевидностью получается, что если не все письма, то во всяком случае некоторые их фрагменты, особенно в части установления иерархичности церкви, являются поздними. Психологически потребность в такой подделке объясняется весьма просто. Болотов пишет: «Православному догматическому воззрению всех времен противна мысль, чтобы епископство было учреждением не апостольским, выродилось (породилось. – А.В.) вследствие разных исторических случайностей» (*там же, с.483*). И тем не менее это было именно так. Апостолы и древняя церковь (до сер. II в.) никакого епископства не знали. Понятно, что поздние апологеты постарались такое положение исправить.

3. Климент Римский

Творчество Климента составляло любимый предмет апокрифической литературы первых веков христианства, памятниками которой остались для нас так называемые «Встречи» (Recognitiones) и псевдо-Климентовы «Беседы» (Псевдоклиментины). История сохранила весьма скудные и неопределенные известия о Клименте. А в вышеназванных текстах до такой степени господствует вымысел, что трудно и почти невозможно проникнуть в исторические обстоятельства жизни настоящего Климента. В них он предстает римлянином высокого рода, получившим отличное светское образование, обращенным в христианство проповедью ап. Петра, чьим постоянным спутником он делается, которого, наконец, апостол Петр перед смертью в Риме делает своим преемником в звании римского епископа. По мнению некоторых ученых, в этом образе смешаны черты консула Флавия Климента, которого родственник его император Домициан казнил в 96 г. за его обращение в христианство (некоторые утверждают, что – в иудейство¹), с чертами Климента, римского епископа, ученика ап. Петра. Между тем Ориген (Comment. in Ioan. IX) и Евсевий (ЦИ. III.4; 15) признают Климента сотрудником не ап. Петра, а ап. Павла, о котором упоминает Павел в Послании к Филиппийцам (Флп 4.3). Очевидно, что в Послании ап. Павла имеется в виду совершенно другой *Климент*, причем, возможно, вообще не имевший никакого отношения к Риму.

Тем не менее Ириней Лионский говорит о Клименте, что тот «видел блаженных апостолов (Петра и Павла) и обращавшийся с ними, еще имел проповедь апостолов в ушах своих и предание их пред глазами своими» (Против ересей, III.3.3). Мифологема Ириней понятна – снабдить первых иерархов Римской церкви как можно более крепкими связями с главными апостолами христианства. Но получается, что Ириней не смог предъявить ни одного доказательства встречи римского Климента с Павлом и Петром. Климент, вероятно, родственник Домициана, действительно жил в Риме. Существовали и написанные кем-то много позже «Послания Климента». О противостоянии Павла и Петра говорят так называемые «Псевдоклиментины». Существовал, быть может, и некий Климент при апостоле Павле. Но есть ли основания утверждать о связи этих лиц?

***

---

[1] См.: Кассий Д. История Рима, LXVII.14.1-2. Обзор и анализ литературы по этому вопросу см.: Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Комментарии М.Штерна. Т.2, часть вторая. М.-Иерусалим, 2002/5762. С.52-54.

В результате выполненного выше исследования свидетельств об апостольских мужах: Поликарпе, Клименте Римском, Игнатии и призрачном Папии – совершенно однозначно можно констатировать, что не известен ни один свидетель, кроме Ириния Лионского, который бы мог удостоверить факт если не всего того, что закреплено за этими персонажами в церковной истории, то хотя бы того, что хоть кто-то из них действительно «видел» апостолов. Но сообщения единственного информатора, Ириния, – весьма схематичны и в лучшем случае являются смелыми предположениями и переработкой слухов, если не сознательным вымыслом. Но в таком случае мы должны признать, что **о существовании апостолов в I в. н.э. не смог во II в. подтвердить ни один живой свидетель или знакомый такого свидетеля!**

Все, что мы имеем, это поздние редакции евангелий и «Деяний апостолов», сообщающие о жизни апостолов во времена Ирода и Пилата. Все прочие труды церковных авторов опираются исключительно на эти редакции евангелий и «Деяний» и никогда – на исторические свидетельства. (Между прочим, евангелия и «Деяния» опять же написаны со слов тех, кто будто бы видел самих апостолов, но не был непосредственным очевидцем событий¹.)

Другая литература, тексты из Наг-Хаммади, рожденные за пределами кафолической (епископальной) церкви, в подавляющем большинстве случаев также не позволяют отождествить используемый в них образ Христа (апостолы практически не упоминаются) с каким-либо конкретным историческим периодом. Послания Павла, Петра и других апостолов не содержат никаких исторических ссылок, связанных с I в. н.э., и поэтому могут быть соотнесены с достаточно широким диапазоном времени. Ни в одном из посланий Павла не упоминается имя *Ирод* и только в единственном – 1 Тим 6.13 – упоминается имя *Пилат*. Но ученые данное Послание относят к так называемым «Пастырским посланиям», составленным во II в. и апологетически приписанным Павлу². То есть, о существовании Иисуса во времена Ирода и Пилата апостол Павел ничего

---

[1] Многие исследователи указывают на то, что четыре канонических евангелия имеют названия «от» («Евангелие от Матфея» и т.п., а не «Евангелие Матфея»), а «Деяния» предположительно написаны автором Евангелия от Луки, т.е. опять же не самим Лукой, сподвижником ап. Павла. «Ириней (Лионский) был первым, кто назвал Луку автором третьего Евангелия и Деяний» (Новый Библийский словарь. Ч.1. СПб., 1999, с.197).

[2] Д.Д.Данн и ряд других ученых (см.: Новый Библийский словарь, ч.1, с.250). Об этом подробнее см. далее.

не сообщает. В посланиях остальных апостолов также нет упоминаний ни об Ироде, ни о Пилате.

Таким образом, общепризнанная версия жизни Иисуса Христа и апостолов при Пилате и Ироде при наличии значительного объема новозаветной и раннеапостольской литературы не имеет фактически иных источников, кроме евангелий и «Деяний апостолов». Ни одного исторического свидетеля, видевшего Иисуса и апостолов во времена Ирода и Пилата, не существует. Все церковные и раннехристианские авторы свои сообщения о существовании Иисуса и апостолов в это время черпают исключительно из евангелий и «Деяний». Многие исследователи справедливо замечают, что евангелия, будучи религиозными, мистическими и назидательными произведениями, не являются историческими источниками, а «Деяния», по сути, являются то ли продолжением Евангелия от Луки, то ли просто свободным развитием евангельской темы, безотносительно к имевшим место подлинным событиям. В результате мы оказываемся перед удивительным парадоксом церковной истории: христианство как факт истории – есть, но ни одного реального свидетеля жизни его основателей – нет!

Глава III Время Иринейя Лионского

1. Расцвет древнего христианства

«Если бы среди тех людей не было благодатной почвы, то как могло бы тогда зародиться христианство? Дж.Р.Мид¹»;

В церковной истории утвердилось мнение, что со времен Нерона (вторая половина I в. н.э.) и до официального признания Константином христианства в IV в. государственной религией христиане на протяжении трех веков подвергались непрерывным массовым гонениям. Однако хорошо известно, что гонения эти имели свои подъемы и затухания. Как мы покажем далее, во II в. для распространения христианства создалась наиболее благоприятная обстановка. Несмотря на то, что расправы с христианами продолжались, в том числе и при жизни Иринейя Лионского, но в это время они были отдельными, нехарактерными явлениями. Например, известно, что отец Оригена, Леонид, ок. 202 г. погиб мучеником. И Ориген, некогда вдохновлявший христиан не отрекаться под пытками, впоследствии сам подвергся суровым истязаниям и из-за них скончался. Но Ориген в первой половине III века называет общее число христианских мучеников-подвижников «маленьким и легко исчислимым», и такая оценка непосредственного очевидца современных ему событий кажется правдоподобной и заслуживающей внимания.

О масштабе расправ с христианами во II веке, т.е. при жизни Иринейя Лионского, в церковной и светской историографии встречаются иногда сведения совершенно противоположные. Официальная церковная история уверяет в существовании государственного антихристианского террора, тогда как вдумчивые исследователи говорят о проявлении достаточно случайных местных бесчинств. Например, в своем разоблачительном четырехтомном труде по истории раннего христианства немецкий историк Карлхайнц Дешнер обвиняет церковных авторов в заведомом искажении фактов или их прямой фальсификации². Повествование и выводы Дешнера могут показаться чрезмерными или односторонними. Но историк вполне верно отметил бросающуюся в глаза неувязку в сообщениях Евсевия: например, на годы сильнейших гонений Диоклетиана (303 - 305 гг.), пришлось 91 жертва, тогда как на предшествовав

---

[1] Мид Дж.Р. Аполлоний Тианский. М., 2001. С.18-19.

[2] Дешнер К. Криминальная история христианства. В четырех книгах. Кн.1. М., 1996. С.172-174.

ших императоров-мудрецов и любимцев народа – десятки тысяч. Причина такого парадокса вполне очевидна – давность события, когда при отсутствии свидетелей «историю» можно подвести под соответствующую идеологию.

Из трех вышеописанных столетий доконстантинового христианства нас будет интересовать только II век. По Евсевию, получается, что это было время наибольших гонений. Любопытно, что этому сообщению Евсевия противоречит его же заявление о попытках императоров предотвратить нападки на христиан (см. далее). Выходит, что правители рождали справедливые указы, но их преступно не выполняли. Но в Римской империи того времени это было немыслимо. Скорее всего, расправы вершились как бы вне правовой плоскости и были не продуманной политикой государства, а случайными взрывами страстей на местах. Другими словами, между несчастными локальными вспышками насилия христиане жили достаточно спокойно. Если бы было иначе, то церковь II в. носила бы все признаки подпольной организации, а её ядро и главы церквей постарались бы селиться в безлюдных или малодоступных местах (что, например, в 250 г. случилось при гонениях императора Деция). Но о христианах II в. ничего подобного древнехристианские авторы не сообщают. Напротив, судя по всему, время христианских собраний властям было тогда хорошо известно (воскресенье); найти главу любой христианской церкви, место собраний, как и места христианских захоронений, можно было весьма просто. Последние даже охранялись законом. Все это явно непохоже на ту картину тотальных гонений, какую увлеченно рисуют Евсевий, а вслед за ним и остальные церковные историки.

Наше исследование показало, что периодически вспыхивавшие расправы над христианами во II в. имели место. Но было это не целенаправленной государственной политикой, а отдельными локальными проявлениями, с которыми императоры, в меру их повторяемости, боролись, как и с недопустимыми бунтарскими злоупотреблениями толпы. Сам факт обострения борьбы внутри церкви (между ортодоксами и гностиками) с очевидностью свидетельствует о благоприятном общеисторическом фоне для развития христианства и христианской догматики – во время тотального истребления внутренними распрями не занимаются.

В том, что касается личностей императоров того времени, авторитетный церковный историк В.В.Болотов в разделе «История (христианских) гонений» отмечал особо благородный характер эпохи, получившей название *эпохи Антонинов*. Эту эпоху инте-

редко будет сравнить с последующим временем, когда получит распространение доктрина Иринейя Лионского. Болотов о золотой эпохе Антонинов писал:

«18 сентября 96 г. Домициан пал жертвою заговора... Преемником его был император *Кокцей Нерва*, престарелый сенатор, правивший всего год и несколько месяцев (96 – 98). Домициан оставил ему, по-видимому, множество дел, возбужденных им против подозрительных личностей. Но новый благородный император отдал приказ о прекращении всякого следствия по обвинению в безбожности и совращении в иудейские обычаи. Точно так же политических изгнанников царствования Домициана он возвратил в Рим. В первый же 96 г. своего правления он отменил «иудейский фиск», чем заслужил особенную признательность сената, выбившего в честь этого факта монету.

Нерва открывает своим царствованием одну из самых блистательных эпох в истории Римской империи. Все пять императоров этой эпохи (Нерва, Траян, Адриан, Антонин, Марк Аврелий) оставили по себе память как самые лучшие императоры, как цвет кесарей. Они высоко стояли и как нравственные характеры. То случайное обстоятельство, что четыре первых императора не имели потомства, побудило их ввести систему усыновления «достоинейших». В общем выбор императоров был чрезвычайно удачен. Хорош уже был престарелый Нерва, но выше его оказался его преемник *Траян* (98 – 117).

Человек, уже прежде прославившийся военными подвигами, он своими гражданскими качествами превзошел свою военную славу. Его отличала необыкновенная ровность характера, не изменявшая ему ни в столице, ни в провинции. Он был образцовым блюстителем старых римских прав и установителем новых прав. Любим народом он был необычайно; его боготворили еще при жизни. Три начала были положены им в основу своего правления: 1) добрый римский консерватизм, поддержка древних учреждений, не исключая и остатков римской свободы и влияния сената; 2) в связи с этим забота о реставрации прародительской римской религии, к которой Траян относился с добросовестностью и строгою внимательностью; и, наконец, 3) гуманность, отвечавшая природному характеру Траяна; он заявил ее, между прочим, и в том, что серьезно поддерживал благотворительные заведения Нервы, основал приют для призрения детей (*alimentatio*). В этом отношении характеристично сохранившееся до нас изображение Траяна, на котором он представлен окруженным детьми, призреваемыми его *alimentatio*. Для характеристики одушевлявшего его чувства права

Время Иринея Лионского

можно указать на слова, которые он сказал, вручая в первый раз государственный меч префекту претории: «Употребляй этот меч в мою защиту, если я буду царствовать хорошо, и против меня, если я буду дурным государем». Вообще, Траян оставил по себе славу столь правосудного и доброго государя, что до самого IV века народ, приветствуя новопоставленного императора, обыкновенно восклицал: «Будь счастливее Августа и добрее Траяна!» (felicior Auguste, melior Trajano)

Преемником Траяна был усыновленный им *Адриан* (117 – 138)... Он далеко не пользовался тою любовью, какую пользовался Траян, и его апотеоза прошла не без сопротивления и состоялась только благодаря усилиям Антонина Пия.

Но зато правление этого последнего составляет кульминационный пункт всей этой эпохи, которая поэтому и называется эпохою Антонинов. *Антонину* (138 – 161) усвоено название Pius, что значит не столько благочестивый в религиозном смысле, сколько деликатно нежный, человечный в отношении к людям.

Как характер Антонин Пий представляется историками несравненным и почти безупречным. Все, что он делал, запечатлено необыкновенною мягкостью. Кровь в его царствование мало лилась и внутри империи, и даже на границах. Поэтому и правление его запечатлено характером необыкновенного мира и процветания всех провинций. Гуманность его была такова, что он действительно возвышался даже до идеала «человека на троне», и своими подданными он любим был необыкновенно, так что хотя умер более чем 70-летним старцем, однако смерть его была встречена с таким горем, как если бы он скончался молодым юношею. Его апотеоза прошла без малейшего затруднения, потому что все наперерыв (certatim) принялись боготворить его.

Преемник Антонина *Марк Аврелий* (161 – 180), как характер, ниже Антонина. Ему недоставало той естественности и общедоступности, которая отличала его предшественника; но и Марк у историков оставил славу возвышенного характера: находили в нем «coeleste ingenium». Это был человек высокого образования, преданный занятиям философией до такой степени, что современники считали его одним из наиболее серьезных философов своего времени, и когда нужно было выступить в поход против германцев, то приближенные просили императора на всякий случай обнародовать свои философские сочинения, чтобы они не погибли, если случится какое-нибудь несчастье. Держал и он себя, несмотря на некоторую шероховатость характера, настолько доступно, что все подданные считали его близким себе каждый по своему возрасту, – молодые

признавали его отцом, равные по летам братом, а старшие по летам сыном. Его политические соперники считали его пороком, что он занимается философией слишком много для императора, и обзывали его *anicula philosopha* (старушонка-философесса), и признавали, что хотя сам он лично совершенно безупречен (*Marcus homo sane optimus*), но, занимаясь философией, слишком плохо смотрит за тем, что творят в провинциях поставленные им *praesides*, и не обращает внимания на то, что какой-нибудь нищий сегодня, сделавшись сановником, вдруг собирал огромные богатства. Тем не менее Марк Аврелий пользовался такою любовью народа, что почти всякий подданный имел его изображение в числе домашних богов...

Таким образом, со стороны лиц, – пишет В.В.Болотов, – восходивших по преемству на престол, царствование Антонинов прошло блистательно. В сознании своих отдаленных потомков эти императоры остались представителями счастливой эпохи Римской империи, и, может быть, это сознание последующих поколений лучше всего характеризует значительность этой эпохи в истории. Оказывается, что имя «Антонин» было любимо необычайно. Многим представлялось оно божественным именем, так что считали почти невозможным придумать в латинском языке имя более священное, чем Антонин. В усвоении последующими императорами этого имени видели нечто большее, чем блестящую политическую программу: находили в этом, так сказать, палладиум процветания Римской империи под державою государя, который называется Антонином. Когда сын Марка Аврелия, Коммод, положивший конец блестящей эпохе Антонинов, вздумал усвоить себе имя Геркулеса, то его современники признали просто смешным, что он, нося имя Антонина, хочет принять еще другое божественное имя, а в Риме появилась эпитафия на Коммода, который полагает, будто славнее быть богом (*clarius esse deum*), чем государем с таким блистательным именем, как Антонин...

Вот какая славная эпоха, – завершает Болотов свое повествование о времени рождения епископальной церкви, – открывается в Римской империи со смертью Домициана (96 г.)»¹.

А.Гарнак описывает вполне благожелательные отношения между императорами и христианами во II в. н.э.: «Оценка государства со стороны христиан, со времени написания Послания к римлянам и Откровения Иоанна (согласно Гарнаку, кон. I в. – А.В.) и до дней Александра Севера (222 – 235), ис-

---

[1] Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.65-69.

пытала значительные колебания; но в общем она стала благосклоннее. Подозрение, даже утверждение, что Римское государство есть царство дьявола, а император – антихрист, возвращалось время от времени, но все больше оттеснялось на задний план. Апологеты (христианства. – *А.В.*) Иустин и Тертуллиан считали возможным видеть в "хороших" государях друзей и даже защитников истинной веры; на исходе второго столетия было широко распространено мнение, что Траян, Адриан и оба Антонина **не предпринимали лично от себя ничего враждебного христианству** (выделено нами. – *А.В.*)... Мероприятия императоров к восстановлению добрых нравов находили свое признание со стороны христиан; и иному христианину самое государство, заботящееся о мире и благосостоянии, представлялось ценным благом. Некоторые апологеты стремились выставить христианство в глазах императорского правительства как полезную для государства силу. Дальше всего в этом направлении пошел апологет епископ Сард – Мелитон (ок. 176 г.) в своем апологетическом сочинении, преподнесенном им императору Марку Аврелию. Его слова заслуживают того, чтобы быть приведенными здесь.

"Хотя эта наша философия (христианская. – *А.В.*), – пишет он, – пустила впервые ростки среди чуждого народа (иудеев. – *А.В.*), но когда затем, при могущественном правлении предшественника твоего Августа, она начала расцветать в провинциях твоего государства, то принесла твоему государству, особенным образом, щедрые блага. Ибо с того времени непрестанно возрастали могущество и блеск Римского государства, для которого ты являешься и будешь желанным повелителем вместе с твоим сыном, если станешь защищать эту возникшую при Августе и одновременно с государством возвращенную философию (христианство. – *А.В.*), пользовавшуюся, наряду с другими религиями, почетом и со стороны твоих предшественников. Лучшим доказательством того, что наша вера процветала одновременно со столь счастливо начавшеюся монархией и на благо ей, служит то обстоятельство, что со времени правления Августа ни одно несчастье не постигло эту монархию, а, напротив, всё, согласно общему желанию, лишь умножало ее великолепие и славу. Единственными императорами, которые, будучи соблазнены злонамеренными людьми, стремились ввести в худую славу нашу веру, были *Нерон* (54 – 68) и *Домициан* (81 – 96); и от них пошедшая ложь, чернившая христиан, распространилась дальше, согласно обыкновению народа, без того, чтобы проверена была справедливость молвы"...

Таким образом, – делает вывод Гарнак, – церковь, вплоть до времени Александра Севера (222 – 235), *по всем пунктам* сближалась с государством...»¹, то есть никакой политики жестоких гонений на христиан во II в. не было.

Однако церковное утверждение о громадном числе христианских мучеников II в. оказалось настолько устоявшимся, что Болотов, вопреки им же написанному о добропорядочности императоров и неподдельной к ним любви населения («Траян оставил по себе славу столь правосудного и доброго государя...» и т.п.), вынужден был вдруг написать: «Но для христиан (в отличие от остального счастливого населения империи. – А.В.) это была эпоха, в которой их положение сменилось к худшему... Под какими влияниями совершилась эта перемена, вызвавшая новое отношение к христианству, для разъяснения этого в истории нет прямых данных»². Но, может быть, самым разумным и простым объяснением такого невероятного избирательного несчастья, «свалившегося» на христиан II в., является слишком богатое воображение отдельных отцов церкви? Отцам церкви почему-то совсем не приходила в голову идея, что Божественное Провидение, которому церковные авторы отводят столь заметную роль, могло во II в. способствовать приходу к власти высоконравственных императоров-Антонинов и тем самым предоставить христианству исторический шанс укрепиться и широко распространиться по всему миру. Было ли это естественное стечение обстоятельств, способствовала ли этому предшествовавшая деятельность Аполлония Тианского или еще какие-либо целенаправленные «внешние» влияния, утверждать сложно. Но после потрясений и ужасов I в. (Калигула, Нерон, Домициан) в Империи наступило замечательное мирное время, следствием которого стало явление христианства как теперь уже заметного исторического феномена. Было бы неверным идеализировать условия становления новой религии. Но неверно их и чрезмерно драматизировать. К тому же понятия «лучше» и «хуже» – весьма относительны. В изложении церковных историков данное время было для новой религии ужасным. Но, с другой стороны, время Антонинов общепризнано как один из лучших периодов в истории Римской империи. Без столь благодатного времени, в других, а именно – худших услови-

---

[1] Гарнак А. Церковь и государство вплоть до установления государственной церкви // Сб.: Раннее христианство. В двух томах. Т.1. М., 2001. С.328-329, 331.

[2] Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.69.

ях, христианство, возможно, вообще не выжило бы. Но мы видим, что история христианству благоприятствовала, причем громадную, даже решающую роль в этом сыграл рассматриваемый нами второй век. Признание христианства в начале IV в. государственной религией в этом смысле стало только материализацией уже состоявшегося факта, свершившегося в духовном (тонком) плане.

Итак, император Нерва был образцом терпимости и человеколюбия. За короткий срок его правления никаких «зверств», согласно Болотову, не произошло. Далее следует Траян. Ему приписывают проведение политики гонений на христиан в связи с так называемым «рескриптом Траяна» (письмо Траяна Плинию). Этот самый «рескрипт» из-за энергичного звучания слова воспринимается иногда почти как «меморандум» или «указ». Однако в римском праве это слово означает всего лишь «письменный ответ» (на юридический запрос), причем частного характера. Письмо является частью корпуса переписки Траяна с Плинием, императорским легатом в провинции Вифиния и Понт в 111 – 113 гг. н.э. Еще в XVIII веке два таких выдающихся ученых, как Гиббон и Земмер, оспаривали достоверность этой переписки. В новейшее время (1875) довольно громко заявлено было сомнение в подлинности её французским ученым Обэ¹. Откуда же стало известно о существовании этого письма-«рескрипта»? Оказывается, тот «рескрипт», который заслуживает хоть какого-то доверия (остальные его версии, по мнению Болотова, фальсифицированы ревнителями церкви), «сохранился в двух редакциях, которые в некоторых пунктах между собою разнятся: в греческом переводе у Евсевия и на латинском языке у Руфина. Этот латинский текст (Руфина – А.В.), по мнению одних, есть только обратный, не совсем точный перевод из Евсевия, по мнению других – подлинник рескрипта, каково бы ни было его происхождение»². Как бы то ни было, оба источника информации – апологеты церкви.

Запрос к императору был о следующем: можно ли привлекать христиан к суду без доказательства их вины по одному лишь настроению (крикам) недоброжелателей. Траян ответил:

"В разбирательстве дела о тех, на которых донесли тебе, как на христиан, ты поступил, дорогой мой Секунд, как должно, и невозможно в самом деле установить какого-нибудь всеобщего правила в смысле определенной и неизменной нормы. Разыски-

---

[1] Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.71.

[2] Там же. С.89.

вать их (христиан) не следует, но если их обвинят и уличат [в преступлениях], то их должно казнить".

Далее следует очевидная богословская вставка (выделена нами курсивом), написанная во времена императоров-христиан, будто бы равно озабоченных вопросами веры, как и государственной власти. Ничего такого при Траяне не было.

"Однако тот, кто не признает себя христианином и докажет это самым делом, т.е. поклонившись нашим богам, тот получит прощение за раскаяние, хотя бы прошедшее его было подозрительно.

Но безымянные доносы не должны иметь места ни в каком процессе. Это было бы самым худшим примером и недостойно нашего века"¹.

Если бы главы соответствующих поздних церквей придерживались хотя бы половины того благородства и стремления к порядку и справедливости, явственно проступающих из приведенного ответа императора, разве оказались бы замученными и сожженными десятки тысяч ни в чем не повинных людей, обвиненных в «сношении с дьяволом» или в прочих «смертных грехах»? Рескрипт безупречен, а автор достоин носимого звания – одного из добрейших и порядочных императоров. Проблема не в письме, а в последующем богословском комментарии к нему. Согласно отцу церковной истории, Евсевию, первоначально Траян якобы издал некий эдикт (о котором истории ничего неизвестно) о «повсеместном преследовании христиан», но потом, когда из донесения Плиния узнал, что христиане являются пред трибуналом во множестве, и убедился, что они безвредны, запретил разыскивать христиан и, однако, приказал казнить их, если только они попадутся. Налицо традиционное рождение мифа: за основу берется реальное событие (письмо Траяна Плинию), а затем из скупой информации вокруг достоверного факта разворачивается масса слов, причем касающаяся очень узкого круга лиц (словно, кроме *Плиния*, в громадной Империи не было иных глав провинций) и с полным отсутствием важных исторических подробностей, которые можно было бы перепроверить.

Против заведомо обвинительного уклона богословского комментария говорит, во-первых, недоказанность превращения частного письма (написанного в связи с конкретными беспорядками в одной провинции) в циркуляр для всей Империи. Болотов пишет:

---

[1] 1 Цит. по: Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.74.

«Нам неизвестна в полном объеме судьба этого письма. В конце концов, отчего не предположить, что с подобным же вопросом к Траяну мог обратиться и другой кто-либо, и тогда Траян мог разослать свое письмо в виде циркуляра»¹. Однако можно предположить, как мы это и сделали (см. курсив), и позднюю вставку в письмо Траяна. Во-вторых, очевидна неадекватность церковного комментария. В Империи, включавшей многие народы и религиозные культы, христиане были отнюдь не самыми буйными верующими (это, по мнению Евсевия, признавал и Траян), а неприятие жертвоприношений и отказ от поклонения императору как богу допускались и в случае с иудеями, и, надо думать, с парсами (зороастрийцами). Однако с подобным отношением тех же иудеев римские власти давно смирились и преступлением его не считали. Крупнейший историк Рима Т.Моммзен писал: "Как Веспасиан, так и последующие императоры в отношении к иудеям придерживались, по существу, общих принципов политической и религиозной терпимости; более того, изданные в отношении их исключительные законы по-прежнему были направлены главным образом на то, чтобы освободить их от общегражданских обязанностей, несовместимых с их обычаями и их верой, и потому эти законы прямо характеризуются как привилегии... Иудеи не встречали никаких препятствий к основанию своих синагог и молитвенных домов, равно как при назначении их настоятелей..."².

Аналогичное отношение было у римских императоров к многообразным египетским, малоазийским и пр. культам Империи. Болотов приводит свидетельство Тертуллиана о прекрасных отношениях между императором и христианами³. Тертуллиан писал:

"Нерон был государем до такой степени дурным, что нет сомнения, что он мог преследовать только весьма хорошее (т.е. христиан. – А.В.). Между тем лучшие императоры нисколько не считали христиан вредными для общества. Например, Траян до такой степени убежден был в невинности христиан, что запрещал даже разыскивать их. И при последующих императорах положение христиан нисколько не изменилось к худшему; напротив, они стараются облегчить их положение: так Марк Аврелий строжайшим образом запретил обвинять христиан только за христианство"⁴.

---

[1] Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.79.

[2] Моммзен Теодор. История Рима: В 4 томах. Т.4. Ростов н/Д, 1997. С.439-440.

[3] Болотов считал, правда, это свидетельство Тертуллиана тенденциозным.

[4] Цит. по: Болотов В.В. Там же. С.85.

Болотов пишет, что во втором столетии «на римском престоле находились императоры вообще лучшие, каких только знает история этих веков. Все, по-видимому, чувствовали себя как нельзя более довольными их правлением»¹. Каким же образом, спросим мы, самые лучшие, образованнейшие и умнейшие за всю позднюю историю античного Рима императоры вдруг оказались бессильны противостоять неведомым сплетникам, оклеветавшим христиан как «страшных врагов Империи»? Откуда взялись эти рассказы о гонениях на христиан во II веке, организованных будто бы самими императорами? Каким образом проявление беззакония в отдельных местах превратилось в апокалиптическое сражение Церкви со «зверем» Империи, стремящимся пожрать «детище Христа»? Ответ один – константинова церковь нуждалась в ореоле святости. Ничто лучше, чем мученичество, не способствует укреплению веры, за которую были положены жизни. Для обращения населения Империи в ставшее теперь государственной верой – христианство требовались впечатляющие, легкопонятные доказательства. Именно при Константине были откопаны многие «чудотворные реликвии» и найдены «Святые места» из ветхозаветной и новозаветной истории. «Чудовищные гонения» на христиан стали одним из столпов новой мифологии.

Без рассказов о «зверских гонениях II в.» некоторые ключевые фигуры церковной истории оказались бы вялыми и невыразительными. «Авторы» того ограниченного круга церковно-иерархической традиции (Поликарп Смирнский, Игнатий Антиохийский и Климент Римский) – все оказываются святыми мучениками. Поистине если бы не мученический конец их жизней, то их послания (если они действительно были ими написаны) остались бы не более чем частными и, по правде говоря, довольно блеклыми сочинениями.

Итак, «в царствование Траяна, – пишет Болотов, – по свидетельству Евсевия Кесарийского, почтили мученическую смертью епископы Игнатий Антиохийский и Симеон Иерусалимский и по преданию, не подтвержденному Евсевием и более древними авторами, сверх того Климент Римский»². Но выше показывалось, что две фигуры из трех названных: Игнатий Антиохийский³ и Климент Римский⁴ – как исторические лич-

---

[1] Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.85.

[2] Там же. С.79-80.

[3] «Подробности мученической кончины Игнатия Богоносца, – пишет Болотов, – очень смутны. До нас дошли два подробных сказания об его кончине, существенно различные друг от друга» (Болотов В.В. Там же, с.81). Болотов объясняет причину гонения разразившимся страшным землетрясением, породившим тревожное состояние умов и приведшим, возможно, к сваливанию вины за это на христиан (там же).

[4] В.В.Болотов отмечает важную деталь сведений о Клименте: «В особенности важно молчание св. Иринея Лионского, который, перечисляя римских епископов (Против ересей, III.3.3), лишь об одном Телесфоре (ум. 135-137) замечает: "...который славно засвидетельствовал" (мученичеством свою веру), и не упоминает о мученичестве Климента, тогда как это был бы первый мученик на римской кафедре... Ввиду такого состояния исторических данных не только протестантские, но и католические ученые по вопросу о Клименте колеблются. Протестанты иногда ставят вопрос весьма круто и предполагают, что или предание о Клименте, епископе римском образовалось из предания о Клименте консуле, который казнен при Домициане, или Климент консул явился из Климента, епископа римского» (Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001, с.83). «Судя по древним календарям, – пишет Болотов, – нет никаких оснований предполагать, чтобы в Риме чествовали память Климента мученика. В карфагенском календаре упоминается мученик Климент, но он не называется епископом, что делается относительно Ксиса, Киприана и др. Более древнее "Depositio martyrum" упоминает также о мученике Клименте, но под другим числом (в ноябре месяце) и снова без слова "епископ". В римском "Liber pontificalis" говорится, что Климент скончался в Греции в марте. Ввиду всего этого, естественно, что вопрос о месте мученической кончины Климента приходится считать темным и неразрешимым на основании древних исторических памятников. Что касается того, что первоучители славянские нашли в Крыму мощи Климента и его ученика, то это без сомнения было для того времени, в которое они жили, фактом. Но сами по себе нетленные мощи не удостоверяют исторической личности, если не сохранилось других преданий, и факт принесения мощей из Крыма св. Константином нисколько не устраняет сомнений, возникающих из отсутствия нужных свидетельств в древней христианской литературе. История Крыма совсем не такова, чтобы предания могли здесь храниться неповрежденными; это могли быть мощи какого-нибудь другого Климента, пострадавшего здесь с учеником своим и отождествленного с Климентом римским. Что местные жители называют его «римским» епископом, в этом нет ничего удивительного. Это могло тем скорее случиться здесь с другим лицом, что Крымский

полуостров был заселен различными народностями. Прочно с римской империей жители его не были связаны; естественно, что присланного сюда иностранца мученика они назвали «римским». Также и то, что и в Риме встречают его как епископа, неудивительно: историческая эрудиция папы Николая I была очень невысокой пробы, даже касательно событий ближайшего времени, а тем более касательно древних преданий» (там же, с.84). То есть история о Клименте, вероятно, была создана только в IV веке, и скорее всего – папами Римской церкви.

Время Иринея Лионского

ности более чем проблематичны. Третья же личность – Симеон Иерусалимский оказался жертвой гонений, согласно Болотову, как еврей-давидид, т.е. как претендент на иудейский престол¹, а это уже «чужая», а не христианская история. Т.е. все три личности только с очень большим допущением могут быть отождествлены с личностями исторического христианства и объявлены его мучениками.

---

[1] Болотов В.В. Там же. С.82.

Может быть, репрессированных ярких фигур христианства стало больше после Траяна? Евсевий пишет: «После него (Траяна) правление принял Элий Адриан. К нему Кодрат обратился с Апологией, составленной в защиту нашей веры, так как некоторые *злые люди* (курсив наш. – А.В.) старались не давать нам покоя» (ЦИ.IV.3.1). Любопытно замечание, приводимое Евсевием, об отсутствии гонений извне в это время, ибо, по его словам, христианство начало испытывать проблемы в большей мере изнутри: «Раньше он (Сатана) подготавливал гонения [на христиан] извне, теперь, лишенный этой возможности, воспользовался, чтобы губить души, услугами обманщиков и фокусников ¹ (еретиков. – А.В.)» (ЦИ.IV.7.1-2).

Болотов пишет о мучениках этого времени: «О гонениях при Адриане (117 – 138) есть лишь одно достоверное известие: епископ римский Телесфор в 135 или 137 г., по словам Иринея, скончался мученически. Иринея есть единственный свидетель об этом, и ничего более о мученичестве Телесфора неизвестно» ². Другими словами, свидетельства Евсевия о преследованиях при Адриане не имеют подтверждений и могут быть скорее вымыслом, а надежно лишь одно и только об одном мученике на всю Римскую империю, причем за 21 год безупречного правления императора! И из уст кого? Иринея Лионского! Комментарии, кажется, излишни.

Может быть, картина изменилась в дальнейшем? Болотов пишет: «На царствование Антонина Пия (138 – 161) падают два мученичества: епископа Поликарпа в Смирне и нескольких мучеников в Риме» ³. Но по поводу Поликарпа, как уже отмечалось выше, также имеется масса вопросов. Болотов, в частности, пишет: «Дата мученической кончины св. Поликарпа (ок. 166 или ок. 156) весьма спорная. Это мученичество, собственно говоря, составляет крест для хронологов...» ⁴. Действительно, ученые потратили много сил на выяснение истинных сроков кончины Поликарпа. Но, право, существовал ли сам Поликарп – этот муж, связавший свою личность апостольское и новоцерковное (иринеевское) время и избранный Иринеем единственным «свидетелем» «причастности» Иринея к апостольской преемственности?

Далее идут годы правления Марка Аврелия (163 – 167). «На первые годы царствования императора, – пишет Болотов, – ...па-

---

[1] Евсевий говорит здесь о гностике Василиде (125 г.).

[2] Там же. С.93.

[3] Там же. С.93.

[4] Там же. С.93.

дает мученическая кончина самого Иустина Философа и 6 его учеников... О положении христиан в то время мы почерпаем особенно обстоятельные сведения из послания галльских церквей – лионской и виеннской...»¹. Но из факта, случившегося на окраине Империи, вряд ли можно делать вывод о положении христиан на всей территории Империи.

Таким образом, становится очевидным, что если даже и были во II в. расправы над христианами, то это выбивалось из общего строя жизни в Империи; скорее всего, это проявлялось только в тех местах, где имелись многочисленные враги христиан, и было, по всей видимости, вызвано элементарными провокациями, с которыми императоры, как с любыми злоупотреблениями толпы, усиленно боролись. Болотов правильно отмечает: «В опасность со стороны христиан, в их действительную чисто политическую враждебность Риму, правительство в большинстве случаев просто не верило, как не доверяло и тем ужасам, которые рассказывала о христианах народная молва... Политически преступник (христианин. – А.В.) был безвреден; кровавые меры (с точки зрения морали императоров того времени. – А.В.) не гуманны. Когда христиане входили в столкновение с государственным законом, их казнили (нужно было поддерживать авторитет государства); но когда их можно было игнорировать, их игнорировали. Но собственно только религиозное воодушевление (властей и народа. – А.В.) могло вызвать систематическое преследование христиан, а этого воодушевления и не было. Поэтому-то правительство вначале само не вело активной борьбы с христианами (до середины III в. – А.В.), а при столкновениях с ними народной массы оно являлось лишь судьей и при этом скорее сдерживало массы, чем возбуждало их... Положение христиан было трагическое, но не столько потому, что верховная власть была им враждебна, сколько потому, что под их ногами не было твердой юридической почвы. Христиане могли существовать даже открыто, могли даже благоденствовать; но достаточно было одного доноса из-за мелочного личного столкновения, – и их противогосударственный характер выяснялся на суде и их преследовали»².

Важно отметить, что у самого Евсевия и у Руфина упоминаются императорские эдикты II в., направленные не на гонения, а,

---

[1] Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.103.

[2] Там же. С.28-29.

наоборот, на «ограждение христиан от преследования черни»¹. Данные свидетельства разрушают легенду о государственном преследовании христиан в это время, а тем более делают несостоятельным миф о деятельном участии самих императоров в пытках и судилищах над христианскими святомучениками.

По мнению Болотова, таких охранительных императорских эдиктов II в. до нашего времени в трудах церковных апологетов сохранилось три:

- 1) Адриана (у Евсевия и Руфина, IV,9, и в Первой апологии Иустина),
- 2) Антония Пия (у Евсевия и Руфина IV, 13 и в приложении к апологиям Иустина) и
- 3) Марка Аврелия (в приложении к Первой апологии Иустина)².

Но Болотов и многие другие историки в двух последних сообщениях видят «христианскую руку»³, т.е. признают их подложными.

Рескрипт Адриана, защищающий христиан, Болотов признает достоверным. Полный текст послания Адриана таков: "Минуцию Фундану.

Я получил послание светлейшего Серенния Граниана, твоего предшественника, и не считаю возможным оставить этот доклад без ответа [*Евсевий: без расследования*], чтобы и людей [*Руфин: и невинных людей*] не подвергать тревоге, и клеветникам не дать повода грабить [*Евсевий: делать зло*]. Если жители провинции желают открыто вести дело против христиан и в состоянии будут на суде уличить их в чем-нибудь [*преступном*], я этого не воспрещаю им. Но только просьбы и только вопли не дозволяются. Во всяком случае, если кто пожелает обвинить их, то гораздо справедливее тебе расследовать взводимые на них обвинения. Таким образом, если кто-нибудь обвинит вышеупомянутых людей и докажет, что они делают что-нибудь противозаконное, то ты наложишь наказание смотря по силе преступления. Но если кто-нибудь обвинит кого-нибудь из них и окажется клеветником, то, клянусь Геркулесом, ты обязан строго наказать его за такое негодное дело"⁴.

Другими словами, император запрещает судить за одно лишь имя «христианин», к чему, вероятно, под давлением толпы иные

---

[1] Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.86.

[2] Там же. С.86.

[3] Там же. С.87.

[4] Цит. по: Болотов В.В. Там же. С.89.

судьи (или местные власти) иногда были склонны. Тертуллиан, по образованию юрист, подтверждает незаконность таких судилищ (незаконность осуждения за самое имя с точки зрения римского права). Тертуллиан в начале III века полемизирует с гонителями христиан:

"в ваших приговорах упоминается только то, что получено признание христианина. Итак, здесь не указано никакого преступления, разве только считать преступлением само имя. И действительно, имя есть истинная причина вашей ненависти к нам. Итак, [в действительности] обвиняется имя... Поэтому вы не хотите знать то, относительно чего убеждены, что вы этого наверняка не знаете, а поскольку вы не верите тому, что не доказано, то, чтобы это не было легко опровергнуто, вы ничего не хотите расследовать для того, чтобы, ссылаясь на преступления, наказывать враждебное вам имя. Вот нас и принуждают отрекаться, чтобы лишить нас нашего имени. Когда же мы отречаемся, с нас (сразу) снимают все обвинения без всякого наказания за совершенное (в отличие от иных «преступников». - А.В.)... Скажите, а в чем вина имени, какой его недостаток и вред?... Обвинению вашему [нами] дается отвод: нельзя обвинять в таких преступлениях, которые не определены законом, не подтверждены уликами и не указаны в постановлении суда...

Вы знаете дни наших собраний, почему нас и осаждают, и притесняют, и хватают на самых тайных наших собраниях. Однако наткнулся ли кто когда-нибудь на полубъеденный труп? Заметил ли кто-нибудь на залитом кровью хлебе следы зубов? Увидел ли кто какое-либо бесчинство, чтобы не сказать кровосмешение, рассеяв мрак внезапным светом?" (К язычникам, I.3; 7).

В приведенных рескриптах (Адриана и Траяна) проглядывается одна и та же причина их написания - непрекращающиеся нападки на христиан со стороны «черни». Упоминаются «вопли» и прочие характерные детали характерного аффектного поведения толпы.

Современный читатель может подумать, что римский закон преследовал христиан за веру. Безусловно, во все времена и у всех народов хула на почитаемого в данной местности бога (богов) влекла неминуемую расправу. Но в древнем мире, в многонациональных империях, можно было вполне свободно исповедовать различные религии. Существовала, конечно, разница в отношении властей к древним культам на территории Империи и к новоявленным сектам, но далеко не в той мере, как об этом пишут церковные историки в случае с христианством. Безусловно, обращение в чужую веру коренного населения во многих странах не до-

пускалось. Всеми захватчиками во все времена местные культы чтились¹. Другими словами, римские законы не считали преступным поклонение *местным или племенным богам*, ибо сам римский пантеон имел их громадное количество, легко перенимал чужих богов с завоеванных территорий, и в силу самого политеизма до времен Диоклетиана (кон. III в.) императоры даже не стремились навязывать какого-то единого общеимперского культа. В каждой местности были свои особенности и свои пантеоны. Культ Египта, например, с его богатейшими традициями, естественно, отличался от афинского, а оба они - от римского. В разных городах особое предпочтение отдавали тому или другому богу, и за пределами Рима религиозные культы далеко не были тождественны римскому. Иными словами, как это сегодня установлено многими учеными, никакого *теологического* (доктринального) конфликта между христианами и Римом не могло быть в принципе. Но и на общекультурном уровне повода для конфликта не возникало. Просвещенные римляне в духовном плане руководствовались классической греческой философией и популярным в это время стоицизмом, и до появления великого Оригена (III в.) церковно-христианское богословие в догматическом смысле всерьез даже не воспринималось. Творения же ранних христианских гностиков по сути представляли собой варианты неоплатонизма, а потому вряд ли могли вызвать особое отторжение со стороны римских философов. О том, в каких преступлениях обвиняли христиан, за что их подвергали гипотетическим «императорским гонениям», исписаны целые тома, в том числе с подробнейшим исследованием Римского права. Однако если оставить на совести богословов их пристрастные комментарии, становится совершенно очевидным, что императоры эпохи Антонинов вовсе не горели желанием расправиться с христианами. Если бы они к этому стремились, то в их распоряжении было достаточно средств и достигнуть этого можно было весьма просто. Но тогда в памяти поколений остались бы яркие факты этой расправы, как это случилось с жестокостями Домициана, Деция и Диоклетиана, но ничего подобного о II в. неизвестно. Однако вернемся к церковной истории.

Например, Болотов, о времени творчества Ириния Лионского пишет: «В провинциях положение христиан зависело весьма часто от личного произвола президов. У Тертуллиана собрано несколько примеров, что проконсулы Африки нередко ограждали христиан

---

[1] Здесь опускается проблема противостояния между лунными и солнечными культами, о которой говорилось в книге «Кумран и Христос».

от ярости черни. Один из этих проконсулов (Cincius Severus) сообщил христианам формулу, как должны были отвечать обвиняемые перед его трибуналом христиане, чтобы быть освобожденными. Другой (Vespronius Candidus) отказался удовлетворить желание народа, требовавшего на казнь одного христианина, и мотивировал свой отказ тем, что удовлетворить подобное требование значит только поддерживать общественные беспорядки. Третий (Asper, 197 г.), когда ему представлен был один обвиняемый христианин, ограничился лишь тем, что подверг его легкой пытке, и, не доводя дело до смерти и жертвоприношения, освободил его, заявив своим ассессорам, что для него крайне неприятно ввязываться в подобные процессы. Наконец, о четвертом (Pudens) рассказывается, что к нему, проконсулу и пропретору, поступило для окончательного решения дело об одном христианине. Он уже признался в принадлежности к христианству, и документ об этом поступил к этому судье. Проконсул произвел второе дознание, после чего выяснилось, что обвинению христианина предшествовало *conscussio*, т.е. вымогательство к этому, что считалось бесчестным с точки зрения тогдашней этики. Тогда проконсул разорвал этот документ, заявив, что не станет судить человека при отсутствии обвинителя, и на этом основании освободил обвиняемого христианина»¹. В общем о II веке получаются как бы две разные истории: согласно Евсевию, в это время христиан тысячами с детьми и стариками умерщвляли самым бесчеловечным и диким способом, а согласно другой истории, императоры и проконсулы этого времени руководствовались соображениями высочайшей этики, чести и справедливости, дабы их защитить от произвола невежественной толпы. Какой же истории верить?

Совершенно очевидно, что отмеченным выше подзуживанием низов могли заниматься прямые ненавистники христиан. Это могли быть и иудеи, и те, кто считал христиан иудеями, да и вообще кто угодно – в крупных городах народ был очень разный. Мелитон Сардинский называет их «злонамеренными людьми», Евсевий – «злыми язычниками». Для поздних церковных историков гонения на христиан объяснялись традиционным трафаретом: сначала язычники за праведную веру измывались над поклонниками Иеговы – иудеями, и вечно их гнали, а теперь точно так же – над христианами. Евсевий так и пишет, что виною в обоих случаях был Сатана.

---

[1] Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.109-110.

Но надо отметить, что между христианами и иудеями в их отношении к внешнему миру была существенная разница и христиан никогда, кажется, за невыносимость дальнейшего с ними сосуществования, как это было в случае с иудеями из страны или города не выдворяли. Иудеи жили замкнутым миром, обусловленным громадным количеством религиозно-бытовых ограничений, которые невозможно было бы соблюдать, проживая вперемешку с языческим населением. В Библии Йахве говорит об иудеях:

"Вот, народ (— am) живет отдельно и между народами (— goim) не числится" (Чис. 23:9).

Иудеям требовалась особая пища, они отказывались работать в субботу, они воспрещали браки с неевреями, от прозелитов требовали разрыва со своими языческими родственниками (вплоть до детей), они судились между собою в собственных судах, как правило, отказывались идти на государственную военную службу¹, их дети не должны были общаться с неевреями, чтобы не подпасть под влияние язычников. Похоже, что в древние времена почти во всех народах евреев воспринимали как инородное явление: во многих городских хрониках сообщается, что еврейские кварталы по настойчивому требованию еврейских старейшин всегда наделяли особым статусом². Всё это, естественно, порождало среди местного населения ответное чувство отторжения и многократно повторяемые в истории преследования евреев. Но с христианами все было иначе. Христиане, тем более, если говорить о святых и праведниках (речь идет не о таких радикалах, как Тертуллиан или ранний

---

[1] Моммзен Теодор. История Рима: В 4 томах. Т.4. Ростов н/Д, 1997. С.418. Нахождение евреев в армии было проблематично по многим причинам. Например, с религиозной точки зрения иудей считался подчиненным непосредственно Богу, но никак не царю и не командиру. В силу национальной обособленности иудеи не могли идти против интересов своего народа, а в армии, как известно, необходимо выполнять разные команды. Иудеи обращались в собственные суды и решений светских судов не признавали; тем более они не могли исполнять команды командира-нееврея. Сами власти также не могли полагаться на евреев-солдат, поскольку общеизвестна была не лучшая репутация евреев-перебежчиков. Так, Дион Кассий писал о событиях, предшествующих взятию и разрушению римлянами Иерусалима в 70 г.: «Тут Тит снова обратился к ним (восставшим евреям), обещая неприкосновенность, но они оставались непреклонны, а пленники и перебежчики тайком портили у римлян воду и умерщвляли воинов, ежели отбьются те от своих, так что Тит неприятельских перебежчиков принимать к себе перестал» (*Кассий Д. История Рима, LXVI.4.3. Цит. по: Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Комментарии М.Штерна. Т.2, часть вторая. М.-Иерусалим, 2002/5762, с.46*).

[2] Моммзен Теодор. Там же. С.418.

Афинагор), с любовью относились ко всему миру, никаких особых бытовых ограничений не имели, этнически и культурно происходили из тех же коренных народов и были естественной частью населения Римской империи. К несчастью христиан, о них злонамеренно распространялись тяжкие наветы и родилась дурная молва. Те обвинения, которые еще недавно египтяне, греки и римляне предъявляли иудеям (например, кровавые человеческие жертвоприношения), теперь обрушились на христиан. Так, при Нероне (лето 64 г.) запылал Рим – великая столица Империи, и на три четверти выгорел, а какие-то недоброжелатели, если верить церковной историографии, свалили вину за пожар на христиан (на назареев). Нерон не был любителем кровавых гладиаторских побоищ, но не исключено, что, стремясь ослабить народный гнев, он разрешил издевательства над сектантами и их избивание ¹.

---

[1] Тацит (ок.55 – ок.120) сообщает: «Но ни средствами человеческими, ни щедротами принцепса, ни обращением за содействием к божествам невозможно было пресечь бесчестящую его (Нерона) молву, что пожар был устроен по его приказанию. И вот Нерон, чтобы побороть слухи, приискал виноватых и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами. Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиберии прокуратор Понтий Пилат; подавленное на время это зловерное суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев. Итак, сначала были схвачены те, кто открыто признавал себя принадлежащими к этой секте, а затем по их указаниям и великое множество прочих, избличенных не столько в злодейском поджоге, сколько в ненависти к роду людскому. Их умерщвление сопровождалось издевательствами, ибо их облачали в шкуры диких зверей, дабы они были растерзаны насмерть собаками, распинали на крестах, или обреченных на смерть в огне поджигали с наступлением темноты ради ночного освещения. Для этого зрелища Нерон предоставил свои сады; тогда же он дал представление в цирке, во время которого сидел среди толпы в одежде возничего или правил упряжкой, участвуя в состязании колесниц. И хотя на христианах лежала вина и они заслуживали самой суровой кары, все же эти жестокости пробуждали сострадание к ним, ибо казалось, что их истребляют не в видах общественной пользы, а вследствие кровожадности одного Нерона» (Анналы, XV. 44). Данный фрагмент считается подвергшимся значительной христианской правке. Согласно нашему исследованию (см. «Кумран и Христос») имя «христиане» и история о «распятии Христа при Понтии Пилате» во времена Тацита еще только появились, поэтому Тациту они вряд ли были известны, но в его труд это сообщение было добавлено церковными апологетами. А.В.Вдовиченко пишет о том, что тогда еще не могло быть гонений на христианскую веру: «При этом более вероятно, что сами иудеи указали на христиан... Несмотря на покровительство жены Нерона, иудейской прозелитки Пoppеи Сабины, в момент, когда под угрозой оказалось благополучие самого императора, иудеи могли быть (народом. – А.В.) поставлены под подозрение и подвергнуться расправе как общепризнанные ненавистники рода людского, тем более что иудейские кварталы не пострадали от пожара... Это было гонение не за веру, а за поджог, – неприязнь к иудеям была привычна, а ненависть к христианам еще не оформилась настолько, чтобы могло возникнуть особое гонение на саму их религию» (Вдовиченко А.В. Христианская апология // В сб.: Раннехристианские апологеты II – IV веков. Переводы и исследования. М., 2000, с.8).

Евсевий описывает одну из расправ в Лионе, когда христиан обвинили в страшном грехе-flagitia («причащении кровью младенцев» и пр.) и подвергли истязаниям и пыткам, чтобы они во всем сознались. «Где только они (христиане Лиона) ни появлялись, – пересказывая Евсевия, пишет Болотов, – в них бросали камнями, их грабили и подвергали всевозможным притеснениям. За отсутствием презида в Лионе, когда все общественные порядки были нарушены, комендант города и муниципальные власти наконец решились принять на себя формальное вмешательство в дело христиан, чтобы положить конец анархии. В ожидании презида начались аресты в громадном количестве. Гонители христиан, не различая гражданского их положения, забирали рабов и свободных, знатных и незнатных... Начались пытки»¹.

Евсевий, в отличие от последующих историков, причину подобных событий усматривает не в императорах, а в «черни»:

«В то время многие места охватило такое гонение на нас, что Плиний Секунд, из наместников самый знаменитый, встревоженный большим числом мучеников, написал императору о большом числе людей, гибнущих за веру, и тут же сообщил, что не смог уличить их в нечестии и в чем-либо противозаконном; встав на заре, они воспевают Христа как Бога; запрещают прелюбодействовать, убивать и совершать другие подобные проступки; поступают они во всем по законам. В ответ Траян издал указ: христиан не разыскивать; попавшегося – наказывать. Гроза страшного гонения, висевшего над нами, до некоторой степени рассеялась, но для людей, желавших навредить нам, возможностей оставалось ничуть не меньше; в одном месте злое дело замышляла чернь, в другом – его готовили местные власти; явных гонений не было; возникали частичные по провинциям, и многие верующие в борьбе за веру были по-разному замучены. Рассказ об этом, – сообщает Евсевий, – взят из латинской Апологии Тертуллиана, который в переводе звучит так: "Впрочем, мы обнаружили, что разыскивать нас было запрещено. Плиний Секунд, правитель провинции, приговаривал христиан и лишал их звания граждан; смущенный их множеством, не зная, что ему впредь делать, написал импера-

---

[1] Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.104

тору Траяну: никакого нечестия он у них не нашел, кроме разве нежелания служить идолам. Указал он еще, что христиане, встав на заре, воспевают Христа как Бога и, соблюдая свое учение, запрещают убивать, прелюбодействовать, наживаться, воровать и вообще совершать что-либо подобное. Траян ответил, что христиан не надо разыскивать; но попавшегося наказывать". Так тогда и было» (Евсевий. ЦИ. III.33).

«Попавшегося наказывать», если даже о подобном Траян и писал, надо понимать в том смысле, что «наказывать, если тот совершил преступление» (убийство, кровосмешение и пр.), но не за то лишь, конечно, что он христианин. За множеством жизненных перипетий бывает трудно усмотреть истинную подоплеку событий. У современной науки имеются свои объяснения истории, но наука не отвечает на вопрос: зачем? Для религиозного же сознания нравственный критерий жизни является основополагающим. Каковы же причины несчастий, постигнувших христиан в конце второго, начале третьего веков? Зачем, с какой целью, почему? «Авеста», например, сообщает, что религию Зороастра туранские воины искореняли чуть ли не уничтожением всего правоверного населения. Даже в весьма терпимой в прочих случаях Индии буддисты, преследуемые жрецами и правителями лунной династии¹, вынуждены были удалиться в другие страны. Даже во времена «золотого века» Римской империи, при императорах – благодетелях и мудрецах, на новую веру, христианство, иногда имеют место всё те же нападки. В гонителях (или гонимых), как можно заметить, нет ни одинаковых этнических признаков, ни тождественных религиозных предписаний, ни схожей культуры. Все они разные, и тем не менее суть противостояния – одна.

На Востоке говорится:

«Сущность самых добрых провозвестий большинство встречает с ненавистью. Не только противодействие, но именно неистовая ненависть ползет за самыми полезными открытиями.

Кто-то подумает, что причину нужно искать в зависти, но на деле причина гораздо глубже. Она есть противоборство хаоса всему созидательному. Даже можно узнать по-

---

[1] О противостоянии лунной и солнечной династий см.: Владимиров А. Кумран и Христос. М., 2002. С.271, 504, 522-523, 675.

лезность провозвестия по степени изрыганий ненависти. Не только злые насмешки, но самая губительная ненависть преследует всё что способствует обновлению жизни. Заметьте, как близки такие ненавистники к предательству. Они готовы к самому изысканному действию, чтобы повредить тому, что [в действительности] не нанесло им [никакого] ущерба.

Ненавистники разделяются на два вида. Одни служат мегафоном каждому полезному провозвестию. Справедливо замечено, что сильные люди воплощаются иногда с определенным назначением оказаться мегафоном целого движения. Нужно понять, что карма не отягощается при таком определенном назначении. Но следует запомнить, что второй вид ненавистников очень вреден, ибо они пытаются подставить лживые значения на путях продвижения человечества.

Вы не раз встречали таких вредителей. Невозможно оправдывать их тем, что они обуяны одержанием. Иначе каждый слабовольный человек найдет себе оправдание. У нас очень остерегаются таких подпадающих под губительное одержание.

Нужно помнить, что область Надземная особенно возбуждает ярость таких ненавистников. Они желают оставаться среди ветхой рухляди, но стараются надеть маску рассудительности. Много путей было загромождено такими притворщиками».

&еро;Надземное, § 676 ¹.&ерс;

---

[1] Надземное. 1938 // Агни-йога. Т.IV. М.: Сфера. 1999. С.578-579. В квадратных скобках наше дополнение. – А.В.

2. Упадок и реакция

Так или иначе, но в результате лионских погромов, ставших возможными из-за удаленности Лиона от столицы и, вероятно, только поэтому остановленных слишком поздним вмешательством центральных властей, Ириней Лионский при наступившем затишье занял освободившуюся епископскую кафедру. Где он пребывал во время ловли и истязания его единомыслителей – ничего не известно. Зато Евсевий сообщил, что будто бы лионские мученики из тюрьмы написали епископу Рима:

"Желаем тебе, отец Элевферий, радоваться в Боге сейчас и всегда. Мы попросили доставить тебе это письмо нашего брата и сообщника Ириней; просим тебя, будь к нему расположен: он ревностен к завету Христову. Если бы мы думали, что праведность доставляет человеку место, то мы поставили бы его, по его заслугам, первым среди пресвитеров церковных" (Евсевий. ЦИ.V.4.2).

Ириней это удивительное письмо и доставил. Выходит так, что в период гонений Ириней был в Лионе одним из достойнейших, ко всему прочему еще и наставленным в вере учеником апостола Иоанна – одним только этим являясь фигурой весьма заметной – однако во время гонений никто из гонителей на него внимания не обратил, и венец мученичества достался другим. Письмо напоминает текст, рожденный, что называется, «задним числом». Но может быть, вся история о благословении Ириней лионскими подвижниками вообще плод фантазии того же Евсевия? Ведь без этого Ириней выглядел бы совсем неубедительно: пришел неизвестно откуда, сказав, будто в юности или даже в детстве видел Поликарпа, а затем после уничтожения христиан Лиона занял пустующую разгромленную кафедру Лиона. Чей он был ученик в действительности, какие духовные подвиги снискал до того – сия тайна покрыта мраком.

Если верить Евсевию, в ходе репрессий оказалась уничтоженной вся главенствующая часть Лионской и Вьеннской церквей: «Из двух упомянутых Церквей забрали людей самых деятельных, на которых Церкви, по существу, и держались» (ЦИ.V.1.13). Далее ход мысли Евсевия мог бы повторить любой последующий апологет, когда произвольно соединяются общеизвестные факты, а подстроенный к ним малоинформативный домысел выдается за древнее предание. Например, Евсевий пишет:

"Последователи Монтана, Алкивиата и Феодота во Фригии только-только заговорили тогда на людях о своих прорицаниях

Время Иринея Лионского

(так как очень много и других чудес еще до того времени совершалось по Божией благодати в разных церквах, то многие поверили и их пророческому дару). Возникли по этому поводу разногласия, и братья из Галлии [из Лиона и Вьенны], изложив собственное суждение, осторожное и вполне правоверное, извлекли еще письма разных мучеников, у них [в Лионе] скончавшихся, которые те, беспокоясь о мире церковном, находясь еще в оковах, писали братьям в Азии и Фригии, а также Элевферию, тогдашнему Римскому епископу" (ЦИ.V.3).

Характерно, что Евсевий, в иных случаях указывающий источники сведений, на этот раз отмалчивается.

Итак, по выходе из подполья вместо того, чтобы обрушиться на провокаторов и подстрекателей, вместо того, чтобы с жаром начать отстаивать возвышенность христианской веры и христианской праведности (как это делали прочие христианские апологеты), Иринея Лионский всю свою энергию направил на борьбу с христианами-гностиками.

Кем же являлись столь ненавистные Иринею гностики и еретики?

Богатый торговец *Маркион*, противопоставивший доктрины Ветхого и Нового Заветов, явился в Рим при папе Гигине (главенствовавшим в 137 – 141). Отцом Маркиона, согласно преданию, был епископ Синопа – оживленного торгового центра на Черноморском побережье Малой Азии. Маркион передал большую сумму пожертвований римской епархии, а также письма Павла, в которых обнаружилась резкая антиветхозаветная позиция. Впоследствии оказалось, что тексты писем, привезенных Маркионом, значительно отличались от тех, что были позже приняты церковным канонем. Некоторые авторы даже предполагают, что Маркион имел письма-оригиналы, неведь откуда у него взявшиеся, и что именно благодаря Маркиону церковь владеет Павловым наследием, хотя и значительно измененным затем корректорами. Главная ересь Маркиона, по мнению ортодоксов, заключалась в неприятии им Ветхого Завета. Маркион потребовал от представителей Римской церкви разъяснения, каким образом считают они возможным сохранить хотя бы внешнюю связь между иудаизмом и Христовым Откровением, вопреки прямому смыслу слов Христа *невозможности вливания вина нового в мехи ветхие* (Лк 5.37), *о невозможности приставления заплат к ветхой одежде, отодрав её от новой* (Лк 5.36), *о невозможности ожидать плода доброго от древа худого* (Лк 5.43-44). Маркион формулировал данный вопрос отнюдь

не догматически или сектантски, не сводил его к решению – какими текстами, Нового или Ветхого Завета, следует руководствоваться христианину. Проблема мыслилась им гораздо шире: следует ли соотносить христианское провозвестие и христианские идеалы с положительным опытом мировой культуры и восточной мудростью или же христианство должно быть заключено в тесные рамки национальной религии иудеев. Маркион утверждал, что суть данной проблемы заключалась в споре между апостолами Павлом и Петром и что только Павел следовал заветам Христа и передал миру истинный смысл Его учения, искаженного другими апостолами. По мнению Маркиона, Павел был призван к апостольскому служению именно для исправления ошибок, допущенных другими апостолами, т.е. для восстановления истинного понимания Христова Учения, оскверненного попытками сближения с иудаизмом. Смысл христианства – в безусловном отрицании иудаистского духа. Церковь же стоит на ложном пути, ибо она принимает, невзирая на ясные указания Павла, ошибочное учение о преемственной связи Ветхого и Нового Заветов. По мнению Маркиона, все евангельские тексты, содержащие указание на тождественность телесного Иисуса и вселенского Христа, суть измышления иудеев и иудействующих христиан, стремившихся извратить смысл спасительного явления Христа. Спаситель Своим пришествием открыл миру истинное Богопознание, возвестив Высшее Всеблагое Божество и упразднив закон ветхозаветного Йахве. Поэтому, по словам Маркиона, в Ветхом Завете и не могло быть никакого указания на Христа: то чаяние иудейского Мессии, которое толкуется Церковью в христологическом смысле, имело в виду лишь Мессию земного, могучего царя израильского, имеющего целью возрождение иудейства, – и Библейские пророчества о нем доселе не сбылись (о двух Мессиях – в солнечной и в лунной древнееврейской традиции см. «Кумран и Христос»¹). Явление Христа открыло роду человечес-

---

[1] Владимиров А. Кумран и Христос. М., 2002. С.268-269, 301, 502. В послевавилонской еврейской традиции утверждается, что будет два Мессии (Спасителя), первый – из рода Иосифа (ср. с Иисусом Христом), а второй, который спасет евреев – из рода Иуды (Давида). Например, Енох в «Книге Еноха» (еврейская редакция) заявляет:

"И я увидел: Мессию, сына Иосифа, и его поколение, и всё, что они сделают с язычниками. И я увидел: Мессию, сына Давида, и его поколение, и все сражения и войны, и всё, что они соделают с Израилем, как доброго, так и злого" (45.5) (цит. по: Тантлевский И.П. Книги Еноха. М.-Иерусалим, 2000/5760, с.233).

В талмудической традиции доминирует точка зрения, что

"Мессия, сын Иосифа, – предтеча победоносного Мессии, сына Давида. В конечные дни первый Мессия (сын Иосифа. – А.В.) будет вести войны с врагами Израиля и падет в сражении" (Тантлевский И.П. Книги Еноха. С.233. См.: Вавилонский Талмуд, трактаты: Сукка, 52а-б; Бере'шит Рабба 75:6, 95, 99:2; Бембидбар Рабба 14:1; Шир Хашширим Рабба 2:13.4; Песикта' деРае Кахана 5:9; Мидраш Техиллим 87:6).

кому познание Неведомого дотолле Высшего Божества и научило стремиться к Нему, отринув власть Демиурга (Иахве) и узы плоти, находящиеся во власти Демиурга. Как отмечает Ю. Николаев, «религиозное мирозерцание Маркиона всецело принадлежало кругу гностических идей; разница между ним и другими гностическими учителями заключалась лишь в том, что он искал практического применения их созерцания и пытался устранить все несогласия между этими созерцаниями и реальной действительностью, что он разглашал перед всеми братьями во Христе идеи, доступные, по мнению Василида, лишь одному человеку из тысячи. Именно в этом открытом выступлении Маркиона, так далеко ушедшего от туманного символизма василидиан или офитов, таилась для Церкви громадная опасность. Критика Маркиона, вынесенная из области трансцендентного созерцания в реальный мир прений об источниках и документах, являлась вполне определенной угрозой церковному авторитету, едва начавшему вырабатывать своё самосознание. И Церковь имела основание увидеть в Маркионе врага, почти равного по значению Симону Магу, но ещё более опасного в смысле разрушения устоев церковного христианства»¹.

Почти одновременно с Маркионом, около 140 года, пришел в Рим знаменитый гностик *Валентин*, который обрел здесь такую популярность, что чуть не сделался епископом Рима, но его переиграл Пий I.

Еще ранее, в 125 – 130 гг., учил другой известный гностик – *Василид*. Иные гностики или гностические системы прославились еще раньше. Пик основного творческого складывания доктрины раннего христианства, вероятно, пришелся на начало и середину II в.

Другими словами, это время характеризовалось мощным развитием христианской (недогматической) теологии, или, вернее сказать, – теософии. Гностическое, т.е. первоначальное христианство, пройдя в I в. фазу начального становления, во II в. принесло обильные плоды, открыв эпоху широкого распространения мирского христианства. Именно в это время на фоне или среди открываемых гностиками общедоступных церквей появляются первые

---

[1] Николаев Ю. В поисках Божества. Очерки из истории гностицизма. Киев, 1995. (Перепечатка с издания 1913 г.). С.263.

догматические и ветхозаветно-ориентированные церкви, пропитанные фарисейским духом ригоризма, приверженные внешним обрядам и искусственным догматам. Зарождающееся догматическое христианство, лишённое духовной искры, поддержку своим устремлениям черпало то в аскетической экзальтации, то в буйной фантазии, гипертрофированно рисуя человеческое прошлое и настоящее. Довольно жалкие по сравнению с классической античной литературой творения христианских апологетов середины II в., зачисленные догматической церковью в свой актив, даже церковными назвать трудно. Некоторые из них были написаны молодыми авторами с характерным юношеским максимализмом, сменившимся впоследствии зрелыми представлениями, что повлекло сразу же признание церковью позднего творчества этих авторов еретичным. Отцы церкви столь усердно уничтожали раннехристианскую литературу, по их мнению, несущую еретические мысли, что II век теперь некоторым теологам представляется временем (в сравнении со временем ап. Павла) застоя и упадка. Оценивая немногочисленные труды христианских авторов II в., сохранённые церковью («Апостольские правила», «Пастырь» Гермы, Послания Климента, сочинения Аристида, Иустина, Татиана, Афинагора, Феофила Антиохийского), Адольф Юлихер писал:

«Такой доморощенной морали (проповедуемой данными произведениями) соответствует и такой же доморощенный интеллектуализм в объяснении религиозных принципов... Особенно убогим кажется нам христианство апологетов потому, что от них, именно от них, на чью долю выпала задача сравнивать свою религию с прежними учениями для доказательства их ничтожества, ожидали возвышенного энтузиазма при раскрытии новых истин христианства. За небольшими исключениями, апологеты ограничивались тем, что в подражание стоическим и эпикурейским критикам осмеивали тупоумие мифов о богах... И помимо этого другие, мелочные черты присущи церкви II века... Проповедник во II Послании Климента, и апологет Аристид, и пророк Герма, и... Афинагор чувствуют себя только толкователями, а не творцами...»¹.

Но если освободиться от иллюзии, навеянной церковной историографией, о гностицизме, как о якобы «внешнем и чужеродном для христианства явлении», то окажется, что в действительности второй век в лице гностиков стал периодом блестящего развития и глубочайшего осмысления наследия Христа (см. Приложения 7 – 10),

---

[1] Юлихер А. Религия Иисуса и начала христианства до Никейского собора // Сб.: Раннее христианство. В двух томах. Т.1. М., 2001. С.261-263.

тогда как догматическое христианство только-только начинало делать первые неуверенные шаги. «Золотой век» эпохи Антонинов способствовал становлению философского неопифагорейского и неоплатоновского христианства – души, ума и сердца христианской религии. Закат же эпохи Антонинов (кон. II в.) совпал с попятным движением в развитии христианства, когда на смену прогрессивным побудительным мотивам и в истории Империи, и в истории христианства пришла реакция. Это хорошо видно на примере трудов Ириния Лионского, суть которых представляет собою *торможение, запрещение и ниспровержение*. Ничего созидательного, ничего нового, ничего радующего сердце и вызывающего любовь к автору. За текстами Ириния Лионского вообще трудно обнаружить живую личность. Такое ощущение, что перед читателем не человек, а система. А возможно ли созвучие сердца с «системой»? Но если нет сердечного трепета, который надеешься ощутить при встрече с учеником ученика самого апостола, то, может быть, встретишь здесь мудрость или высокий интеллект? Отнюдь, перед нами вполне посредственная логистика, к тому же изобилующая внутренними противоречиями и явными неувязками.

Другими словами, классическое попятное движение – *реакция*. Но ведь и во всей Империи с приходом к власти Коммода царило омертвление и деградация. Конечно, нельзя все проблемы этого времени связывать лишь с личностью Коммода. Как говорится, каждое время заслуживает своего правителя. Накопившиеся к концу II века экономические, социальные и политические проблемы при неумелом и безынициативном правлении императора поставили Империю на грань развала. Провинции захлестнула волна грабежей и разбоев. Даже Септимию Северу с большим трудом удавалось после Коммода поддерживать в Империи относительный порядок. После смерти Коммода с 193 по 197 г., по сути, шла гражданская война. Даже с чисто культурной точки зрения в Империи наблюдался очевидный спад. К 160 г. перестал звучать голос *Светония*, к 170 – *Аппиана*, к 179 – *Клавдия Птолемея*, к 170 г. – *Апулея*, к 180 г. – *Лукиана*.

В начале III в. историк *Дион Кассий*, сенатор и крупный землевладелец, в написанном им труде по римской истории отразил чаяния элиты того времени: полное уничтожение городских автономий; подавление всякой самостоятельной мысли, однотипное государственное образование, изгнание философов и религиозных проповедников; беспощадная расправа со всякими мятежниками; сильная власть императора, опирающегося на «лучших», т.е. на самых богатых людей. В период деградации и распада подобные ме-

ры старого режима являются весьма распространенными. (Преддверие Второй мировой войны тому самый яркий пример). Но можно отметить, что точно такую же по духу программу реформации христианства изложил и Иринея Лионский, программу, которая была взята на вооружение Римской церковью. И.Г.Гердер писал, что могло бы показаться, что

"Провидение воздвигло римское государство и латинский язык в виде моста, по которому кое-что из сокровищ первоизданного мира должно было перейти и к нам. Но это был бы тогда самый скверный мост, какой только можно избрать, потому что именно строительство его и лишило нас большей части сокровищ древнего мира. Римляне разрушали, а другие народы разрушали Рим, – но ведь те, кто разрушает, не могут беречь" ¹.

Получается, что на закате Римской империи чаяния интеллектуальной элиты римского общества и римского епископата оказались одинаковыми. По иронии судьбы «апокалипсический зверь», которым представлялся Рим ранним христианам, вдруг в лице епископов Рима оказался во главе христианства, насадив мироощущение и порядок, глубоко чуждый заповедям Христа, чуждый греческим и малоазийским церквям, образованным Павлом, – порядок уходящего мира.

Итак, окончание эпохи блестящих римских императоров и наступление общего кризиса в Империи странным образом пошли во благо Римской церкви. Прямо-таки «пир во время чумы». Между прочим, эта чума как раз вспыхнула в 180 г. и унесла жизнь последнего императора эпохи Антонинов – Марка Аврелия. Болотов пишет:

«Со смертью Марка Аврелия в 180 году в положении христиан наступила перемена к лучшему. На римский престол вступил сын (Марка Аврелия)... *Коммод Антонин* (180 – 192), положивший конец блестящей эпохе Антонинов. Коммод был одним из самых недостойных кесарей, человек, который по капризу судьбы вместо того, чтобы родиться гладиатором, родился императором...

Несмотря на такой характер Коммода, положение христиан при нем оказалось более сносным, чем в предшествующее время... Притом в последние годы на него приобрела большое влияние конкубина ² его, христианка *Марция*, "боголюбивая наложница", как называет ее Ипполит» ³.

---

[1] Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С.425.

[2] «Конкубинат, – поясняет Болотов, – имел тогда особенное социальное значение: это был, так сказать, брак с левой руки, телерешный морганатический. Многие лица находили для себя неудобным законный брак, некоторым сословиям он был запрещен, например солдатам. Даже и такой государь, как Марк Аврелий, в нравственности которого не может быть сомнения, когда овдовел, несмотря на то, что недостатка в невестах не было, счел для себя неприличным жениться вновь и дать своим детям мачеху и предпочел конкубинат. Веспасиан имел конкубину, а не супругу. Положение таких конкубин было настолько почетно, что они получали звание императриц и пользовались большим влиянием» (*там же*). Попытка Болотова представить отношения между Коммодом и Марцией платоническими не выдерживает никакой критики. То, что было естественным для философа Марка Аврелия, проповедовавшего аскетизм и воздержание, совершенно неуместно применять к его сыну, погрязшему в разврате (см. далее). – А.В.

[3] Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.106

Время Иринея Лионского

Была ли христианка Марция «боголюбивой» подругой или фавориткой-любовницей, у церковных и нецерковных историков мнения расходятся. Но относительно низкого нравственного и умственного уровня императора, кажется, все единодушны. Коммод, сын Марка Аврелия, еще в 176 г. был назначен соправителем. Сын был полной противоположностью отцу. Распущенный, вялый и легкомысленный, он только и мечтал о том, как бы кончить войну с вторгшимися в Империю маркоманнами и вернуться в Рим. Когда умер Марк Аврелий, Коммоду было только 19 лет. Война продолжалась еще несколько месяцев, но затем император заключил с маркоманнами и квадами мир на выгодных для них условиях (Коммод обещал их вождям ежегодные денежные «подарки»).

Вернувшись в Рим в том же 180 г., Коммод с головой погрузился в столичные удовольствия, предоставив управление государственными делами своим любимцам: начальнику преторианцев Переннию и др. Современникам казалось, что в лице Коммода воскресли худшие представители дома Юлиев-Клавдиев: Калигула и Нерон. Коммод обожал спорт и гладиаторские состязания, причем не ограничивался только ролью зрителя. Одетый в львиную шкуру, с палицей в руке, он изображал Геркулеса, избивая на арене цирка беззащитных людей и зверей. Империя покрылась статуями Геркулеса-Коммода, а в Риме была даже учреждена коллегия жрецов для служения новому богу.

Уже в 183 г. был раскрыт заговор против императора, в котором принимали участие его жена Криспина и сестра Луцилла. Ответом на заговор стали массовые казни аристократии. Потеряв поддержку знати, Коммод начал вести демагогическую политику, заискивая у солдат и римской толпы. Повышение жалованья, вся-

кого рода поблажки преторианцам, цирковые зрелища, раздачи – таковы были старые испытанные средства этой политики. Результатом явилось катастрофическое падение воинской дисциплины. В 185 г. Перенния пришлось выдать взбунтовавшимся солдатам. Его преемником стал вольноотпущенник Клеандр, снискавший общую ненависть вымогательством и насилием. Когда в 189 г. в Риме вспыхнул голодный бунт, трусливый Коммод выдал и этого своего любимца разъяренной толпе.

Внутреннее положение в государстве было крайне напряженным. В Италии шайки разбойников терроризировали имущее население. В Галлии в 187 г. бывший солдат Матерн организовал целую армию из беглых рабов и дезертиров. С ней он опустошал не только Галлию, но и Испанию, нападая даже на крупные города. Движение Матерна шло под лозунгом защиты всех угнетенных. Вступая в город, его люди разбивали тюрьмы и выпускали заключенных на волю. В конце концов Матерн, разбитый в Галлии, задумал смелый план: переодетый, он пробрался со своими сторонниками в Рим, намереваясь убить Коммода и захватить верховную власть. Но заговор был раскрыт из-за измены. Последовали новые массовые казни.

И на этом общем фоне Коммод продолжал свои сумасбродства. Дело дошло до того, что император стал публично выступать гладиатором в цирковых боях и поселился в казарме. Тогда не выдержала даже придворная камарилья. В 192 г. возник новый заговор во главе с префектом Эмилием Летом и при участии «боголюбивой христианки» Марции. 1 января 193 г. император собирался вступить в должность консула в костюме гладиатора, но в ночь перед этим ярким зрелищем его убили в гладиаторской казарме.¹

Древние историки время и личность Коммода характеризовали как самые позорные в истории Рима. Юлий Капитолин о нем писал:

«...Сын столь безупречного государя отличался такими нравами, какие чужды даже любому учителю гладиаторов, любому актеру, любому из тех, кто выступает на арене, наконец, любому человеку, в котором, как в помойной яме, соединены всякая грязь и преступление. Многие говорят и так, что Коммод – вообще плод преступной любви: ведь хорошо известно, что в Кайоте Фаустина (жена Марка Аврелия и мать Коммода. – А.В.) выбирала себе любовников из матросов и гладиаторов» (XIX.6-7)².

---

[1] Ковалев С.И. История Рима. Курс лекций. Л., 1986. С.604-606.

[2] Капитолин Юлий. Жизнеописание Марка Антонина Философа // В сб.: Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Перев. С.Н.Кондратьева. СПб., 2001. С.43.

Время Иринейя Лионского

Другой древний историк, Элий Лампридий, приводил чудовищные деяния этого изверга и извращенца:

«С самого раннего детства Коммод отличался постыдным поведением, был бесчестен, жесток, развратен, и уста его были осквернены и обещены...

Всех наиболее честных людей он прогнал от себя либо самым оскорбительным образом, либо предоставляя им самые унижительные должности... Войну, которую отец его (Марк Аврелий) почти закончил, он прекратил, приняв требования врагов, и возвратился в Рим. Вернувшись в Рим, он отпраздновал триумф, причем посадил в колесницу позади себя своего любовника Саотера и, поворачивая голову, часто целовал его на виду у всех. То же самое делал он и в оркестре. Пьянствуя до рассвета и расточая средства Римской империи, он по вечерам таскался из кабаков в лупанары (публичные дома). Для управления провинциями он посылал либо соучастников своих позорных дел, либо людей, рекомендованных этими соучастниками. Сенату он стал до такой степени ненавистен, что и сам, в свою очередь, начал жестоко свирепствовать на погибель этому великому сословию и из презренного превратился в жестокого...

Префекты претория, видя, что Коммод вызывает к себе такую ненависть из-за Саотера, самовластие которого стало для римского народа невыносимым, ловко выманили Саотера из дворца под предлогом участия его в священнодействиях; затем, когда он возвращался в свои сады, они, подослав тайных агентов, убили его...

Перенний, хорошо изучивший Коммода, нашел способ самому сделаться всемогущим. Он посоветовал Коммоду предаться наслаждениям и возложить все труды правления на него, Перенния. Коммод с радостью принял это предложение. Руководствуясь таким правилом жизни, Коммод безумствовал во дворце на пирах и в банях вместе с тремястами наложницами, которых он набрал из матрон и блудниц по признаку красоты, а также с тремястами взрослыми развратниками, которых он собрал из простого народа и из знати, насильно и за деньги, причем дело решала их красота. Иногда, одевшись в платье служителя при жертвоприношениях, он совершал заклинание жертв. Он сражался на арене среди своих спальников как гладиатор, пользуясь тупыми рапирами, а иногда и отточенными мечами. Между тем Перенний распоряжался всем полновластно: кого хотел – убивал, очень многих грабил, не считался ни с какими законами, захваченное имущество присваивал себе. Сестру свою Луциллу Коммод сначала сослал на Капреи, а потом убил. Прочих сестер своих он, как говорят, изнасиловал. Не-

Время Ириней Лионского

избежала его объятий и двоюродная сестра его отца. Одной из наложниц он дал имя своей матери. Уличив свою жену (Брутию Криспину) в прелюбодеянии, он прогнал ее от себя, затем сослал, а впоследствии убил. Иногда он приказывал осквернять у себя на глазах даже своих наложниц. Он дошел до такого позора, что сам отдавался молодым людям... В это время был убит также, будто бы разбойниками, Клавдий, сын которого вошел когда-то к Коммоду с кинжалом; было убито без суда много других сенаторов, а также несколько богатых женщин. И в провинциях некоторые люди, подвергшись ложным обвинениям в каком-нибудь преступлении со стороны Перенния – причиной послужило их богатство, лишились имущества или даже были умерщвлены. Тем, на кого не было никакой возможности возвести ложное обвинение, ставилось в вину то, что они не пожелали записать в свои завещания наследником Коммода...

...После того как легаты войска раскрыли (обман Перенния), [он] был объявлен врагом и отдан на растерзание воинам. На место всемогущего Перенния Коммод назначил одного из своих спальников – Клеандра. После убийства Перенния и его сына Коммод отменил многие распоряжения, сделанные будто бы без его участия, делая вид, что хочет восстановить прежнее положение.

В таком настроении раскаяния в совершенных преступлениях он мог удержаться не дольше тридцати дней и стал совершать, действуя через Клеандра, еще более тяжкие преступления, чем те, какие он совершал, действуя через вышеупомянутого Перенния.

В качестве всемогущего правителя Переннию наследовал Клеандр, а в качестве префекта – Нигер, про которого рассказывают, что он был префектом претория только шесть часов. Действительно, префекты претория сменялись через несколько дней и даже часов, так как Коммод вел себя все хуже и хуже. Марций Кварт, например, был префектом только пять дней. Их преемников держали на этой должности или убивали по произволу Клеандра. По его усмотрению даже вольноотпущенники набирались в сенат и причислялись к патрициям. Тогда впервые в один год было двадцать пять консулов, и все провинции были проданы. За деньги Клеандр продавал все: возвращенных из изгнания удостоивал почетных должностей, отменял решения суда. Благодаря глупости Коммода он (Клеандр) забрал такую силу, что даже на мужа сестры Коммода – Бирра, который осуждал то, что творилось, и сообщал Коммоду о происходившем, он навлек подозрение...

...Коммод не мог больше вынести прорвавшейся тогда ненависти расвирепевшего народа и выдал Клеандра на расправу черни

(189 г.). Тогда же были убиты Аполавст и другие придворные вольноотпущенники. Клеандр, между прочим, вступил в связь с наложницами Коммода и имел от них детей, которые после его гибели были убиты вместе со своими матерями. На место Клеандра были поставлены Юлиан и Регилл, но их впоследствии Коммод подверг каре. Убив их, он умертвил Сервилия и Дулия Силанов с их семьями, а вскоре и Анция Лупа, а также Петрониев - Мамертина и Суру, а равно и сына Мамертина - Антонина, рожденного сестрой Коммода; вслед за ними одновременно - шесть бывших консулов: Аллия Фуска, Целия Феликса, Лукция Торквата, Ларция Еврупиана, Валерия Бассиана, Пактумея Магна с их близкими; в Азии - проконсула Сульпиция Красса, Юлия Прокула с их близкими, консуляра Клавдия Лукиана; в Ахайе - двоюродную сестру своего отца Фаустину Аннию и бесчисленное множество других; он наметил к казни еще четырнадцать человек, так как римскому государству было не по силам выдерживать его расходы (имущество казненных Коммод конфисковывал. - *А.В.*)...

Кроме того, он был настолько безумным, что пожелал назвать город Рим «Коммодовой колонией»: говорят, это неистовое желание было внушено ему льстивыми речами Марции (его наложницы. - *А.В.*). Желал он также править в цирке четверками коней. Он появлялся перед публикой одетый в далматик¹ и в таком виде давал знак выпускать запряженные четверками колесницы. В то время как Коммод доложил сенату о необходимости назвать Рим Коммодовым, сенат не только охотно принял это - надо полагать в насмешку, - но даже и себя назвал Коммодовым, называя при этом Коммода Геркулесом и богом.

...Кроме того, он готовился погубить еще многих. Это обнаружилось благодаря какому-то малышу, выбросившему из его спальни табличку, на которой были указаны имена намеченных к убийству... Будучи кровожадным, он приказал служителям Беллоны наносить [им] себе в руку настоящие раны. Жрецов Изида он заставлял бить себя до смерти в грудь сосновыми шишками. Когда он носил изображение Анубиса, то больно ударял по бритым головам жрецов Изида [собачьей] мордой идола. Одетый в женскую одежду или в шкуру льва, он своей палицей поражал не только львов, но и многих людей. Тех, кто имел слабые ноги и не мог хо-

---

[1] ¹ *Далматик* – просторная длинная туника из белого далматского шелка. Ношение одежды из шелка считалось римлянами признаком изнеженности. При Тиберии «было принято постановление, воспрещавшее... унижать мужское достоинство шелковыми одеждами» (Тацит. *Анналы*. 2.33.1).

Время Ириней Лионского

дить, он наряжал гигантами, а ниже колен превращал при помощи тряпок и полотен в драконов; затем он убивал их стрелами. Священнодействуя в честь Митры, он запятнал себя настоящим человекоубийством, тогда как обычно там только говорится или изображается что-либо способное вызвать страх.

Еще мальчиком Коммод был прожорлив и бесстыден. Юношей он поносил всех, кто окружал его, и все поносили его. Тех, кто над ним смеялся, он приказывал бросать диким зверям. Даже человека, прочитавшего книгу Транквила (Светония), в которой содержится жизнеописание [бесчестного] Калигулы, он приказал бросить диким зверям, так как сам он родился в один день с Калигулой. Если кто-нибудь выражал желание умереть, он приказывал ускорить его смерть, хотя бы тот уже не желал смерти. Шутки у него тоже были опасные: заметив на голове у одного человека среди черных волос белые, производившие впечатление червяков, Коммод посадил ему на голову скворца, и тот, вообразив, что ловит червей, ударами своего клюва превратил голову этого человека в сплошную рану. Одному толстяку он распорол живот, так что у того сразу вывалились внутренности. Он называл одноногими и одноглазыми тех, у кого он выкалывал один глаз или ломал одну ногу. Многих он погубил без разбора: одних за то, что они повстречались ему, одетые в платье варваров, других – за то, что они были видными и красивыми. У него были любимцы, именами которых служили названия срамных частей мужского и женского тела: им он поставил на стол на серебряном подносе двух совсем согнувшихся горбунов, покрытых горчицей, и тотчас же дал им видные должности и большое богатство. Префекта претория Юлиана, одетого в тогу, Коммод в присутствии всех его подчиненных столкнул в пруд. Ему он приказал и плясать голым с измазанным лицом перед своими наложницами и бить в кимвалы...

Следуя его указанию, льстецы называли в его честь месяц август – коммодом, сентябрь – геркулесом, октябрь – непобедимым, ноябрь – преодолевающим, декабрь – амазонским. Амазонским он был назван по причине своей любви к наложнице Марции, портретом которой в виде амазонки он любовался; ради нее он сам пожелал выйти на римскую арену в виде амазонки.

Он был принят жрецом во все жреческие коллегии...

Бесстыдство его было столь велико, что, сидя в женской одежде в амфитеатре или театре, он на виду у всех то и дело пил...

Сам Коммод ленился писать заключения и был так небрежен, что на многих прошениях писал одно и то же заключение. В очень многих случаях он писал в письмах только «будь здоров». Все де-

лалось другими, которые, как говорят, обращали в свою пользу даже деньги, взимавшиеся в виде штрафа.

Вследствие такой его небрежности те, кто вел тогда государственные дела, опустошали продовольственные запасы, и в Риме возникла огромная нужда в продуктах, хотя неурожая и не было. Тех, которые все расхищали, Коммод впоследствии казнил, а имущество их конфисковал. Придумав название «золотой век Коммода», он распорядился снизить цены, чем вызвал затем еще большую нужду. Во время его правления многие покупали за деньги кару для других и спасение для себя. Он продавал даже изменение вида наказания, погребение казненных и смягчение наказаний и за деньги убивал одних вместо других. Продавал он также провинции и административные должности, причем те, через кого он производил продажу, получали свою часть, а Коммод – свою. Некоторым он продавал даже жизнь их врагов. При нем вольноотпущенники продавали даже приговоры по тяжбам. Префектов Патерна и Перенния он терпел недолго; из тех префектов, которых он сам назначил, никто не продержался в течение трех лет – большинство из них он погубил ядом, либо мечом. С той же легкостью он менял и городских префектов.

Своих спальников он убивал, не задумываясь, хотя во всем всегда поступал по их внушению. Спальник Эклект, видя, с каким легким сердцем он убивает своих спальников, предупредил его и сам принял участие в интриге, имевшей целью убить Коммода. Выступая как секутор (19), Коммод брал гладиаторское оружие и набрасывал на свои обнаженные плечи небольшой пурпурный лоскут. Он обыкновенно приказывал заносить в городские ведомости² сообщения обо всех своих позорных, бесчестных и жестоких поступках, о тех случаях, когда он поступал как гладиатор или как сводник, – об этом свидетельствуют сочинения Мариа Максима. Коммодовым он назвал даже римский народ, на глазах которого он очень часто бился как гладиатор. Несмотря на то, что при его выступлениях в боях народ часто встречал его с благоговением как бога, он, думая, что над ним насмеются, дал в амфитеатре приказ морским воинам, натягивавшим тент, избивать римский народ. Еще раньше он приказал сжечь Рим – именно как свою

---

[2] *Городские ведомости* - официальная «газета», основанная в 59 г. до н.э. Юлием Цезарем (см. Светоний. Юл. 20.1); в ней публиковались правительственные постановления, выписки из сенатских протоколов и пр. Газета издавалась на отбеленной гипсом доске.

колонию; и это было бы сделано, если бы префект претория Лет не отговорил Коммода...

Под влиянием всего этого, хотя и слишком поздно, префект Квинт Эмилий Лет и наложница Коммода Марция составили заговор с целью убить Коммода. Сначала они дали ему яду, но яд не подействовал. Тогда, по их приказанию, его задушил атлет, с которым Коммод обычно упражнялся в борьбе. Коммод отличался хорошим телосложением. Выражение его лица было бессмысленное, какое обычно бывает у пьяниц, речь – бессвязная; волосы были всегда покрашены и сверкали золотыми блестками. Волосы на голове и бороду он подпаливал, боясь цирюльника. Сенат и народ потребовали, чтобы труп его волокли крюком и бросили в Тибр, но позже, по приказанию Пертинакса, он был перенесен в усыпальницу Адриана. Кроме бани, которую построил от его имени Клеандр, никаких других его построек не существует. Имя его, вырезанное на чужих сооружениях, сенат приказал выскоблить. Даже построек, начатых его отцом, он не закончил...»¹

Когда Коммод был убит, то сенаторы стали требовать от Пертинакса, назначенного императором, расправы со всем окружением Коммода, включая его наложницу Марцию. Юлий Капитолин пишет: «...Когда Пертинакс выразил признательность Лету, консул Фалькон сказал: "Каким ты будешь императором – мы заключаем из того, что позади тебя мы видим Лета и Марцию, слуг Коммода в его преступлениях". На это Пертинакс ответил ему: "Ты молод, консул, и не понимаешь необходимости склоняться перед обстоятельствами. Они повиновались Коммоду против воли, а как только представилась возможность, они показали, каковы были их постоянные желания (т.е. убили тирана. – А.В.)"» (Пертинакс, V.2-3)².

Удивительное дело, но оценка церковных историков разительно отличается от всего вышесказанного. «С возвращением Коммода, – пишет Евсевий, – пришло для нас время тихое, относиться к нам стали мягче, и Церковь, по милости Божией, жила в мире по всей вселенной. Спасительное учение начало приводить всякое звание к благочестивому служению Богу, Творцу всего; в Риме

---

[1] Лампридий Элий. Коммод Антонин // В сб.: Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Перев. С.Н.Кондратьева. СПб., 2001. С.62-72.

[2] Капитолин Юлий. Гельвий Пертинакс // В сб.: Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Перев. С.Н.Кондратьева. СПб., 2001. С.74-75.

многие, известные богатством и родовитостью, вместе со всем домом и всей родней шли по пути спасения (т.е. становились христианами. – А.В.)» (ЦИ.V.21).

Может быть, для Римской церкви хаос в стране шел на пользу, но страна явно погибала. Коммод, сменив умершего отца, возродил порядки Нерона. В Империю вернулись времена массовых репрессий. Ведение государственных дел он, как отмечалось выше, передал фаворитам. Впоследствии Пертинакс, избранный по смерти Коммода императором, вынужден был заниматься реабилитацией лиц, незаконно репрессированных его предшественником (Кассий Д. История Рима. LXXVIII, 5), объявить вне закона поощрявшихся прежней властью доносчиков (Herodian, II.4.8), начать борьбу с коррупцией в судебной сфере (SHA.VIII.6.8). Пришлось упорядочивать финансы государства (SHA.VIII.9), а также выплачивать по долгам Коммода (SHA.VIII.9.2). Все это свидетельствовало о крайней развращенности прежней власти. Преторианцы (громадное войско императорской охраны, некий прообраз «службы безопасности») при Коммодe фактически превратились в полицейское управление, организующее травлю и смещение негодных политиков, конфискацию их имущества и пр. Их вмешательство во внутривластную жизнь было огромным (SHA.VIII.9.1). Пертинакс, придя к власти, вынужден был возвращать имения, конфискованные Коммодом (SHA.VIII.4.6). Убив Пертинакса, преторианцы дошли до того, что выставили на продажу звание императора: кто им больше заплатит. После скорой гибели купившего это звание Дидия Юлиана преторианцы развязали гражданскую войну.

Принимала ли косвенное участие Римская церковь в описанных злоупотреблениях? В том числе в подкупе продажных властей и сведении счетов со своими противниками? Болотов, например, писал: «Эта Марция благоприятно влияла на императора для судьбы христиан. Она из полудикого императора делала все, что хотела, и потому при ней совершилось редкое явление: христиане, сосланные за веру в рудники, получили освобождение. От римского епископа Виктора (189 – 198) потребован был список этих христианских исповедников, и все значившиеся в нем были возвращены из места ссылки»¹. Ограничилось ли потворство христианам или даже влияние христиан на императора этой единственной поблажкой?

---

[1] Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.107.

В другом месте Болотов сообщает, что освобождение христиан с каторжных работ являлось не просто спасением всех единоверцев, но было, между прочим, избирательным. Подобное «право помилования», на самом деле неведомо какую цену оказавшееся у Виктора, могло стать мощнейшим инструментом римского папы по проведению на территории всей Империи (среди христианских церквей) политики римского епископата.

Болотов рассказывает о Каллисте (будущем римском папе), имя которого папа Виктор первоначально решил в список на освобождение не вносить, ибо тот попал в «историю»: повздорил с евреями из-за денег и учинил разбирательство прямо в синагоге. Болотов сообщает:

«Раб по происхождению, он (Каллист) от имени своего господина, христианина Карпофора, вел банкирские операции, обанкротился, хотел спастись бегством, настигнут был Карпофором в ту минуту, когда садился на корабль, бросился в воду, был вытасчен и отправлен своим господином работать на ручных мельницах. Христианские друзья упростили Карпофора освободить Каллиста и дать ему возможность оправдаться. Но, сознавая невозможность оправдаться, Каллист задумал покончить с собою мученической смертью. В одну субботу он явился в иудейскую синагогу, произвел здесь беспорядок и за этот беспорядок отдан был под суд (Ланген делает остроумную догадку, не затем ли в действительности Каллист пришел в синагогу, чтобы поймать нескольких евреев, может быть, состоявших в долгу у него). Praefectus Urbis Фускиан (189 – 192) отправил Каллиста в сардинские рудники. Но вскоре затем известная Марция (наложница Коммода. – А.В.) выхлопотала освобождение сардинским исповедникам за имя Христово. Епископ Виктор отделил дело Каллиста от дела исповедников и, не желая освобождения Каллиста, пропустил его имя в поданном списке, но пресвитер Иакинф, приводивший в исполнение указ Коммода, освободил почему-то и Каллиста. Выждав смерть своего господина, Каллист явился в Рим, вошел в доверие Зеферина (сменившего умершего папу Виктора. – А.В.) и сделался самым влиятельным римским пресвитером. Известно, что ему Зеферин (198 – 217) поручил устройство обширного христианского кладбища (тоже, вероятно, доходное предприятие. – А.В.)...»¹. Короче, Каллист стал в конце концов главою Римской церкви (217 – 222) и по всем позициям христианского порядка пошел на компромиссы

---

[1] Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.400-401.

и снисхождения в дисциплине. Последнее повлекло церковную смуту и появление первого антипапы – Ипполита (знаменитого христианского писателя, епископа римского, ум. ок. 235 г.).

Влияние и авторитет Римской церкви в христианском мире должны были вырасти также и в связи со значительными денежными возможностями этой епархии (факт на фоне финансового расстройтва и долгов Коммода довольно примечательный). Историки сообщают о том, что в это время Римская церковь оказывала финансовую помощь всему христианскому миру. Богатство церкви было столь значительно, что церковь смогла, если верить Тертуллиану, вернуть Маркиону ранее внесенные им 200 тыс. сестерциев¹. Выше мы видели, что христианином был даже банкир, что также примечательно, ибо банкиры издревна славилась наибольшей осторожностью, а также корпоративной солидарностью – значит, быть христианином было уже не столь опасно. Это позволяет предположить отнюдь не единичный случай присутствия финансиста в церкви. А если допустить некое влияние христиан на императора или, еще вернее, на продажную власть, постоянно нуждающуюся в деньгах, то из названного факта банкира-христианина и богатства Римской церкви можно сделать очень даже смелые и далеко идущие выводы. Кроме того, денежное могущество Римской церкви могло прирастать за счет значительных сенаторских пожертвований, ибо, как выясняется, в это время христианами являлись «несколько высокопоставленных лиц сенаторского звания»². Христианские катакомбы, обнаруженные в Риме, оказались одними из богатейших по отделке, что заставило историков пересмотреть традиционные взгляды на христианство этого времени как на сообщество исключительно «отверженных и рабов». В свою очередь, пребывание в числе христиан сенаторов и, надо думать, иных высокопоставленных персон позволяло Римской церкви определенным образом проводить в провинциях нужную ей политику. Все это с неизбежностью вело к концентрации общецерковной власти, способствовало занятию Римской церковью доминирующего положения среди прочих церквей.

История церкви, прежде всего Западной, свидетельствует о том, что, когда в одних руках концентрировались финансы и власть, – это в конечном счете неизбежно приводило к злоупотреблениям и преступлениям. Так или иначе, но деньги и власть

---

[1] Тертуллиан. Против еретиков, 30.

[2] Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.111.

становились магнитом, к которому притягивалось все самое худшее. Столица огромной Империи, этого некогда могучего, но теперь разлагающегося организма, должна была стать самым притягательным местом для различного рода аферистов и интриганов, влекомых со всей Империи легкостью наживы. Иоганн Готфрид Гердер (1791 г.) писал о длительной деградации населения Рима: "...Со всех сторон и со всех концов стало собираться в Рим всякое зло. Уже и раньше все устремлялись в этот город, и настолько невозможно было блюсти здесь чистоту цензорских списков, что однажды появился даже консул, который не был римским гражданином; а что же теперь, когда этот город, «голова мира», стал скопищем собравшихся со всей Италии людей – самой чудовищной головой на свете! Сразу же после смерти Суллы эти владыки земли (жители Рима. – А.В.) насчитывали четыреста пятьдесят тысяч человек; когда к ним прибавились союзники, число это весьма возросло, и во времена Цезаря не менее трехсот двадцати тысяч человек претендовали на хлеб во время его бесплатных раздач. Представьте себе эту неумную и по большей части праздную толпу во время голосования – она сопровождает патронов, она околачивается вокруг кандидатов на почетные должности, – и вам сразу же станет понятно, что, раздавая подарки, устраивая в Риме игры и торжественные процессии, лъстя толпу??, можно было и поднять тут бунт, и учинить кровавую резню, и основать триумvirаты, от которых «владыка мира» делался своим собственным рабом. Что авторитет сената, этих четырех, пяти или шести сотен людей, в сравнении с бесчисленной толпой, требующей для себя господских прав и целыми полчищами отдающейся в распоряжение того или иного политического деятеля? Какую жалкую роль играл этот «бог сенат», как называли его льстивые греки, а какую великолепную – Марий и Сулла, Помпей и Цезарь, Антоний и Октавий, – не говоря уж о злодеях-императорах (Калигула, Нерон, Домициан. – А.В.)! Сам «отец отечества» – Цицерон – превращается в жалкую фигуру, когда обрушивается на него какой-нибудь Клодий, и самые лучшие советы, какие может подать Цицерон, – ничто в сравнении не то что с реальными действиями Помпея, Цезаря или Антония, но даже с тем, чего едва не добился какой-нибудь Катилина. Вся эта диспропорция – не от азиатских пряностей и не от изнеженности Лукулла, она идет от самого строя Рима: будучи городом, он пожелал встать во главе всего мира... Я не в силах описать весь тот беспорядок и всю ту мерзость, причиной которых стали вольноотпущенники и любимчики-рабы. Римская история, римские сатиры полны рассказов об этом; ни один варварский народ на земле не знает ничего подобного. Рим покарал Рим, угнетате-

ли целого света стали смиренными слугами гнуснейших своих рабов: Тот самый Рим и та самая Италия, что наполовину обратили в пустыню населенные и цветущие земли – Сицилию, Грецию, Испанию, Азию, Африку и Египет, – навлекли на себя самую естественную и самую неестественную гибель, навлекли её на себя всеми своими законами, войнами, но еще более испорченным и праздным образом жизни, пороками и развратом, презрением к женщине, жестоким обращением с рабами, а позднее и тираническим преследованием самых благородных людей" ¹.

Вряд ли кто согласится, что Римская церковь самим Провидением была защищена от засилья проходимцев и нравов «черни». Это объяснение не годится, потому что возникает вопрос, почему же в таком случае Провидение не защитило христиан от так называемых «имперских гонений» или не предотвратило позорные дела, скажем, римских пап в последующие, уже более известные науке времена. Ведь и Тертуллиан писал:

"Что касается ваших (язычников) утверждений, что христиане – люди самые низкие и подлые вследствие их жадности, склонности к роскоши и бесчестности, то мы не будем отрицать, что среди нас есть и такие (мол, где их нет. – А.В.)" (К язычникам, I.5).

Раннехристианские общины, подобные ессеям или кумранитам, основанные на братстве и общности имущества, к концу II в. сменились многослойным христианским обществом, включавшим, как видим, христиан-банкиров, сенаторов, жен и наложниц высших государственных сановников и пр. Дилемма «можно ли и насколько христианину находиться среди суеты мирской жизни», стоявшая со всей остротой на заре христианства, давно была разрешена. При новом составе последователей, да еще при незаконности и продажности властей, глава столичной церкви должен был обладать недюжинным дипломатическим талантом и быть не столько духовным наставником, окормляющим паству, сколько крупным политическим игроком. Разговоры о гонениях на христиан, в приложении к изменившимся условиям, становятся по меньшей мере несерьезными, ибо личность главы церкви государственным властям должна была быть хорошо известна, причем такую фигуру не так-то просто можно было «взять», как писал Евсевий о христианах-мучениках, и начать «поджаривать на металлической решетке» или «бросить в клетку к львам».

---

[1] Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С.411-413.

В отношении к миру (мирскому) на Востоке и на Западе христианская церковь уже в те времена проявила совершенно различные подходы. Тогда как в Восточной церкви при императоре Константине христиане попытались обрести симфонию сочетания интересов государства и церкви, Рим устремился по пути превращения самого государства в церковь. Эта подмена наиболее ярко дала себя знать в средние века, прежде всего в эпоху немыслимых крестовых походов и костров инквизиции, но корни этого устремления – подчинить своему влиянию всё и вся – можно обнаружить уже во II веке. А. Гарнак ставил в заслугу Церкви то, что, несмотря на, казалось бы, такую легкость вступления в соглашение с культом императора, Церковь «не поддалась ни на шаг; она покончила с императорским идолом»¹. Но правильнее было бы, как нам кажется, различать при решении этого вопроса позицию Востока и Запада. Восточная церковь, несмотря на более развитую здесь тягу к аскетизму и устремлению к небу, вместе с тем всегда принимала всё многообразие и всё богатство окружающего бытия и тем самым шла своим духовным сотрудничеством на встречу с миром (мирским). Это было благожелательное отношение духовного наставника (отца, брата) – к мирскому труженику. Яростные проклятия таких западных апологетов, как Тертуллиан, раздававшиеся в адрес всего нехристианского мира, конечно, звучали и на Востоке, но это были крики маргиналов, в целом чуждые духу восточного православия. Не случайно, и не только по политическим соображениям, столицей христианской Империи стал не западный Рим, а восточная Византия². Римская церковь также обращалась к миру, но не для сотрудничества и наставничества, а для его порабощения и властвования над ним. В этом смысле теократические замашки

---

[1] Гарнак А. Сущность христианства // Сб.: Раннее христианство. В двух томах. Т.1. М., 2001. С.117-118.

[2] *Византия* (греч. Византий, ныне Стамбул) – древний греческий город, основанный ок. 660 г. до н.э. В I в. до н.э. город вошел в состав Римской империи как значительный центр торговли и ремесел. В 330 г. н.э. был Константином I перестроен, переименован в Константинополь (город Константина) и провозглашен столицей Империи, продолжавшей себя именовать «Римской» (город иногда называли «Новым Римом»). Был завоеван турками в 1453 г. Положение Константинополя как центра Восточного Христианского мира особенно упрочилось и стало неоспоримым после исчезновения древних христианских центров в Египте, Палестине и Сирии. Миссионеры Константинополя на просторах Восточной Европы, на Кавказе обращали в христианство население огромных территорий. По сути дела, «Новый Рим» стал колыбелью цивилизации Среднего Востока и Восточной Европы, подобно тому, как «ветхий Рим» был таковой для латинского Запада.

Римской церкви не отличались от аналогичных притязаний поствавилонских левитов. Различным оказался лишь масштаб. Поэтому со всей определенностью можно утверждать, что не Церковь вообще, а, прежде всего, *Римская церковь* «покончила с императорским культом», причем не ради духовной свободы, а для того, чтобы построить другую империю и возвести другой культ – *культ Церкви*. «Вооружение церкви броней, латами и мечом сделалось, таким образом, догматом католической веры» (протопр. С.Н.Булгаков)¹. Само церковное учреждение, бывшее ранее лишь *организационным*, можно сказать, *техническим подспорьем* для оформления братской общины, теперь стало самодовлеющей *религиозной величиной*. «В это учреждение, – выражая суть возникшего феномена, писал А.Гарнак, – дух Христа (будто бы. – А.В.) вложил всё, что нужно отдельному человеку;... Св. Дух действует (будто бы. – А.В.) исключительно в нем (в этом учреждении), и дары благодати поэтому могут быть добыты лишь здесь... Это учреждение со всеми своими постановлениями и формами тождественно с "Христовой невестой", с "истинным Иерусалимом" и т.п., и поэтому оно само провозглашено неприкосновенным творением Бога и неизменяемым обиталищем Святого Духа. Соответственно этому оно выдавало все свои распоряжения за одинаково священные»².

Но прежде, чем стать таковым *учреждением-империей*, церковь должна была из множества общин образовать «единое тело» с единым духом. Самоощущение родства этих общин необходимо было организационно и нормативно сочетать. Сами образец устройства Римской империи и кодификация Римского права оказывались для этой цели весьма пригодны. Идеологическое единство громадной системы, этот претендент-суррогат на замещение *общинной души*, могли обеспечить только единая догматика, единое Писание и суровое наказание всех отклоняющихся. Требовалось отмежеваться от инакомыслящих и от текстов, противоречащих центральной догме. Теперь представлялось необходимым создать учение о *Единой Душе Церкви*, обожествив и возвеличив до Святости саму – церковную организацию. Для выполнения этой вообще-то нехитрой задачи Иринея Лионский сформулировал основные догматы церковно-христианской веры, заложил основы учения о Церкви, согласовал всё это с текстами новозаветного и

---

[1] Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997. С.100.

[2] Гарнак А. Сущность христианства // Сб.: Раннее христианство. В двух томах. Т.1. М., 2001. С.127.

ветхозаветного Писания (в соответствующей редакции) и четко очертил круг, за которым начиналась ересь. В дальнейшем отцы церкви освятили эту новоявленную религиозную доктрину ореолом *мученического вероисповедания* древних христиан, будто бы искупленную кровью праведников. О том, что древние христиане шли на смерть вовсе не за вымыслы Римской церкви, поздние доктринеры предпочли забыть.

В Иринеевой универсальной системе было многое и всякое, но исчезло главное – Учение Христа о Богообщении и о сути Спасения. Как услышать голос Бога и что есть Спасение? Иринеевы последователи, должно быть, вообще не знали, *как человеку соединять* свой дух с живым Христом, поэтому они могли лишь учить, как слушаться их церковь, которая будто бы обладает истинным знанием. Новая церковь подменила религиозное *ощущение живого Бога* – *верой во всемогущество церкви, заменила веру во внутреннего Христа – верой во внешние догматы*. Гарнак писал о содержании этой новой веры, в общем-то не имеющей отношения ни к Учению ап. Павла, ни тем более к Учению Иисуса Христа:

«...Возникла вера не без внутреннего единства и силы, но с неограниченным объемом, *вера*, которая должна была сделаться верою Церкви, образованных и необразованных, вера, составленная из самых различных – философско-апологетических, библейских, христософических, гностически-антигностических и чувственно-фантастических – элементов...; сознание, что рациональная теология и слепая вера суть различные величины, (в этой системе. – *А.В.*) отсутствует; всё стоит на *одной плоскости*; на спекуляцию (размышления. – *А.В.*) смотрят с подозрением и всё же не отказываются от неё совсем»¹.

Перед нами традиционный синкретизм, свойственный римской культуре вообще, когда со всего света берется всё, что кажется выгодным или уместным, но при этом утрачивается живость и непосредственность, теряется сам *дух*. Но самым страшным в этом удивительном явлении – психологии Рима – является желание обладать всем миром и навязать всему миру свое представление о бытии. В этой самоуверенности даже нет желания обрести Истину – самоценным сам по себе становится порядок, имперское единообразие.

«...Никто не пишет, – утверждает И.Г.Гердер, – никто не поступает так откровенно, так грубо, так решительно и жестоко, как

---

[1] Гарнак А. История догматов // Сб.: Раннее христианство. В двух томах. Т.2. М., 2001. С.194.

он (римский папа), если только есть в этом необходимость. Папы никогда ничего не обсуждают – они указывают и повелевают, и всякий раз прокладывает путь хитроумная дерзость, – когда они умоляют и упрасивают, когда требуют, грозят, упорствуют, карают... Этот священный деспотизм, украшенный достоинством отца, совершил на свете больше дел, чем пустая учтивость ничтожных дворцовых интриг... Папа знал, чего хочет, знал, каким языком требовать послушания»¹.

«Желание (католической церкви. – А.В.) распространить и устроить царствие Божие политическими средствами, – пишет А.Гарнак, – только по тяжкому недоразумению может быть основано на указаниях Христа и апостолов. Это царствие рассчитывает лишь на религиозные и нравственные силы и основывается на почве свободы. А церкви, выступающей мирским государством, приходится пользоваться всеми средствами такового – и хитроумной дипломатией, и насилием; всякое земное государство, даже основанное на праве, бывает вынуждено обстоятельствами поступать несправедливо... Непогрешимость (папы) равняется тому, что у правителей мира называется полным самодержавием... Совершенно ясно, что этот второй фактор на Западе ("непогрешимость папы", принятый спустя многие годы. – А.В.) основательно должен был изменить характерные черты католицизма – традиционализм, правоверие, ритуализм и монашество... "Я сам предание", – сказал будто бы Пий IX... Учение во многих отношениях стало произвольным...»². Далее Гарнак продолжает:

«Римский католицизм, взятый как внешняя церковь, как учреждение права и силы, ничего общего с Евангелием не имеет и даже противоречит ему по существу... Смешение божественного начала с мирским, самых задушевных чувств с политикой причиняет глубокий вред, потому что оно насилует совесть и лишает религию её настоящего значения...»³.
Последнее сказано в отношении позднего католицизма⁴. Но во времена Иринея Лионского и

---

[1] Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С.550-551.

[2] Гарнак А. Сущность христианства // Сб.: Раннее христианство. В двух томах. Т.1. М., 2001. С.150-151.

[3] Гарнак А. Там же. С.155.

[4] Католический (греч. *katholikos*) – «всеобщий». С точки зрения Восточной церкви существует *Единая Вселенская Апостольская Церковь*, от которой Римско-католическая церковь отделилась в 1054 г. и «присвоит себе титул католическая (т.е. вселенская. – А.В.) *несправедливо*» (Статья «Православно-католический» // Дьяченко прот. Г. Полный Церковно-славянский словарь. М., 1993, с.474. Репринтное изд. 1900 г.).

папы Виктора все названные признаки в Римской церкви уже полностью оформились.

Характер римского епископата оказался удивительным образом сходен с характером ап. Петра, каким он показан в Евангелии. Настырность и навязчивость Петра в его притязаниях на доминирование вопреки гармонии товарищества были столь велики, что Христос даже назвал его однажды *Сатаной* – именем, которым не был назван даже предатель Иуда. Апологеты Римской церкви для доказательства мученической смерти ап. Петра именно в Риме использовали аргумент, будто никакой иной город в христианском мире (прежде всего, в Малой Азии) не заявил претензий на обладание прахом этого апостола. Но это может иметь и другое объяснение: возможно, только Римская церковь ради получения права на первенство не смутилась в основание своей претензии заложить имя трижды отрекшегося от Христа ученика. Исторически же эту не востребованность имени Петра можно объяснить следующим образом: споры за «апостольское тело» среди ритуалистических церквей были нередки, и обо всех их перипетиях известно мало – может быть, кто-то и возражал Риму, но поскольку Петр умер, как будет показано далее, в Вавилоне, то ни одна из известных церквей III – IV вв. Малой Азии и не предъявила прав на место его упокоения. Претензии же Рима на прах другого апостола – Павла еще более лишены какой-либо исторической подосновы. Если же принять во внимание наши выводы о смерти апостолов задолго до Нерона, то притязания Рима на мученическую смерть Петра и Павла в Риме, при Нероне, покажутся совсем проблематичными. Но какова бы ни была подлинная жизнь апостолов, к чисто римскому имперскому завоевательному духу, усвоенному Римской церковью, все это мало относится. В этом смысле совершенно неважно, когда и в какой точке земного шара покинули свои бренные тела апостолы. Завоевательный и безжалостный дух западной цивилизации, представленный в античной мифологии богом войны – *Аресом* (Марсом), сложился не при апостолах, а задолго до христианства и характерно проявлял себя в человеческой истории вплоть до настоящего времени. В этой связи образ Петра, показанный в Евангелии: именованный «Сатаной», выхватывающий в момент ареста Иисуса меч и тем самым покушающийся на исполнение миссии Христа, трижды отрекающийся от Христа, равно как и негативная роль римлян в Распятии Христа – всё это *аллегория*, отмечающая тягостную роль, какую уготовано было исполнить Римской церкви. При распятии Иисуса Христа

в 70 г. до н.э.¹ никаких римских войск в Иудее не было, то есть физически римляне Иисуса Христа не распинали. Возможно, и все перечисленные действия Петра – аналогичная аллегория, никогда не имевшая исторического воплощения. *Духовное* же «распятие» Христа состоялось много позже и именно при ведущей роли Римской церкви. Отсюда и в применении к Петру имя *Сатана* – то есть противник воли Христа, *илетух*, трижды предвещающий восход Солнца-Христа, от которого отрекается вчерашний последователь-Петр, и *меч* Петра – атрибут римского гражданина, и отсечение этим мечом *правого уха* – символическое избрание Левого Пути, и хищническое деление *римскими воинами* одежд распятого Христа у ног еще пребывающего на кресте Спасителя (Ин 19.23). Всё это – аллегория, но весьма и весьма прозрачная. Если она была написана до II века, то она пророчески предугадала будущее; если во II веке, то она иносказательно отобразила то положение дел в христианстве, которое уже сложилось из-за отступничества церкви, руководимой римским епископатом. Предательство идеалов Христа стало глубоко укоренившейся традицией римского епископата в течение последующих двух тысячелетий. Поэтому совсем не удивляют такие вопиюще антихристианские явления в ней, как папизм, индульгенции, инквизиция, деятельность ордена иезуитов и многое другое.

Считается, что император Септимий Север², сменивший Коммода, начал некие гонения на христиан, как лаконично замечает

---

[1] См. об этом наше исследование «Кумран и Христос».

[2] Сообщается, что Септимий Север (193-211), через какое-то время после смерти Коммода выдвинутый армией в императоры, быстро восстановил порядок. Отметим, что его второю женою была Юлия Домна, та самая, которая была связана с гностическими кругами и в руках которой оказались документы о жизни Аполлония Тианского и по заданию которой на основании предоставленных ею документов Филострат составил «Жизнеописание Аполлония Тианского». Поздние церковные историки почему-то именно на срок правления Севера относят предполагаемое (но не доказанное) мученичество Иринея Лионского (ок.200-202 г.), хотя, как пишет Болотов, «относительно положения христиан в первые десять лет его царствования ничего определенного неизвестно. Тертуллиан уверяет, что Септимий Север был благосклонен к христианам...» (Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3, с.111). Александр Север, правивший с 222 по 235 г., под влиянием Юлии Домны (приходившейся ему троюродной бабкой) проникся уважением к *Аполлонию Тианскому* и *Орфею*, установив их изображения в помещении для ларов, где он утром совершал священнодействия (Лампридий. Александр Север ХХIX.2; здесь же сообщается об изображениях Христа и Авраама, что считается поздней христианской вставкой). «Его (Александра Севера) влиятельная мать, дававшая чувствовать свой авторитет над сыном везде и всюду, даже более, чем было бы желательно для Империи, может считаться решительною покровительницею христианства. Во время своего пребывания в Антиохии, вероятно в 226 г., она слушала христианские беседы Оригена... Император был решительным покровителем христиан...» (Болотов. Там же, с.117-118). В этом смысле так называемые «гонения» на христиан Септимия Севера (аналогично испытывавшего значительное влияние Юлии Домны) если даже и имели место, то, вероятно, носили несколько иной характер, чем это предполагает церковная литература. Скорее всего, это были местные дела, вызванные традиционными антихристианскими наветами «черни» (см. далее).

Болотов, из-за «чужой истории». Ко всему прочему здесь же Болотов пишет, что «...со временем Коммода христианство начинает быстро распространяться в аристократических кругах Рима, и в Римской церкви оказываются молодые христианки сенаторского происхождения»¹. Могло оказаться, что при Коммодe и всесильных его фаворитах проникновение христиан в дела государства стало столь значительным, что сделало при Септимии Севере неизбежными конфликты и трения. При монархических устремлениях римских епископов это более чем вероятно. О неожиданной и «необъяснимой» реакции императора Болотов пишет: «Но 10-й год его правления отмечен поворотом в его политике в отношении к христианам. В этот год Септимий Север издал закон, не сохранившийся до нас, о котором известно только то, что он под страхом тяжкого наказания воспрещал принимать как иудейскую, так и христианскую религию»². Таким образом, христиане здесь могли быть замешаны в чужой истории»³. Не исключено, что действия Севера были направлены против иудеев, а косвенно это затронуло и христиан, среди которых могло быть достаточно евреев. Стычки между христианами и иудаистами могли в провинциях приводить к опасным волнениям. Иудеи же в последние сто пятьдесят лет для Империи были постоянным источником беспорядков и волнений. Возможно, что упоминаемые Евсевием «наветы черни» могли быть и провокациями иудаистов.

Причины таковых наветов могли быть весьма разные. Например, в миссионерской борьбе за влияние на сильных мира сего

---

[1] Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.402.

[2] «Под страхом тяжелого наказания он (Септимий Север) запретил обращение в иудейство. Такие же запреты он установил и для христиан» (История Августов. Септимий Север. 17.1. Цит. по: Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Комментарии М.Штерна. Т.2, часть вторая. М.-Иерусалим, 2002/5762, с.280). – А.В.

[3] Болотов В.В. Там же. С.111.

христианство, вероятно, имело перед иудаизмом заметное преимущество. Апологетические сочинения христиан, адресованные римским императорам, насыщены тезисами о родственности лучших этических и философских положений античности и христианства, о возможности их взаимовыгодного слияния. Стоическая философия, занявшая во II в. среди римской элиты, включая даже императоров, ведущее место, близко соприкасалась с идеалами христианского мироощущения, причем настолько, что в IV в. среди христиан широко распространился миф, будто знаменитый стоик Сенека переписывался с апостолом Павлом. К евреям же (что то же самое, что и к иудаистам), напротив, отношение большинства императоров рассматриваемой нами эпохи было резко негативным. В памяти еще была кровопролитная Иудейская война 60-х годов и разрушение Иерусалима. Траян подавил иудейское восстание 116 года на восточном побережье Средиземного моря, а правительственные войска, как утверждается, в отместку за то, что евреи вырезали население Кипра (240 тыс. человек) и Кирены (220 тыс. человек), сами уничтожили в Александрии всех евреев¹. При Адриане случилось и было разгромлено восстание евреев под предводительством Бар-Кохбы (135 г.), и им было запрещено селиться в Иудее. Антоний Пий ввел закон, запрещавший язычникам совершать еврейское обрезание. Марк Аврелий к евреям, по свидетельству Аммиана Марцелина, относился с брезгливой враждебностью². Со времен Цицерона за израильтянами у римлян закрепилась резко негативная характеристика, постоянно питаемая наглядными примерами, ибо неуживчивые евреи оказались единственным народом, с которым при всем громадном опыте римской дипломатии за несколько веков так и не было достигнуто компромиссного решения о сосуществовании³. При Септимии Севере

---

[1] Моммзен Теодор. История Рима: В 4 томах. Т.4. Ростов н/Д, 1997. С.437. См. также: Кассий Д. История Рима, LXVIII.32.1-3.

[2] «...(Когда Марк Аврелий) проезжал через Палестину, направляясь в Египет, то от досады на зловонных и часто бунтующих иудеев, горестно воскликнул: «О маркоманны, о квады, о сарматы! Наконец я нашел тех, кто беспокойнее вас» (Аммиан Марцелин. История, XXII.5. Цит. по: Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Комментарии М.Штерна. Т.2, часть вторая. М.-Иерусалим, 2002/5762, с.263).

[3] Профессор и одно время министр народного просвещения (Россия) Зенгер в научном докладе «Еврейский вопрос в Риме» (1896 г.) отмечал:

«Если недостатки римского провинциального управления республиканской эпохи были в самом деле вопиющими, то столь же несомненны и грандиозны результаты, достигнутые благодаря существенным улучшениям, которые в эту отрасль администрации были внесены Империей. С учреждением принципата водворяются периоды постепенно усиливающегося в течение 200 лет процветания Галлии и Испании, Греции, Малой Азии и Сирии, Египта и бывшей Карфагенской территории. Запад быстро и прочно латинизируется. Греко-Восточный мир пользуется обильными привилегиями. Всюду господствует мир и порядок; всюду растут благосостояние и довольство римским правительством; всюду последнее свою задачу поняло, стало быть, правильно и выполнило её искусство.

Только в одной стране все усилия Рима ввести целесообразный режим оказались неуспешными, только с одним народом справиться нормальными способами римлянам не удалось. Этой страной была Палестина – этим народом были евреи.

На евреях Рим перепробовал чуть ли не все мыслимые международные и правительственные отношения – от дружественного нейтралитета до грубого милитаризма и, в конце концов, был, однако, приведен к убеждению в необходимости разрушить Иерусалим и выселить жителей с их родины.

Иными словами, вековой опыт и природная политическая мудрость не подсказали римлянам другого решения иудейского вопроса, чем то, к которому некогда вынуждены были прибегнуть Салмонассар и Навуходоносор» («Варшавские Университетские Известия», 1896, &n; 6).

иудеи опять завладели утраченными позициями ¹, но быстро их лишились. Может статься, что Септимий Север, пораженный глубиной проникновения при Коммодe представителей церкви (христиан-евреев?), а при собственном правлении – иудеев в дела государственного управления, мог действительно, окончив гражданскую войну и наведя порядок в стране, наконец издать строжайший указ, направленный одинаково против церкви и синагоги.

Можно задаться вопросом: преобладающим или, напротив, незначительным было присутствие евреев в Римской церкви? Однозначно ответить на этот вопрос достаточно сложно – для этого нет никаких прямых свидетельств. Кассий, например, сообщает о множестве евреев, стекавшихся в столицу уже в нач. I в. н.э.: «А как иудеи в Риме сошлись во множестве и постоянно сманивали местных жить на свой лад, он <т.е. Тиберий (19 г. н.э.)> почти всех их выслал» ². Никакого запрета на новые еврейские заселения не существовало, евреи вновь возвращались на покинутые места, поэтому в пору высшего расцвета Империи, надо полагать, евреев в столице было довольно много. «А иудеев, – пишет о последующих

---

[1] М.Штерн, ссылаясь на первоисточники, пишет, что «евреи в то время были допущены к почетным муниципальным должностям... В правление Септимия Севера началось также обширное строительство, связанное с возведением новых синагог в Галилее» (Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Комментарии М.Штерна. Т.2, часть вторая. М.-Иерусалим, 2002/5762, с.280).

[2] История Рима, LVII.18.5а. Цит. по: Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Комментарии М.Штерна. Т.2, часть вторая. М.-Иерусалим, 2002/5762. С.38.

временах Кассий, – вновь умножившихся числом до того, что трудно было без смуты удалить из города таковую толпу, он <т.е. Клавдий (40-е гг.)> изгонять не стал, но повелел, чтобы они при исполнении отеческих обрядов многолюдных собраний не устраивали»¹. Большие города всегда способствовали ослаблению родо-племенных и религиозных связей, поэтому естественно допустить, что в Римской церкви евреев, порвавших с диаспорой, оказалось более, чем где бы то ни было. Можно предположить, что неприятие в гностических церквях Ветхого Завета, бога иудеев и пресловутой богоизбранности Израиля привело к естественному притоку евреев к другой части церкви – к так называемым *кафолика*м, или *ортодоксам* (то есть к догматической церкви). Этот процесс поляризации внутри христианства по отношению к ветхозаветному наследию должен был стать особенно заметным после разрушения Иерусалимского храма, когда значительное число бедствующих евреев устремилось в Рим. Надо также учитывать, что гностики, из-за их специфической оценки роли израильтян в судьбах мира, в лице перешедших в христианство евреев должны были автоматически обрести смертельных врагов. Христиане-гностики могли после этого рассуждать о любых высоких материях, *эонах* и Софии, но для христиан-евреев они теперь с любыми идеями превращались в апокалипсических «антихристов». Ко всему прочему евреи и в прошлой своей ветхозаветной истории ненавидели греко-египетские мистерии (истоки гнозиса).

Были среди христиан и другие антагонисты иудаизма (иудейства²). Согласно Евангелию, прописной истиной для любого новокрещенного являлось положение, что «евреи распяли Спасителя». Кроме того, число христиан, тяготевших к гностикам, маркионитам и иным резким противникам иудейства и иудаистского Йахве, должно было быть во II в. весьма значительным. При таком положении христиане-евреи естественным образом должны были сконцентрироваться в другой части церкви – у ортодоксов. Между

---

[1] История Рима, LX.6.6. Цит. по: Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Комментарии М.Штерна. Т.2, часть вторая. М.-Иерусалим, 2002/5762. С.39-40.

[2] *Иудейство* – термин, отражающий специфику еврейской культуры, в которой сложно отделить национальный уклад и светскую традицию евреев от соблюдаемых ими религиозных правил и догматики. В то время, когда термин «иудейство» делает упор на светскую часть жизни верующих евреев, термин «иудаизм» акцентирует внимание на догматические основы еврейского вероисповедания. Термин «иудейство» лучше подходит для объяснения внешней деятельности евреев, тогда как «иудаизм» – их внутренней веры. В литературе термины «иудаизм» и «иудейство» часто используются как синонимы.

обоими лагерями христиан разгорелась нешуточная война за идеологическое основание, на котором возникло христианство. Одни утверждали, что таковым был «богоизбранный народ», его Закон и Иегова. Другие утверждали – Новый Завет Христа, противоположный Ветхому Завету, считали Иегову (Йахве) заклятым врагом Света, а иудеев – его заблудшими последователями. Для одних Бог Иисус был рожден «богоизбранным народом» и повелел исполнять до йоты Закон Бога, дарованный этому народу, лишь отменив некоторые устаревшие обряды и повелев поклоняться лично себе. Для других – Христос в самом мрачном и грешном месте планеты зажег свет для спасения человечества от царства тьмы. Вообще же за противостоянием гностиков и церковных ортодоксов, когда яблоком раздора стало отношение тех и других к Ветхому Завету и Иегове, могло скрываться нечто очень глубинное, тенью лежащее на иудеев на протяжении всей их истории и изумляющее своей фатальностью даже скептически настроенных исследователей, отвергающих *карму* или *промысл* Божий. Итог внутрицерковной борьбы за присутствие в христианстве иудаистского наследия известен – победили приверженцы Йахве. Кто был тем злым гением, кто переиграл истинных последователей Христа, умело и повсеместно распространил о них клеветнические, порочащие измышления, украл у них, перекомпоновал и выдал за свои гностические сочинения, протоевангелие от Ионна и т.п., ловко отредактировал письма Павла, изощренно перетолковал Ветхий Завет, найдя чуть ли не на каждой странице пророчество об Иисусе Христе, наконец, настроил христиан против великой эллинской культуры и восточного мистицизма, умолчав о том, что значительная часть церковной обрядности и мистицизма были скопирована с восточных мистерий, – об этом остается только гадать. Конечно, это был длительный процесс, протекавший не одно столетие и включивший в свою орбиту громадное количество известных и неизвестных участников. Можно отметить, что христиане-евреи должны были быть наиболее заинтересованными лицами в положительном для них исходе такого противостояния. Ораторские же способности иудеев, изощренность в интерпретации Закона, умение сплоченно, истово и не гнушаясь средствами отстаивать свои интересы помогли в конечном итоге обеспечить догматическому крылу церкви, таким его ревизионерам, как Ириней Лионский, желательную победу над подлинным христианством. Таким образом, в лице христиан-евреев Римская церковь даже при известной доле церковного антисемитизма могла получить против гностического христианства мощнейшую поддержку. Защищая свою иудаизированную

догму, епископальная церковь тем самым защищала и ветхозаветный Закон и историческое иудейство. Другим значительным преимуществом, какого ортодоксы церкви добивались благодаря иудаизации христианства, была легимитизация христианства как древнего культа. Поскольку власти преследовали прежде всего новоявленные религиозные секты, но вынуждены были разрешать древние культы, то заявление ортодоксов-христиан о том, что они и есть тот самый древний Израиль¹, ставило ортодоксальную церковь в явно более выгодное положение по сравнению с христианами, причастность к Израилю отвергавшими.

Сегодня существуют различные мнения об отношении догматической церкви к ветхозаветной истории иудеев. Представление о древних христианах как о едином монолите – безусловно, плод поздней церковной пропаганды. Христиане были разные, среди них были и сильные антииудейские настроения. Подобные настроения не могли не затрагивать и взгляды на ветхозаветное наследие. А.В.Вдовиченко² отмечает: «Антииудейская полемика, по мере обособления христианства от иудейства, становилась все более теоретически определенной. По тому вниманию, которое христианские авторы уделяли этому вопросу, можно судить о постоянном напряжении в отношениях церкви и синагоги. Около 140 года Аристон из Пеллы написал "Диалог Ясона и Паписка о Христе" – по всей видимости, самую раннюю работу, специально посвященную антииудейской полемике. Иустину Философу принадлежит "Диалог с Трифоном Иудеем". Аполлинарий Иеропольский выступил с сочинением "К иудеям". Также ритор Мильтиад в царствование Марка Аврелия написал две книги, посвященные антииудейской полемике. Между 198 и 206 годами Тертуллиан создает сочинение "Против иудеев"»³.

Однако в епископальной (догматической) церкви, принявшей в качестве духовного истока христианства ветхозаветный иудаизм, вопрос о евреях по возможности не буддировался. Открыто слова против еврейства зазвучали в церкви, кажется, лишь в конце IV в. и только на Востоке: в проповедях Иоанна Златоуста⁴ (386 г.)

---

[1] О полемике между христианами и иудеями о праве называться «Израиль» см. далее.

[2] Православный Свято-Тихоновский богословский институт.

[3] Вдовиченко А.В. Христианская апология // В сб.: Раннехристианские апологеты II – IV веков. Переводы и исследования. М., 2000. С.32.

[4] См.: Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста в двенадцати томах. Т.1, книга вторая (Против иудеев). М., 1991. С.645-759. Иоанн Хризостом (Златоуст), названный так по причине его исключительного риторического таланта, в возрасте двенадцати лет (361 – 362 г.) обучался в Антиохии у Либания, одного из выдающихся языческих учителей того времени. Это время ознаменовалось торжеством греческой учености («язычества») в связи с реформами Юлиана («Отступника»). Историки отмечают любопытное совпадение: Юлиан был известен как горячий почитатель Либания и жил в Антиохии примерно в то же время, что и Иоанн, с июля 362 по март 363 г. Именно в этом городе Юлиан написал свое антихристианское и антииудаистское сочинение «Против галилеян», в котором подверг христиан резкой критике, в том числе за следование худшим традициям иудеев (см., например, Владимиров А. Кумран и Христос. М., 2002, с.451-452). Не исключено, что Юлиан и Иоанн Златоуст свое резко негативное отношение к иудаизму сформировали благодаря одному и тому же источнику – эллинистическим философам Антиохии.

(причем он был отлучен и лишь посмертно восстановлен в церкви). Та же тема звучала и у Григория Нисского (также испытывавшего серьезные трения с церковным начальством). Причина сдерживания резко отрицательного отношения к ветхозаветному народу и их религии со стороны церкви вполне понятна: чрезмерные усилия в этом направлении могли легко закончиться отвержением Ветхого Завета, на котором зиждилась вся церковная пирамида и так называемая «преемственность» от иудейских патриархов, тянущаяся якобы от времен «творения».

Историк и апологет иудаизма Лев Поляков о вполне терпимых взаимоотношениях Римской церкви и иудеев писал:

«В соответствии с одной талмудической традицией мессия должен родиться и вырасти в Риме; по другой, весьма распространенной, Римская империя представляла собой четвертое царство, предсказанное Даниилом, которое "будет пожирать всю землю, попить и сокрушать ее". (Напомним, что и кумраниты за век до новой эры связывали с римлянами наступление апокалипсических времен. – *А.В.*) Во многих других местах Талмуда отражено то воздействие, которое Вечный город оказывал на раввинов древности. В дальнейшем в лоне еврейской общины Рима возникли иные легенды, безыскусные и иногда проникнутые любовью. В одной из них рассказывалась история Элханана-Андрея, еврейского мальчика, похищенного у его родителей, который взошел на трон святого Петра, продолжая оставаться правоверным иудеем. Другая легенда приписывала эту роль заложника самому апостолу Петру, который якобы притворился христианином и проник в самое сердце церкви, чтобы оттуда заботиться о спасении евреев (ср. с «Тольдот Иешу¹». – *А.В.*). Эта роль высших

---

[1] 1 О «Тольдот Иешу», древнееврейском трактате о жизни Иисуса Христа, см. с.167, 225.

архи-маранов ¹, приписываемая папам, отражает за наивностью народной фантазии ту искреннюю надежду, которую гетто питало по отношению к своим сюзеренам – римским епископам, а кроме того, возможно, и тайное взаимопонимание, скрытый намек взаимной признательности между иудаизмом и римскими понтификами ².

Очень мало известно о злоключениях еврейской общины Рима при первых христианских императорах, в эпоху, когда учение отцов церкви проникает в кодексы Феодосия и Юстиниана. В конце VI века папа Григорий Великий, который хотел обратить евреев без применения насильственных мер, постановил, что ничто не должно изыматься из тех прав, которые предоставило евреям христианское законодательство, но и ничто не должно быть к этому добавлено. Эта формула "*Sicut Judeis...*" ("подобно иудею...") стала золотым правилом папства в этой области. Восходя на трон святого Петра, большинство пап эпохи средних веков воспроизводили эту формулу слово в слово, сопровождая ее комментариями, смысл которых сводился к необходимости уважать иудейскую религию и защищать жизнь евреев. Другие буллы о защите евреев издавались в особых обстоятельствах, таких, как эксцессы крестоносцев или обвинения в ритуальных убийствах. В Рим прибывали делегации евреев, чтобы добиться этого покровительства. Разумеется, они привозили с собой дары; но этот важный аргумент отнюдь не имел решающего значения ³.

Правда, еще более распространенными, по мнению Л.Полякова, были папские анафемы, направленные против евреев, но проявилось подобное лишь начиная с IV в., когда христианство сделалось государственной религией ⁴. До этого времени, а значит, и в рассматриваемый нами период (конец II в.) отношения между евреями и христианами были *разными*. Иногда настолько теплыми, что Тертуллиан даже писал, будто иногда «евреи предоставляли преследуемым христианам убежище в своих синагогах» ⁵. Всё это,

---

[1] *Мараны* (исп. *marraños*), в средневековой Испании и Португалии евреи, официально принявшие христианство и подвергавшиеся со времен Торквемады преследованию инквизиции, обвинявшей их в тайной приверженности иудаизму.

[2] На иврите папа традиционно обозначается с помощью вокабулы *Афитор*, происхождение которой неясно и которая послужила поводом для ученых дискуссий. Этимология: *Ави* (или *Аби*) - *Пиор* (отец Петр, или священник Петр), предложенная раввином Берлинером, специалистом по истории римских евреев, представляется вполне вероятной. - Л.П.

[3] Поляков Лев. История антисемитизма. Эпоха веры. М.-Иерусалим, 1997/5757. С.398-399.

[4] См.: Поляков Лев. Там же. С.23-25.

[5] Там же. С.23.

очевидно, показывает, что были как разные синагоги, так и разные христиане.

Если в I веке иудеев и последователей Христа римские власти, скорее всего, не различали, а значит, одинаково плохо относились к тем и другим, то в конце II в. различие между ними уже стало явным. Императоры рассматриваемого времени и их советники были просвещенными людьми и вполне могли вникнуть если и не в глубокую разницу их доктрин, то хотя бы в очевидно заметные внешние их отличия. Однако традиционная психологически негативная реакция римского общества на присутствие евреев одинаковым образом относилась как к евреям синагоги, так и к евреям церкви. Система Римского права, не рассчитанная на различение доктринальных тонкостей, была предназначена лишь для регулирования чисто внешних проявлений. С внешней же стороны присутствие евреев и в синагоге и в церкви делало и ту и другую в глазах римских властей – *подобными*. Болотов поэтому и написал, что христиане, преследуемые Севером, были «замешаны в чужой истории». *Кто и в чем провинился перед Септимием Севером, сегодня судить сложно. Однако в результате каких-то локальных «гонений», в частности в далекой Александрии, возможно, по какому-то навету или дурному стечению обстоятельств мученически погиб Леонид, отец Оригена.*

Как бы ни складывались в это время отношения христиан и евреев внутри и вокруг христианской церкви, но именно во время десятилетнего самовластия папы Виктора I (189 – 198) и двенадцатилетнего никчемного правления Коммода (180 – 192) развернулась бурная эпистолярная деятельность провинциального епископа Ириней Лионского. Ириней Лионский и его единомышленники каким-то образом получили доступ к тайным гностическим текстам, идеи которых были похищены и извращены, новозаветные тексты перекомпонованы и подделаны, а послания апостольских мужей выдуманы. Конечно, Ириней был здесь далеко не первопроходцем. Уже за десятилетие до этого Маркион обвинял евреев в подделке евангелий, «Деяний» и писем Павла, благодаря чему все они оказались переполненными чуждым христианству ветхозаветным духом и апелляциями к Ветхому Завету. Ириней это редактирование только довел до логического конца, хотя один он не смог бы совершить такого значительного преобразования. Однако, обнаруживая явный «социальный заказ», прямую заинтересованность Римской церкви в создании идеологии, способной всех христиан Империи поставить под одно знамя римского епископата, вполне возможно предположить, что мощь столичной кафедры и возмож-

ность влиять на императора Коммода (или на его приспешников) обеспечили текстуальную реформу. В любом случае, по какому бы сценарию ни развивались события, доступ к власти и влиятельное положение столичной церкви, т.е. церкви всей Империи, вполне могли позволить папе Виктору I совершить реформу. Если же учесть культивировавшуюся здесь ненависть к гностикам, то не христиан ли гностиков и затронули известные в то время «императорские гонения»? Во всяком случае, в конце II века гностики, при прежней широкой распространенности тяготевших к гностицизму церквей, неожиданно куда-то исчезли. Ведь невозможно объяснить их исчезновение одним лишь успехом полемических трудов Иринея Лионского. Поистине, исчезновение христиан-гностиков и им сочувствующих представляет собою не вполне ясное явление. Впрочем, поддержанные всей мощью Римской церкви, опиравшиеся на еще мало известные среди прочих христиан тексты (похищенные у гностиков и подправленные под свою доктрину), отцы догматической церкви смогли склонить на свою сторону большинство необразованных христиан и победить рутинным количеством. Превращение при Константине христианства в государственную религию довершило это дело. Христианский же гностицизм, вытесненный из церковной среды, влился в родственный ему неоплатонизм либо окончательно ушел в подполье.

Известно, что желание подчинить себе всех христиан, все церкви являлось хронической болезнью (*mania*) римского епископата. Во время, когда спустя полтора века на Востоке (в IV в.) бушевали страсти вокруг тех или иных нюансов церковных догматов, римские папы интересовались преимущественно вопросами распределения власти. Когда на Востоке в бесконечных спорах и политических распрях церкви доходили до явного умопомрачения, Рим в своей холодной беспристрастности оказывался даже порою в доктринально более верном и безупречном положении, продолжая тем самым увеличивать свой авторитет и влияние.

В качестве примера самовластия папы Виктора можно привести его спор о праздновании христианской Пасхи. Между римской и малоазийской практикой известны были разные решения этого вопроса, что обсуждалось не раз. Кто бы ни был здесь более прав и какими бы доводами ни руководствовались спорящие стороны, нас будет интересовать прежде всего метод разрешения споров папой Виктором. «Виктор, – пересказывает Евсевия Болотов, – обратился к малоазийским епископам с угрожающим требованием: присоединиться к римской практике. По этому вопросу (и может

быть, по предложению самого Виктора) соборы были в различных местах соборы. Все они (Александрийский, Палестинский, Осроинский, Понтийский, Коринфский, Галльский, не говоря уже о Римском) высказались за римскую практику. Исключение составлял собор Ефесский... Виктор ответил малоазийским церквам, видимо, формальным отлучением»¹. Евсевий передает полный достоинства ответ престарелого епископа, которому было поручено от имени епископов этих церквей отвергнуть притязания Виктора:

"...Все они (перед этим назывались имена известных христиан-предшественников. – *А.В.*) праздновали Пасху в четырнадцатый день (лунного месяца) по Евангелию, ничего не преступая и следуя правилу веры. И я, Поликрат, самый малый из вас, поступаю так, как передано мне моими родственниками, им следую. Семь человек моей родни были епископами, я восьмой. И всегда родные мои справляли этот праздник, когда народ не употребляет квасного хлеба². Я, братья, прожил шестьдесят пять лет в Господе, пребывал в сношениях с братьями во всей вселенной (т.е. со всеми церквами. – *А.В.*), прочитал все Священное Писание и никаких угроз не испугаюсь, ибо большие меня сказали: «Повиноваться следует больше Богу, нежели людям». Затем он пишет о епископах, бывших с ним, когда он писал, и с ним единомысленных: «Я мог бы назвать всех присутствующих епископов, которых вы посоветовали мне созвать; я и созвал их. Если я напишу все их имена, то выйдет великое множество. Они знают, как я мал и ничтожен, но согласились с моим письмом, зная, что не кое-как дожил я до седин, а всегда устраивал свою жизнь, следуя Христу». Тогда Виктор, предстоятель римлян, собрался разом отлучить за инакомыслие асийские и сопредельные с ними Церкви; он клеймил всех тамошних братьев письменно, огульно объявляя их отлученными. Не всем, однако, епископам пришлось это по душе; Виктора уговаривали подумать о мире, единении с ближними, о любви. Известны послания с резкими нападками на Виктора» (ЦИ.V.24.6-10).

Результатом этого отлучения стало то, что об Ефесской церкви, с которой связывается написание апостолом Павлом большин-

---

[1] Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.460-461.

[2] В Малой Азии, следуя Евангелию, христиане праздновали Пасху в те же дни, что и иудеи. Это по меньшей мере свидетельствует, что в обычных церквах не сохранилось кумранского календаря, предусматривающего сакральное измерение времени, т.е. традиция была утрачена. В Риме, чтобы не пересекаться с иудеями, справляли христианскую Пасху в первое воскресенье после первого полнолуния после весеннего равноденствия. – *А.В.*

Время Иринея Лионского

ства его Посланий, где, как считается, появилось Евангелие от Иоанна, и где, собственно, и зародилось христианство, до Никейского собора (325 г.) ничего не было слышно. Очевидно, что Виктору было вполне по силам провести в жизнь новую церковную доктрину и навязать всем церквам отредактированные тексты Писания. В течение III в. свидетельства о подлинной истории христианства при уничтожении всяческой памяти о гностических церквах исчезли, а бесцветная, скудная и безжизненная историческая картина, нарисованная Иринеем Лионским, была впоследствии обогащена и расцвечена фантазиями церковных историков.

О том, что такая подмена не прошла незамеченной, рассказывает Евсевий. Им приводится фрагмент одного апологетического сочинения против еретиков. Еретики заявляли, что именно *до Виктора* Писания были другими и что в этой подмене виноват этот римский епископ. Церковный автор, в изложении Евсевия, сообщает:

"«Они (еретики) говорят, что в старину все люди и сами апостолы были наставлены и учили тому, чему учат [они, еретики] сейчас; истина [по мнению еретиков] сохранялась до Виктора, тринадцатого епископа в Риме; с его же преемника Зеферина истину стали искажать.

Слова их (еретиков) могли бы показаться убедительными, если бы им не противоречило, во-первых, Святое Писание, а затем и сочинения некоторых братьев, написанные еще до Виктора в защиту истины, против язычников и против тогдашних ересей. Я разумею Иустина, Мильтиада, Татиана, Климента и многих других. Все они признают Христа Богом. Кто не знает книг Иринея, Мелитона и других? Все провозглашают Христа Богом и Человеком. И сколько псалмов и песнопений от начала христианства написали верующие братья, славя Христа как Слово Божие! И если в течение стольких лет провозглашаемо было мнение Церкви, то можно ли поверить, что жившие до Виктора учили так, как они говорят (т.е. иначе, чем стали учить после Виктора. – А.В.)? Не совестно ли им возводить такую клевету на Виктора? Они ведь прекрасно знают, что сапожника Феодота, главу и отца этого богоотступнического учения, первого заявившего, что Христос – просто человек, Виктор отлучил от Церкви. Если бы Виктор, по их словам, придерживался их богохульного учения, разве отвергнул бы он Феодота, измыслившего эту ересь?...»

Присоединим к этому, – продолжает Евсевий, – и другие слова того же писателя об этих еретиках. Он говорит так:

«Священное Писание они спокойно подделывали, отвергали правила древней веры, Христа не понимали, до смысла Писания

не доискивались и усердно старались найти некий силлогизм для утверждения своего безбожия... Поэтому они бесстрашно и наложили руку на Священное Писание, говоря, что они его исправляют. Желаящий может узнать, что я не клевету на них: пусть соберет и сравнит между собой имеющиеся у них списки (тексты. – А.В.); он найдет много разногласий: Асклепиадоты [тексты] не согласны с Феодотовыми. Можно достать множество этих списков (текстов): ученики их усердно переписывали то, что учителя, по их словам, исправили, то есть испортили. Возьми Ермофилы [тексты] – опять разлад с другими. Аполлоны [тексты] противоречат сами себе. Можно сравнить ранние [тексты] с переделанными позже – несогласий множество. Сколько дерзости в этом преступлении, они, вероятно, понимают и сами. Они или не верят, что Священное Писание (т.е. имеющиеся у церкви тексты. – А.В.) – это слова Духа Святого, – тогда они люди неверующие, или они считают себя мудрее Духа – тогда они одержимы демоном. Они не могут отречься от этого преступления, потому что списки их (тексты) собственноручные. Не такому писанию обучали ихоглашатели¹, и они не могут показать подлинник, с которого списывали. Некоторые (еретики) решили, что и подделывать Писание не стоит: они просто отвергли Закон и пророков и, объявив свое безбожное учение благодатным, дошли до "бездны погибели" »" (ЦИ.V.28.3-6, 13)

Выше отмечалось, что период реформирования религиозной доктрины на базе догматики Иринея Лионского пришелся на время, когда Римская империя впадала в полосу заметных неустойчивостей и регрессии. За полвека до этого ему сопутствовал кратковременный духовный подъем. Еще за полвека – спад. Однако, кроме коротких волновых периодов, каждая культура (этнос), согласно теории Л.Н.Гумилева, характеризуется своим длительным циклом, со своей фазой максимального всплеска активности, а при завершении – временем обскурации (замирания) духа. Для римской цивилизации временем общей обскурации как раз и стал конец II в. – III в. н.э. Именно в это упадочническое время произошло насаждение нового догматического учения церкви. Гумилев об этом периоде в истории Рима писал:

«Фазы этногенеза² переходят одна в другую столь плавно, что для современников, как правило, незаметны. Но историку ясно,

---

[1] *Ихоглашатели* от греч. *ιχο* - звук. - А.В.

[2] *Этногенез*, по Гумилеву - весь процесс от момента возникновения до исчезновения этнической системы под влиянием энтропийного процесса потери пассионарности (см. следующую сноску).

Время Иринея Лионского

что переходы совпадают с важными событиями, значение коих видно только на расстоянии. Решительный перелом в судьбе римского этноса произошел в 193 г., после того как был зарезан сумасшедший император Коммод.

На этих событиях стоит сосредоточить внимание. Порфироносный изверг обронил в постели своей возлюбленной (Марции. - *А.В.*) дощечку с именами обреченных на смерть. Там было и ее имя. Она показала ее другим намеченным жертвам, и специально приглашенный гладиатор Нарцисс прикончил злодея. Сенат назначил императором почтенного старика Пертинакса. Преторианцы его признали, так как он был известен как честный, храбрый и дельный администратор, доброжелательный, справедливый и кроткий правитель. Невинно осужденные были освобождены из тюрем и возвращены из ссылки, доносчики наказаны, порядок в судопроизводстве и хозяйствовании восстановлен. Пертинакс уменьшил вдвое расходы на двор и продал рабов и рабынь, с которыми развратничал Коммод. Казалось, что страна возродилась всего за три месяца.

Но однажды к дворцу подошла толпа преторианцев. Стража их впустила. Они убили Пертинакса. Народ плакал. Этим кончилась попытка спасти отечество.

Преторианцы предложили отдать престол тому, кто больше заплатит. Купил престол богатый сенатор Дидий Юлиан, долгое время бывший правителем отдаленных провинций и награвивший там много денег. Власть его не имела никакой опоры: сенаторы и всадники скрывали свои чувства, а толпа бранилась. Надежды на преторианцев не было никакой...

(Затем после целой полосы убийств императором стал выдвигенец армии Септимий Север). Септимий Север облегчил положение солдат и увеличил армию за счет уроженцев восточных провинций... В результате к началу III в. почти вся римская армия оказалась укомплектованной иноземцами. Это показывает, что римский этнос, переставший поставлять добровольных защитников родины, потерял пассионарность¹. Структура, язык и культура Империи по инерции еще держались, в то время когда подлинные римляне насчитывали несколько семей даже в Италии, которую заселили вы-

---

[1] *Пассионарность* (как характеристика поведения), по Гумилеву – эффект избытка биохимической энергии живого вещества, порождающий жертвенность часто ради иллюзорной цели (Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1997, с.608). С нашей точки зрения названным избытком в момент развития этноса является *психическая* энергия, разновидностями которой в Природе являются и биохимическая, и световая, и тепловая и пр. энергии.

Время Иринея Лионского

ходцы из Сирии и потомки военнопленных рабов – колонны. Военная диктатура Северов продлила существование римской системы на сорок лет, а потом началось... (сплошные убийства и деморализация. Например, за тридцать пять лет, между Александром Севером и Аврелианом, императорами были провозглашены тридцать семь человек ¹. – А.В.)...

Инстинктивная реакция: раздражение, жадность, лень, не имея противовеса в утраченной пассионарности – сделали из римского войска скопище злодеев и предателей... Римский этнос умер и сгнил раньше, чем погиб от вторжения варваров...

На Востоке (к нач. IV в.), где образовался новый этнос, условно именуемый византийским, варвары отражены, на Западе они просто замещают исчезнувших римских граждан...

Тот же процесс в Византии проходил при Ангелах и закончился падением Константинополя в 1204 г. ... Византийский народ исчез, растворился, деформировался задолго до того, как османы ворвались в беззащитный, вернее – не имевший воли к защите, Константинополь (5 мая 1453 г.)» ².

Таким образом, приходится, к сожалению, констатировать, что церковная организация, приняв идеи Иринея Лионского, собственно, наследовала систему уходящей в небытие римской эпохи. Византия (Восточная церковь) психологически была плохо приспособлена к её прокрустову ложу, отсюда бесконечные здесь догматические споры, отлучения и войны. Восток имел совершенно иной дух, но канон и догмат Писания, появившиеся под лакирующей рукой Иринея Лионского, оставались незыблемыми.

---

[1] Дюрант В. Цезарь и Христос. М., 1995. С.677.

[2] Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1997. С.523-525, 530.